

А. В. Суперанская

Теоретические основы ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

**Алфавитное письмо,
практическая транскрипция, транслитерация**

Процесс транскрибирования

Заемствованное слово в принимающем языке

URSS

А. В. Суперанская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. А. Реформатский

Издание второе

URSS
МОСКВА

Суперанская Александра Васильевна

**Теоретические основы практической транскрипции / Отв. ред.
А. А. Реформатский. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 288 с.**

Монография посвящена одной из важнейших проблем прикладной лингвистики — передаче иноязычных текстов на русский язык. Анализируется соотношение алфавитного письма, практической транскрипции и транслитерации в языках разных типов, показаны история заимствования слов и совершенствование способов их записи. Особое внимание уделено развитию этих процессов в русском языке.

Книга рекомендуется филологам различных специальностей, историкам языка, переводчикам и преподавателям русского языка как иностранного, студентам и аспирантам филологических факультетов вузов.

Формат 60×90/16. Печ. л. 18. Зак. № АО-303.

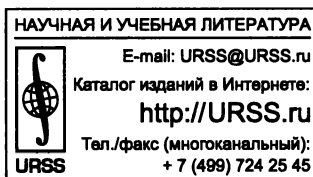
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-4850-3

© ЛЕНАНД, 2017

21716 ID 231169

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Предисловие к первому изданию

Практическая транскрипция — это способ передачи слов одного языка средствами обычной орфографии другого языка для нужд практики — прессы, научной и художественной литературы, картографии, рекламы, библиографии и мн. др. Практическая транскрипция подразумевает исходный материал, процесс передачи и конечный результат его. Каждое из указанных трех звеньев важно по-своему, в каждом имеются свои трудности.

Практическая транскрипция способствует пополнению словарного состава языка, являясь средством введения в него заимствованных слов. Таким образом она находится на службе у лексикологии и занимается преимущественно словами специальными: собственными именами, терминами, номенклатурными обозначениями. В одних областях (картография, отчасти терминология, классификация и систематизация номенклатуры отдельных областей науки и техники) практической транскрипции принадлежит ведущее место. В иных областях ее роль второстепенна — научные работы, содержащие фамилии авторов, библиографические данные и т. д. Она занимает важное место в политических публикациях (газеты, журналы), статистических учетах (экономика, демография). Ретроспективная практическая транскрипция, цель которой — восстановить по зафиксированным формам несохранившееся написание и произношение имени в языке-источнике или языке-посреднике, используется лингвистами при поисках этимологии слова.

Выявление материала, подлежащего транскрибированию, составляет проблематику одной из областей прикладной лингвистики — теории перевода, где решаются вопросы адекватности передачи отдельных слов и выражений. Последнее в свою очередь связано с такими логико-лингвистическими проблемами, как выделение собственных имен из прочих лексических единиц, разгра-

ничество терминов и номенклатурных обозначений, деление лексики на общую и специальную. В сложных случаях, когда возможна и передача исходного звучания слова (транскрипция), и смысловая передача с помощью лексических средств заимствующего языка (перевод), решение может зависеть от задач переводчика, от жанра сообщения, от круга лиц, которым оно адресовано, т. е. от социального заказа, что вводит социалингвистические моменты в указанную проблематику. При этом важно отграничить цели и методы практической транскрипции от целей и методов иных типов передачи.

Практическая транскрипция как процесс передачи непереводимых слов связана с фонологией. Как систематизированная запись иноязычных слов средствами заимствующего языка она связана с орфографией.

Передаваемые с помощью практической транскрипции единицы должны стать словами принимающего их языка. Это предъявляет к ним ряд специальных требований, определяющихся системой последнего. Имя в принимающем его языке становится словом, приобретая в нем специфические фонетические, орфоэпические, акцентологические, морфологические и синтаксические характеристики; оно делается объектом исследования специалистов, занимающихся нормализацией, систематизацией, стилистикой, культурой речи.

В соответствии с указанными выше фактами излагаемый в работе материал делится на части, посвященные различным лексическим аспектам слова в исходном языке, процессу транскрибирования и слову в заимствующем языке. Им предшествует вводная часть, излагающая основные принципы практической транскрипции, историю ее возникновения, а также отношение к транслитерации и алфавитному письму.

Материалом исследования послужили отечественные и зарубежные публикации: общие и специальные (биографические, географические, коммерческие, политические и др.) словари, справочники, пособия по практической передаче географических названий и других собственных имен, отечественная и зарубежная периодика.

В качестве языка-приемника чаще всего берется русский язык. Основные трудности транскрипции показываются в процессе последовательной бинарной конфронтации слов русского и ряда других языков.

Алфавитное письмо, практическая транскрипция, транслитерация (Введение)

Сложная и многообразная история письма имеет свою генеральную линию: от пиктографии, через идеографию, к звуко-буквенному письму, или от знака, непосредственно связанного со значением, к букве, имеющей одну или несколько фонетических реализаций, но непосредственно со смыслом не связанной.

Как справедливо отмечал Д. Н. Ушаков (1913, 9), «язык и письмо — два явления совершенно различные. Письмо, каково бы оно ни было, не может никогда вполне точно передавать живые звуки, и не в этом его задача: чтобы быть удобным на практике, оно необходимо бывает условным, причем степень этой условности в различных правописаниях различна. Правописание — это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это внешность, от изменения которой не меняется язык. Язык живет, изменяясь совершенно независимо от правописания. В своей жизни он обыкновенно перерастает правописание, потому что правописание меняется медленнее» (см. также Martinet 1960, 11).

Отдельные системы письма, исторически и типологически сопоставимые друг с другом, имеют общий источник или одного и того же составителя. Но многие развивались независимо друг от друга, используя различные, не похожие друг на друга принципы соединения письменного знака со звуком и смыслом.

У народов, тяготевших в культурном отношении друг к другу, сложились своеобразные зоны с письменностью, основанной на определенных принципах. Там, где эти принципы «сталкивались», преимущества оставались за более совершенной системой, точнее передающей отношения «звук—знак—смысл», более простой в применении, более легкой для запоминания. Так, на гигантском пространстве Евразии выделяются зоны, где при-

меняется иероглифическое письмо, — восточная часть континента, слоговое письмо — южная и отчасти центральная часть и звуко-буквенное — западная, северная и центральная часть континента. Вся Европа пользуется лишь буквенным письмом с его латинской, греческой и кириллической разновидностями. В древней Европе были известны и другие буквенные системы письма (скандинавские и готские руны, славянская глаголица и др.). В Азии звуко-буквенное письмо представлено в Турции (ближайшей к Европе стране), в Советском Союзе и в Монголии, где оно вытеснило старое монгольское, тоже буквенное, но более сложное письмо. Народы Индии и Бирмы пользуются слоговым письмом.

Типов слогового письма очень много. И здесь контактирование народов, имеющих свои самобытные или возникшие под влиянием других народов системы письма, создает предпосылки для отказа от одних систем и перехода на другие. Так, из многочисленных систем, представленных в Индии и прилегающих странах, наиболее последовательно отражающей фонемный состав языка и наиболее простой для пользования считается деванагари. На деванагари перешел ряд народов Индии, отказавшись от систем письма, имевшихся у них ранее (например, от системы моди). Европейские миссионеры не смогли перевести языки Индии на латиницу и, наоборот, сами освоили деванагари (Лоукотка 1950, 205—227), потому что принцип его как слогового (силлабического) письма был издавна принят в Индии, а отход от него сопряжен с ломкой традиций.

Слоговое письмо сочетается в японском и корейском языках с иероглифами. В отличие от индийских систем, где представлены знаки открытых слогов, состоящих из согласного и гласного [a], знаки, показывающие, что тот же согласный следует читать с другим гласным, и слоги, состоящие из одного гласного, японская кана имеет специальные знаки для каждого согласного в сочетании с пятью различными гласными, а также для этих гласных в изолированном чтении: а, i, u, e, o; ka, ki, ku, ke, ko; ta, ti, tu, te, to; sa, si, su, se, so и т. д., при этом используется фонематический принцип: по-японски графический слог ti произносится [tʃi], tu [tsu], si [ʃi].

Сфера распространения арабского письма значительно сузилась за счет перехода языков Кавказа и Средней

Азии на латинскую, а затем — на кириллическую графику. Арабское письмо, находясь территориально между сферами распространения звуко-буквенного и фоно-слового письма, занимает и по своей сущности своеобразное промежуточное положение, являясь консонантным. Буквенное в своей основе, оно исходит, однако, из предпосылки, что все буквы — согласные и для того, чтобы образовать слог, необходима помощь гласного, который обозначается с помощью специального значка (хараката) над или под буквой, а может и не обозначаться, а лишь подразумеваться (ср. принцип финикийского письма). Вследствие консонантного характера арабского письма даже буквы, воспринимаемые европейцем как гласные — «алиф», «яй», «вав» — и употребляемые самими арабами в заимствованных словах как знаки гласных *نوف امبر* [nufa:mbr] 'ноябрь'), для того чтобы иметь гласное прочтение в арабских словах, нуждаются в сопровождении показателей гласных. Ср. в слоговом письме специальные знаки, сигнализирующие об отказе от консонантного или от вокалического элемента слога.

В свете данных характеристик русское письмо определяется как звуко-буквенное, имеющее, однако, некоторые черты, сближающие его со слоговым. К ним относятся, например, две функции букв *е, ё, ю, я, и* (последнего лишь отчасти): в изолированном чтении, а также в начале слога и после гласного они читаются не как один звук, а как слог, состоящий из согласного *j* и соответствующего гласного: *je, jo, ju, ja, (ji)*. Употребленные после согласных, они придают им мягкость и образуют с ними настолько тесные сочетания, что выделить гласный из слогов *ля, лю, лё* и т. д. оказывается очень трудно¹.

И. А. Бодуэн де Куртене (1912, 41—42) писал: «Переменный состав русского алфавита, равно как и алфавитный порядок „букв“, . . . объясняется исторически перенесением на русскую почву церковно-славянской

---

¹ Иную характеристику русского алфавита как подлинного буквенного, где каждая буква наделена лишь одной функцией, а *ь, ъ, ѣ* рассматриваются как «беглые», роль которых подобна «беглым» гласным *о, е*, см. Zikmund 1968. По его мнению, действующий в языке принцип экономии ведет к тому, что избыточные буквы, которыми часто оказываются *ь, ъ, ѣ*, опускаются.

„кирилловской“ письменности со всеми ее свойствами и принадлежностями. Другим источником русского письма в его целом оказалось при Петре письмо Западной Европы: . . . как образец почерка и печатного шрифта». Ср. об этом же у Я. К. Грота (1876, 132):

В основе так называемых звуко-буквенных систем письма лежит, как правило, не звук, а фонема (подробнее см. часть II). «Идеальный фонографический алфавит должен состоять из стольких букв, сколько фонем имеется в данном языке. Но так как письменность складывалась исторически и многое в письме отражало изжитые традиции, то идеальных алфавитов нет, а есть более или менее рациональные» (Реформатский 1967, 36, см. также Яковлев 1928).

Идеальный фонографический алфавит может быть создан лишь для бесписьменного (младописьменного) языка. Языки с давними письменными традициями, как правило, отягчены многими параллельными возможностями показа фонетически одних и тех же явлений, в них бывает по несколько дублирующих друг друга букв, в связи с чем от пишущего требуется знание многочисленных правил и исключений.

В связи с этим на протяжении последних ста лет наблюдаются попытки искусственной переделки существующих алфавитов с целью приведения их в соответствие с фонемным составом современных живых языков. Понимая практическую невозможность этого, многие предлагают проекты новых искусственных языков, поскольку легче создать новый язык с его алфавитом, чем перевести на новый алфавит язык с большими традициями.

Однако не все предложения по пересмотру алфавитов имели целью привести в соответствие написание и произношение. Опираясь на опыт создания греческого литературного койне, в котором до известной степени «растворились», нивелировались отдельные диалекты, а также общенемецкого *Schriftsprache*, стоявшего над диалектами, панслависты XIX в. полагали, что введение единого алфавита для всех славянских языков будет способствовать выработке общеславянского литературного койне. Но идеи эти привели в действительности к усилению и ускорению дифференциации отдельных славянских литературных языков. Так, Матия Маяр Зильский в середине прошлого века предложил ввести письменный

общеславянский язык, который бы стоял над естественными языками и не опирался на их фонетику и морфофонематику, при максимальной гибкости произношения (Ленсек 1968, 11). Его азбука на кириллической основе включала знаки *а, б, в, г, д, е, ж, з, і, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, ъ, ѣ*, а также большой и малый «юс» для польского и болгарского языков. Знак *ѣ* рассматривался как аллограф *ј* (*конь—конј*). В словах типа *ноч, дѣлајеш ѣ* на конце не писался. Кроме того, *ј* и *ѣ* были в добавочной дистрибуции: после согласных писался *ѣ*, а после гласных и в начале слова — *ј*. Буквы *и, ѥ, ѷ, э, ю, я, ѣ, ѡ* в алфавит не вошли. «Двойные» кириллические гласные *ѧ, е, ѡ, ю* заменялись йотованными сочетаниями при инициальном силлабическом использовании: *ѧа, ѧе, ѧі, ѧу* и ерованными — после согласных: *ѣа, ѣе, ѣі, ѣу: кѣуч*. По мнению Ленсека (1968, 12), для восточных и западных славян это означало введение типичных южнославянских образцов. Орфографические нормы строились на этимологическом принципе (фактически по церковнославянским образцам). Проект этот, как и многие другие, не оказался жизненным, поскольку отрывал письменный язык от живых разговорных форм в условиях значительной территориальной и профессиональной разобщенности славянского населения в разных странах.

Многие исследователи указывают на неудобства, связанные с наличием в Европе двух конкурирующих алфавитов, латинского и кириллического, и отмечают, что по мере роста автоматизации и механизации передачи информации это неудобство возрастает. По мнению Э. Деко (1968, 21), в латинском алфавите недостаточно букв для его подлинной международной, хотя он и шире распространен на земном шаре, чем кириллический. Деко считает, что оппозиция кириллический—латинский должна быть преодолена путем перевода всех написаний на тот алфавит, который будет признан лучшим. Ф. В. Езерский еще в 1911 г. предложил для языков Востока и Запада комбинированный алфавит, составленный из латинских и кириллических знаков.

При сравнении систем письма двух языков выделяются случаи, когда они пользуются письмом на одной и той же основе с частными варьированиями значения графических единиц (русский и украинский, польский

и английский, арабский и персидский языки), и случаи, когда сравниваемые языки пользуются разными системами (английский и арабский, греческий и иврит, русский и китайский). При этом: а) языки, пользующиеся различными системами письма, могут иметь в основе записи слов общие принципы. Например, несмотря на различие графики, такие языки, как арабский, греческий, русский, польский и ряд других, базируются на одном и том же (фонологическом) принципе записи слов, т. е. исходят из определенных соответствий звука и буквы, записывают основной вид фонемы, игнорируя отдельные варианты звучания, появляющиеся в слабых фонетических позициях. Некоторые отклонения от основного принципа, например написание приставок *рас-/раз-* в русском языке, не меняют указанного типа в целом. Сюда же примыкает сербский язык с его излишним фонетизмом (*србин*, *српски*); б) языки, пользующиеся различными системами письма, имеют не только разную графику, но и совершенно иные принципы связи графического знака со звуком и смыслом, ср. английское звуко-буквенное, японское слоговое и китайское иероглифическое письмо, использующие не только различные графические основы (материальное), но и способы их использования (функциональное).

Все эти различия становятся особенно наглядными, когда появляется необходимость записать средствами письма одного языка слова, созданные в другом языке, написание которых регулируется иными нормами. Так возникает практическая транскрипция со всеми ее сложностями и многоаспектной проблематикой.

Практическая транскрипция так же стара, как письменность. К ней неизбежно обращались там, где имелся хотя бы один письменный язык, поскольку заимствование слов — извечная и универсальная языковая закономерность, а письменная фиксация их, т. е. внесение их в тексты, начинается на самых ранних стадиях развития письма ².

Общение представителей различных народов требовало выработки определенных систем записи иноязыч-

---

² Первая известная нам медицинская терминология и номенклатура лекарственных средств, составленная Гиппократом, не была всецело греческой, а включала слова из языков Африки и Азии.

ных слов. Особое положение собственных имен в языке (и в частности смысловая несвязанность морфем, из которых они состоят, с контекстом) способствовало тому, что они в большинстве случаев не переводились, а записывались по звучанию. Особенно сложной оказалась звуковая передача слов с помощью идеографического письма. Несмотря на то, что с течением времени происходила его формализация, сопровождавшаяся выделением иероглифов, передающих лишь звучания и применяющихся для записи собственных имен, особенно иноязычных, иероглифическая запись дает очень большие звуковые искажения. Ср. древнекитайские транскрипции этнонимов Центральной и Средней Азии, приводимые Н. А. Аристовым (1896, 304): *мэнгули*, *мэн-гу* (монголы), *тата́нях*, *да́да* (татары), *юйцзюэ* (уйгуры). Иероглифическая передача слов с буквенного письма не стала более точной и в наше время. Например, китайская запись русской фамилии *Каиров* читается [ка-и-ло-фу].

В древние времена различные системы транскрипции могли определяться индивидуальными особенностями пишущего, его диалектной базой, особенностями его апперцепции, а также хронологически — эпохой. Поэтому каждый дошедший до нас письменный памятник, содержащий более или менее многочисленные заимствования, может рассматриваться как отдельная эпоха в истории языка, и анализ способов заимствования включенного в памятник иноязычного материала может стать темой многих частных работ, которые помогут вскрыть интересные языковые и социолингвистические факты.

Исключительными в этом отношении текстами являются старинные географические карты, отражающие географическую и этнографическую картину старой Ойкумены. Византийские и генуэзские портуланы (карты морских бассейнов и прибрежной полосы, подобие нынешних лоций) достигали большой точности в изображении береговой линии и, надо думать, их словесная нагрузка отражала с достаточной точностью этногеографическую картину того времени. Сопоставительный анализ географических карт определенных территорий, взятых в исторической последовательности, показывает большие расхождения в словесной нагрузке, определяющиеся как изменениями в составе населения, так и различными

языковыми традициями и политическими ориентациями их составителей³.

Известны многочисленные образцы записи греками латинских имен и римлянами греческих, латинские и греческие транскрипции имен варваров (не римлян и не греков). Многие древнейшие имена дошли до нас через Библию. Записки путешественников и дипломатических посланников от древнейшего периода до наших дней включают значительное количество иноязычных собственных имен. Развитие специального института дипломатии создает целые школы и направления в изучении иностранных языков и в специфике записи их слов.

Римская дипломатия, остававшаяся долгое время образцом для европейских дипломатов, создала свои традиции в передаче собственных имен ряда языков. В частности, существующая в современном русском языке модель для названия страны (с конечным *-ия* и с ударением на предшествующем ему слоге: *Да́ния, Испа́ния*) — следствие латинских и, позже, латинизированных штампов, усвоенных русскими дипломатами.

На Руси дипломатия как особый институт существовала уже в XV в. При Иване Грозном имелась специальная канцелярия, ведавшая перепиской с иностранными державами и правителями, изучением иностранных языков, содержанием толмачей (переводчиков). Б.-О. Унбегаун (1935, 22) отмечал, что уже в XVI в. на Руси значительного развития достигало искусство перевода. Дипломаты разных стран писали на Русь частично на своем национальном языке, частично на латыни. В русских статейных списках все эти документы переведены. В Крымском ханстве, с которым велись в то время значительные дипломатические переговоры, не было никого, кто бы мог прочесть по-русски, и русским приходилось иметь своих переводчиков. В 1500 г. русский писец был

---

³ Интересный анализ одной из древнейших карт Руси проделал П. Зволинский (1972). Это карта Антона Вида, составленная в 1542 г. (Изд. 2, 1555, изд. 1-е не сохранилось) на основе сообщения Ивана Ключкова с таблицей передач кириллицы латинскими буквами. Используются различные виды латинизации: традиционные замены *Neperg* — Днепр, *Moscovia* — город, *Mosqva* — река, польский перевод *Swentii Nos* и практическая транскрипция: *Wollochda* (Вологда), *Witzechda* (Вычегда). См. также *Slavia Orientalis* 1968.

даже на службе у Крымского хана. Тевтонский Орден имел своих переводчиков, знавших русский язык. У турок в XVI в. одним из дипломатических языков был сербский (см. Unbegaun 1935, 24—25).

К началу XVI в. в Московской канцелярии было значительное число переводчиков. Переводы их часто были дословными, с большим числом калек. Пышные латинизмы русские переводчики передавали славянизмами (Unbegaun 1935, 26, 45).

Обилие заимствований, хлынувших в русский язык в Петровскую эпоху, способствовало выработке известных правил их русского написания. Число иноязычных слов, включаемых в печатные русские тексты, возрастало на протяжении XVIII и XIX в., менялись традиции, связанные с их русской передачей, вырабатывались правила. Транскрибирование, продолжая быть актом индивидуального творчества переводчика, уже не могло всецело определяться индивидуальными особенностями его личности. Оно подвергается известному нормированию, связанному с необходимостью показать не только произношение, но и написание заимствованного слова, а также в связи с требованием восстановления подлинного написания иноязычного слова на основе его русской транскрипции. Последнее диктовалось не только нуждами лексикографии, картографии и общей прессы, но было и само собой разумеющимся в условиях русско-французского, а также частично русско-немецкого и, позже, русско-английского двуязычия образованных слоев русского общества.

По мере развития науки о языке и по мере расширения международных контактов растет многообразие типов записей иноязычного материала. В настоящее время можно говорить о транскрипциях, ориентированных либо на показ произношения слов, либо на показ их написания.

Транскрипции, ориентированные на показ произношения, применяются в учебных и научных целях. Они могут быть национальными (например, русская диалектологическая транскрипция, составленная на основе русского алфавита) и международными (например, транскрипция Международной фонетической ассоциации, составленная на основе латинского алфавита). При изучении групп родственных языков используется научная

фонетическая транскрипция, объединенная рядом общих принципов, продиктованных характером изучаемых языков, см., например, «Русскую лингвистическую азбуку», составленную для нужд востоковедов, а также серию брошюр «Унифицированная фонетическая транскрипция», выпущенных Институтом языкознания АН СССР в 60-е годы ⁴.

В научных целях употребляется также фонематическая транскрипция, передающая не произношение, а фонемный состав слова. Отражая основной вид фонемы и игнорируя позиционные варианты, она вскрывает явления, «замаскированные» орфографией, и помогает выявить морфологическую структуру слова.

Транскрипции, ориентированные на показ написания иноязычного материала, применяются в практических целях. Они отличаются друг от друга степенью точности показа написания и степенью фонетизма. Обобщенно их можно свести к двум типам: уже упоминавшейся практической транскрипции, с помощью которой передаются иноязычные географические названия и личные имена и фамилии на картах и в общей печати ⁵, и транслитерации, с помощью которой передаются отдельные слова и целые тексты в тех случаях, когда нужна особая графическая точность.

И произношение, и написание может быть отражено в транскрипции лишь до определенного предела, поскольку графика (во всяком случае в языках со звукобуквенным написанием) не бывает слишком удалена от звучания, равно как и не может полностью с ним совпадать, однако при выборе средств передачи предпочтение может отдаваться показу либо того, либо другого.

Все транскрипции, научные и практические, ориентированные на показ произношения или написания, обычно

---

⁴ В данной работе мы не рассматриваем этих систем, но пользуемся ими в практических целях, если надо показать фонетический или фонематический состав слова. См. Гильфердинг 1871; Радлов, Васильев, Залеман; Дурново, Ушаков 1910; Аванесов 1956; Реформатский 1970; Кузнецов 1946; *Phonetische Transkription*; *Le Maître phonétique*.

⁵ Следует возразить против применения термина приблизительная или условная фонетическая транскрипция вместо практическая транскрипция, потому что любая транскрипция условна. Практическая транскрипция, учитывая фонетизм слова, базируется на его фонематике. К тому же она может быть и достаточно точной.

основываются на знаках известного читателю алфавита и предполагают определенные звуко-буквенные ассоциации. См. Неере 1928. Так называемые неалфавитные системы транскрипции, предусматривающие запись звучания слова с помощью номеров, геометрических фигур и тому подобных знаков, как правило, остаются на уровне проектов (см. Jespersen 1899). Номера для обозначения гласных звуков при обучении английской фонетике играют лишь вспомогательную роль при знаках транскрипции Международной фонетической ассоциации (МФА), ср. i: — № 1, i — № 2, e — № 3, æ — № 4 и т. д. (см. *Phonetische Transkr.* 1926). Преподаватель может попросить ученика произносить более «закрыто» № 3 или более «продвинуто» № 2, но это будет разговор специалистов, профессиональная речь, а отнюдь не применение номеров для записи слов обычного текста.

Алфавитное письмо составляет настолько прочную основу любого письменного языка, что даже в пособиях специального назначения, где применяется фонетическая транскрипция сплошных текстов, в качестве вспомогательного средства используется обычное письмо. Например, в издаваемом Международной фонетической ассоциацией журнале «*Le Maître phonétique*» его заглавие пишется по-французски, хотя весь материал журнала печатается с помощью транскрипционных значков системы МФА (см. табл. 1). При передаче имен собственных, в особенности иноязычных, в скобках все же приводится написание их латинскими буквами (оригинальное или в транслитерации), например: juʃ'manɐf (Yušmanov), ma: (Marr), trɒnɦeɪm (Trondheim), см.: «*Le Maître phonétique*» № 101, London, 1954.

В отличие от многих терминов, созданных на основе латинского (и/или греческого) языкового материала в более позднюю эпоху, слово *транскрипция* было создано самими римлянами: лат. *transcribo* 'переписывать', 'копировать'. Правда, употреблялось у них это слово не в современном лингвистическом смысле — *transcriptio* 'переписывание' (долга, перенесение вины на другое лицо). Спецификой латинского словообразования объясняется и чередование *n/b* в современных русских терминах *транскрипция* и *транскрибировать*, которые приобрели в лингвистике более узкое значение: 'переписывать слова, изначально записанные в одной системе письма,

Т а б л и ц а 1

Транскрипция Международной фонетической ассоциации
(по данным на 1951 г.)

		Билаби- альные	Лабио- денталь- ные	Денталь- ные и аль- веолярные	Ретро- флексные
		p b m	ɱ	t d n ʈ ɖ l	ʈ ɖ ɳ ɭ
Согласные	Взрывные			t d	ʈ ɖ
	Назальные	m	ɱ	n	ɳ
	Латеральные фрикативные			ʎ ɮ	
	Латеральные нефрикати- вные			l	ɭ
	Раскатистые			ɾ	
	Дрожащие (одноударные)			ɾ	ɻ
	Фрикативные	ɸ β	f v	θ ð [s z]	ʃ ʒ
Гласные	Длительные нефрикати- вные и полугласные	w ɥ	ʋ	ɹ	
	Закрытые	(y ɯ u)			
	Полузакрытые	(ø ɔ)			
	Полуоткрытые	(œ ɶ)			
	Открытые	(ʊ)			

средствами иной графической системы', а также 'записывать с помощью известной графической системы звучание слов какого-нибудь языка, не опираясь на их исконное написание' — в случае бесписьменных языков или когда по каким-либо причинам национальное написание сознательно игнорируется.

Слово *транслитерация* искусственно составлено в XIX в. из материала латинского языка, ср. *trans + littera* 'буква'. Первоначально этим термином был назван процесс перевода слов и текстов нелатинописующих языков на латинскую графику, а также результаты этого процесса — транслитерированные имена, фамилии, названия книг и статей для включения в единые каталоги научных библиотек.

народная организация стандартов на основе транскрипции «Инструкции для прусских библиотек» утвердила ряд международных стандартов по транслитерации (см. ISO).

Исходя из первоначального назначения транслитерации многие считают, что ею может быть только латинская запись слов языков с нелатинским письмом. Некоторые считают, что это не любая латинская запись, а лишь сделанная в соответствии с указанными инструкциями. Иные подменяют словом *транслитерация* термин *практическая транскрипция*. Для более четкого размежевания той и другой в последнее время в ряде стран латинскую запись нелатинского стали называть *романизацией* (лат. *romanus* 'римский', 'латинский').

В связи с указанными разногласиями попробуем выяснить, в каких случаях имеют место чисто терминологические расхождения, а где различен сам именуемый предмет.

Как нам представляется, возможны различные подходы к данному вопросу.

Формальный подход, основанный на чисто графических отношениях, сводится к следующему: запись латинскими буквами нелатинского — транслитерация; запись русскими буквами слов иных систем — практическая транскрипция. Подход элементарно простой, но оставляющий много неясного. Например, как в таком случае рассматривать латинско-латинские преобразования типа исп. *Venezuela* — польск. *Wenezuela*, англ. и фр. *Canada* — польск. *Kanada* или славянско-славянские: болг. *България* — рус. *Болгария*.

Х. Зикмунд (ГДР) считает, что транслитерация — это передача слов только с нелатинских систем латинским письмом при помощи букв и диакритических значков и в меньшей степени — буквосочетаний. Транслитерации на русскую графику, по его мнению, быть не может. Транслитерация — только технический прием перевода

вила пересмотрены и несколько упрощены Л. В. Щербой (см. Щерба 1940) в ущерб точности передачи. В наиболее точном виде эта транслитерация представлена в редакции 1925 г. Система транслитерации ISO — шаг назад по сравнению с ней. В 1954—56 гг. Институтом языкознания АН СССР была разработана и опубликована система транслитерации, основанная на академической системе 1906—1925 гг. и содержащая некоторые уточнения, см. Реформатский 1967.

одной (нелатинской) графики в другую (латинскую). Она ни национальна, ни международна, а искусственна. Основная цель транслитерации в приведении разных график к «общелатинскому знаменателю» с целью облегчения включения их в единый алфавит (библиотеки, библиографии); дополнительная цель — избежание разных шрифтов (для удешевления печатных расходов), ср. способы латинского обозначения греческих и арабских слов.

Транслитерированные слова для правильного их произнесения предполагают знание орфоэпии соответствующего языка, сама же транслитерация предназначена лишь для записи, а не для произношения. Ее может читать тот, кто знает язык. При выработке системы транслитерации «оглядка» на произношение слов в языке-источнике — основополагающая. Без нее никакое произношение невозможно. Транслитерация предполагает, что оригинальные написания для читателя «просвечивают» сквозь латинскую графику.

В ГДР различают национальную практическую транскрипцию и транслитерацию. Так, транскрипция русской фамилии *Ожегов* и географического названия *Воронеж* будет *Oshegow*, *Woronesh*, такова длительная традиция. В ФРГ те же слова пишутся *Oschegow*, *Woronesch* с подменой отсутствующей в немецком языке фонемы <ж> наиболее близкой к ней своей фонемой <ʃ>, ср. справочники *Duden*, изданные в ГДР и ФРГ. Транслитерация по системе ISO для них будет *Ožegov*, *Voronež*.

Близко к мнению Х. Зикмунда мнение О. Бака (Австрия). Оно сводится к тому, что транслитерация должна указывать лишь на написание, а не на произношение или фонемный состав слова. Даже если орфография несовершенна и нуждается в упорядочении, транслитерация должна показывать все ее несовершенства и не пытаться ее усовершенствовать. В этом отношении транслитерация, предложенная Институтом языкознания АН СССР в 1956 г., по его мнению, скорее вторая, латинская, и более совершенная, чем ныне действующая русская орфография, но не транслитерация в том смысле, в каком это понимают в Австрии. Транслитерация АН СССР для них, с одной стороны, избыточна (две функции русских гласных имеют два разных способа передачи), с другой стороны — недостаточна. Факультативность по-

становки в русских текстах точек над буквой ё не всегда позволяет однозначно судить о произношении слова. Отсюда возможность ошибок в транслитерации по системе АН СССР. Ср. фамилию *Неелов*, которая может передаваться как *Nejelov* и *Nejolov*. В системе ISO она имеет единую передачу *Neelov*. Однако ее русская ретранслитерация может быть и *Неэлов*.

Насколько неудачной и дезориентирующей {может быть в ряде случаев транслитерация по системе ISO, можно показать на примере трех похожих русских фамилий: *Елкин*, *Елькин* и *Элькин*. Транслитерация по системе ISO *Elkin* не дает их четкого различия. Транслитерация по системе АН СССР позволяет их различать: *Jolkin*, *Jel'kin*, *El'kin*. Однако неперенным условием для нее является точное знание исходных форм.

Следовательно, систему транслитерации ISO можно рекомендовать лишь для ограниченного чисто технического применения в печатных текстах, но не для повседневной практики. См. табл. 2.

Хотя подход Х. Зикмунда не чисто формален, в основе предложенного им деления лежит не один, а два разных принципа (латинский — нелатинский шрифт; общие тексты *Woronesh* — специальные издания *Voronež*). Поэтому размежевание практической транскрипции и транслитерации осуществляется не вполне четко.

Как представляется, практическая транскрипция и транслитерация — системы, ориентированные на показ разных явлений, следовательно, безразлично, на какой графической основе они строятся (на латинской, славянской кириллической, арабской, греческой или какой-либо иной). Важен принцип, заложенный в их основе. Следовательно, их различие не материально, а функционально. См. также Реформатский 1960 б, Доницзе 1976.

Практическая транскрипция осуществляется при контактировании двух (и только двух) языков (дающего и принимающего); транслитерация, подобно научной фонетической транскрипции, в зависимости от целей и условий, в которых она употребляется, может быть создана для взаимного перекодирования материала любых двух языков, для группы родственных и даже для неограниченного числа неродственных языков.

Практическая транскрипция лимитирована алфавитом принимающего языка, а транслитерация может при-

бегать к искусственным написаниям, допуская необходимые выходы за рамки алфавита. Практическая транскрипция по возможности передает произношение иноязычного материала, заменяя фонемы, не представленные в заимствующем языке, с помощью имеющихся в нем средств; транслитерация делает это лишь постольку, поскольку это совпадает с буквенными заменами. В практической транскрипции учитывается не только звучание и написание, но и фонематика, и морфологическая роль передаваемых элементов, транслитерация интересуется лишь написанием.

Транслитерация — это условный код, через который нельзя освоить систему фонем языка-источника и который в лучшем случае может дать однозначность ретранслитерации. Переводя одни буквенные написания в другие, транслитерация и практическая транскрипция по-разному «обращаются» с трансформируемыми словами. Если при практической транскрипции основное внимание бывает направлено на то, чтобы сохранить слово как таковое, то при транслитерации принимаются во внимание преимущественно буквенные соответствия двух систем, а скрывающиеся за ними звуки почти не учитываются. Мы говорим «почти», потому что транслитерации по своему назначению могут быть разными. Возможны системы, употребляемые для машинного перекодирования и допускающие очень большую степень условности. Однако результаты этих перекодирований нуждаются в орфографических коррекциях перед тем, как их можно включать в обычные тексты. Транслитерации, непосредственно включаемые в печатную продукцию, как правило, не могут быть оторванными от важнейших звуко-буквенных ассоциаций. Поэтому идеальная система транслитерации должна заботиться не только о следовании известным звуко-буквенным соответствиям, но и об избежании нежелательных. При этом национальные традиции могут в отдельных странах не совпадать. См. также Якобсон 1970.

Соответствия литер различных алфавитов, позволяющие их взаимно заменять, определяются на основе их фонетической стороны, на основе «одинакового» (похожего, однотипного) звучания. Чтение транслитерированных слов во многом определяется живыми ассоциациями знаков алфавита, имеющимися у того или иного народа. Так, при транслитерации, как правило, гласные заме-

няются гласными, а согласные согласными; некоторые отступления от этого возможны лишь при передаче полугласных. Согласные латинского алфавита q, w, x обычно остаются «за бортом» при транслитерации славянских текстов, потому что они оказываются дублирующими, ср. k и q, v и w, ks и x. Вторые члены приведенных пар оказываются лишними не только из-за своей статистической редкости по сравнению с первыми, но и по своей фонетической вторичности, меньшей четкости, возможному наличию дополнительных ассоциаций. При распространении системы транслитерации на другие языки, имеющие письменность на кириллической основе, эти «лишние» литеры находят для себя закономерное место в том же фонематическом (не графическом!) ряду: k и q для переднего и заднего *к* узбекского языка, v и w — для *в* и *ў*. Латинская буква x может быть использована для передачи одного из типов *х* иранских языков.

Спорна возможность передачи русского *х* через лат. *х*. Она применяется в последней редакции транслитерации АН СССР (см. Реформатский 1972а) и в III типе транслитерации, предложенном Т. Шо. Допустимость этой замены подтверждается несплошным применением *х* в латинописующих языках Европы со значением [ks] и тем, что знак *х* в системе МФА применяется для обозначения специального типа [x] в кельтских и ряде других языков.

Звуковые ассоциации живых языков не только диктуют взаимные замены литер, имеющих похожее чтение в разных системах письма, но и подсказывают звуковое значение одних знаков на основе значений других. Так, в системе транслитерации АН СССР и в системе ISO/TC R 9 наличия у *j* значения [й], а у *c* — [ц] достаточно для того, чтобы у воспринималось как [ы], *z* — как [з] и т. д. В системе RGS звучание *j* как [dʒ] или [ʒ] способствует восприятию у как [й], а соответствие диграфа *ts* русскому [ц] заставляет искать и другие диграфы: *ch* для [ч], *sh* для [ш], *zh* для [ж] и т. д. Благодаря этому осуществляется «увязка» литер в системе и облегчается ее применение. Стремлением избежать ненужных ассоциаций объясняется и то, что в четырех существующих системах английской передачи русских текстов не рекомендуется заменять русское *х* через *ch*, имеющее в английском твердую ассоциацию [tʃ] (Shaw 1967, 9).

Хотя, как уже отмечалось, латинские буквы q, w, x в славянских текстах почти не используются, они не могут служить заменами для славянских ж, ш, ч, щ именно из-за отсутствия звуко-буквенных ассоциаций с этими литерами. И для славянских шипящих приходится вводить дополнительные обозначения с помощью диакритических значков: ž, š, č, šč или с помощью «диакритических» букв: zh, sh, ch, shch. Букву h называют также модификатором, если в системе транслитерации она не наделена самостоятельным значением.

Следовательно, хотя основная цель транслитерации — показ письменного облика слова, фонетические моменты при ней нельзя игнорировать. О них заботятся лишь один раз: в процессе составления системы. Далее и перевод одних написаний в другие, и звуковое или оптическое восприятие их в языке-приемнике идут механически, без особой оглядки на произношение слова в языке-источнике.

При практической транскрипции о фонетической стороне передачи заботятся значительно больше: не только в процессе составления системы в целом, но и при переводе каждого слова в литеры заимствующего языка, поскольку транскрибирующего беспокоит судьба слова в принимающем языке, и он старается подобрать оптимальные сочетания литер заимствующего языка для показа не только произношения слова, но и ряда морфологических и синтаксических его свойств.

В странах, пользующихся алфавитом на латинской основе, имена одного языка можно перенести в другой безо всяких изменений их написания, не думая о том, что в чужой языковой среде они будут прочитаны иначе. Таковую «пересадку» слов иногда называют трансплантацией. Сохраняя свое написание, заимствованное слово легко узнается в письменных текстах западных языков, но едва ли может быть узнано при устном общении.

Безразличие к иноязычному произношению в известной мере уравнивает транслитерированные имена современных живых языков с именами, заимствованными из языков мертвых, звучание которых порой утеряно. Например, русское произношение *Фукидид* имени греческого философа Θουκυδίδης точнее всего соответствует исконному, ср. лат. Thucydides, где греческий ударный гласный стал кратким и изменилось место ударения,

откуда немецкие варианты Thucydides и Thukydidēs, английский Thucydides [əju:ˈsɪdɪdɪz] и французский Thucydide [tysidid]. Ср. также рус. *хаос* из греч. *χάος*, лат. *chaos*, англ. [ˈkeɪəs], франц. [kao].

Это безразличие к произношению иноязычного материала проявляется и в том, что имена современных греков для нужд библиографии в ряде стран до сих пор передаются в соответствии с нормами древнегреческой фонетики, что совершенно не соответствует современному греческому произношению и не отражает системы фонем современного греческого языка (см. Politis 1972).

В нашей практике дело обстоит иначе. Как отмечал Н. В. Юшманов (1932), если для Запада важно, как написать, то для Востока — как прочесть. Отметим и своеобразное промежуточное положение России — между Западом и Востоком. Исстари для Западной Европы Москва считалась Востоком, а для стран Востока — Западом. Вследствие несовпадения русского алфавита с алфавитами многих других народов, иноязычные слова и имена собственные заимствовались у нас обычно с учетом их звучания в языках-источниках и при записи их средствами русского алфавита обращалось внимание не на одно только написание, но и на их реальное живое произношение.

В настоящее время, когда языки многих народов Советского Союза пользуются письменностью на славянской кириллической основе, а их специальная лексика заимствуется в русский язык непосредственно из официальных литературных языков, можно ставить вопрос о максимальном сближении русской передачи имен и других слов этих языков с оригинальным написанием. При полном совпадении русского написания с оригинальным написанием слова (даже если они отличаются в произношении) имеет место трансплантация, при некоторых отличиях (замена *ж* через *к*, *ç* — через *с* и т. п.) — передача, стоящая ближе к транслитерации, чем к практической транскрипции. При этом нередко получаются сочетания букв, противоречащие правилам русской орфографии (см. Донидзе 1976, 33—36).

Правда, описываемый Г. И. Донидзе способ не может быть безоговорочно назван транслитерацией, поскольку никаких выходов за пределы знаков русского алфавита при нем не происходит, употребляются лишь знаки в не-

привычных для русского читателя позициях, а транслитерация, для того чтобы быть точной, должна выходить за эти пределы. По определению Г. И. Донидзе (1976, 39) практическая транскрипция — это передача чужих фонем своими графемами, а транслитерация — передача чужих графем своими графемами. Однако, поскольку при описываемом им способе заимствования сохраняются не все буквенные различия, можно считать, что это транслитерация не в чистом виде. При указанном Г. И. Донидзе способе четко выдерживается лишь одна характерная особенность транслитерации — ее неорфографичность. В отличие от транслитерации, практическая транскрипция — это орфографическое письмо, учитывающее позиционные особенности букв алфавитов дающего и принимающего языков.

Как отмечает Ферт (1936, 540), с соссорианской точки зрения, орфография представляет язык, а не речь. Очевидно, переданные с помощью практической транскрипции слова будут тем более соответствовать нормам орфографии принимающего языка, чем глубже их вхождение в его словарный состав.

В отличие от орфографии в узком смысле этого слова и практическая транскрипция, и транслитерация служат своего рода «мостами», соединяющими разные системы, и предполагают различные преобразования. Именно потому, что введение в язык новых слов (будь то имена собственные или нарицательные) — на первых порах не собственно орфография, а практическая транскрипция, общие правила орфографии не могут с достаточной строгостью распространяться на этот лексический фонд. Заимствования подчиняются им лишь после того, как они хорошо освоены в новом для них языке и после того, как, покинув узкоспециальную (научно-техническую, политическую, этнографическую и т. п.) сферу, они войдут в общую лексику. До этого они могут подвергаться лишь частичному упорядочению (замена мягкого *ль* на твердое и наоборот: *носталгия*—*ностальгия*, *анальгин*—*аналгин*; замена удвоенного согласного неударенным: *литтература*—*литература* и т. п.). Замена и исправлениям подвергаются порой и очень широко известные и хорошо освоенные имена: *Жорж Занд*—*Жорж Санд*, *Озирис*—*Осирис*. Однако все это еще не общая орфография, поскольку каждое такое изменение вводится в словарном

порядке и порой не имеет строгих правил, которые регламентировали бы все аналогичные явления.

Не всякая запись отдельного слова или связного текста с помощью иной графической системы является практической транскрипцией или транслитерацией. Тексты одного и того же языка могут быть записаны с помощью различных графических систем или разных стилей письма, и это будет алфавитное письмо с сохранением тех же норм орфографии, что свидетельствует об обособленности графики от языка, а также о том, что письменная форма речи достаточно условна. Так, тексты немецкого языка с одинаковым успехом могут быть записаны с помощью обычного латинского алфавита (антиквы) и его готической разновидности (фрактуры), тексты сербско-хорватского языка можно записать с помощью кириллицы и латиницы. Ранние чешские и средневековые румынские тексты писались кириллицей. Современный молдавский алфавит на славянской основе так же хорошо приспособлен для записи румынских текстов, как и румынский алфавит на латинской основе. Литовские книги в XIX в. печатались кириллическим алфавитом, который обслуживал литовский язык с такой же точностью, как и современный, созданный на латинской основе. Многие советские республики Средней Азии до революции пользовались арабским алфавитом, в первые послереволюционные годы — алфавитом на латинской основе, а сейчас — алфавитом на кириллической основе. Все перечисленные примеры — разные способы письменной фиксации одного и того же языкового материала, а не практическая транскрипция или транслитерация.

Слова и фразы своего языка, произнесенные с отклонениями от общей нормы, можно записать обычным алфавитным письмом с отступлениями от привычной орфографии. Такие частичные фонетические транскрипции, основанные на алфавитно-орфографических особенностях данного языка, применяются для записи детской речи, для записи речи с каким-нибудь дефектом произношения, для показа определенной произносительной манеры. При этом, чем менее значительны отклонения от нормы в изображаемой речи, тем ближе к общим орфографическим правилам запись.

Например, Коля М. (3 года) говорил: Няня казара: «Кароши Коря». (Няня сказала: «Хороший Коля».);

Вера С. (2 года) говорила, что ее зовут *Веитька* (Верочка) и что ее мама *пиехая* (приехала). В обоих случаях ребенок еще не владеет системой родного языка. Его слова — звукоподражание, имитирующее речь взрослых. И взрослый, записывая их, прибегает к частичной фонетической транскрипции, лишенной фонологизма и морфологизма, поскольку у ребенка фонологическая система еще не сложилась; представлены пока что не все звуки (геср. фонемы) родного языка; несколько фонем репрезентируются одним звуком, например, фонемы <г>, <л>, <ј> — звуком [j]. Это сближает детскую речь с иноязычным материалом, подлежащим транскрипции. Но отличает их то, что детская речь — это неоформленная речь данного языка, а иноязычный материал — это вполне оформленные слова взрослых.

Записи речи с каким-нибудь дефектом произношения, часто встречающиеся в литературных произведениях, напоминают фонетическую транскрипцию: *хагашио, сквегна, здгаствуй* (хорошо, скверно, здравствуй). Здесь нет ни фонетических соответствий, ни графического совпадения с привычным написанием слов, да и сам фонетизм весьма относительный. Различные дефекты речи, например картавость, могут изображаться по-разному: *тгубка, т'убка, т'юбка, твубка* (трубка) в зависимости от характера самих дефектов и от точности восприятия их писателем.

В. В. Виноградов (1963, 40—42) писал о различных манерах произношения, отмечающихся (или отмечавшихся) у различных территориальных и социальных групп и о возможности их фиксации в литературном произведении. Эту мысль он иллюстрировал изображением у А. И. Куприна «фатовского» или претенциозно-хлыщеватого жаргона снобов, распространенного у некоторых групп дореволюционного русского офицерства. Например: — Что ж ты стал, мэльчишка? Прэхэди п'жалста. . . Глюп, туп, нерэзвит. . . эттого, что мэло бит (А. И. Куприн, Собр. соч. в 6-ти т. Т. II, с. 443). Или: — Ме, мон ами! . . . Но . . . мой друг, — перевел он по русски. С какой стати? Пуркуа? . . (А. И. Куприн, Соч. в 3-х т. Т. II. М., 1953, с. 230—231).

В этих и многих других случаях имеют место два явления: 1) запись манерной русской речи и 2) запись иноязычных слов или фраз. И то, и другое осуществляется с помощью русских алфавитно-орфографических написа-

ний, но в первом случае иносистемны фонетические особенности при сохранении русской лексической и синтаксической основы, во втором же случае иносистемны лексика и синтаксис, которые облекаются, однако, в русскую фонетику настолько, насколько это позволяют средства фонетики и орфографии русского языка, разумеется, с большим ущербом для иноязычной фонетики.

Там, где показ каких бы то ни было нарушений фонетического облика иностранного слова не входит в задачи писателя, он включает иностранное слово в русский текст в иноязычной графике. Ср. многочисленные примеры употребления таких иностранных инкрустаций у Л. Н. Толстого: «— Attendez, — сказала Анна Павловна, сообщая»; «— Capital! — по-английски сказал князь Ипполит». Ср. также обращения и личные имена, сохранявшиеся в иноязычной форме: «— Ah! mon cher, — отвечала бабушка . . . Она пишет мне, что будто Pierre предлагал ей ехать», «Вы заметили, mon cousin. . .»

Алфавитная запись диалектной речи, осуществляемая в произведениях художественной литературы, за редким исключением не есть практическая транскрипция, поскольку фонологическая основа литературного языка и диалектов во многом совпадает⁷. Фонетические отличия касаются главным образом орфоэпии. Поэтому диалекты в своей письменной форме обычно меньше отличаются друг от друга (если при записи их текстов применяется алфавитное письмо на фонологической основе), чем в устной. Если же писатель хочет показать своеобразие диалектного произношения, он пользуется фонетической «полутранскрипцией», основанной на графике того языка, на котором он пишет. Такая «полутранскрипция» не должна быть фонематичной и не должна стремиться следовать нормам установившейся орфографии. Наоборот, ее спе-

---

⁷ Даже такие случаи, как русские диалекты с 4, 6, 7 гласными при литературной пятигласной системе, будучи включенными в литературный текст, оказываются на правах «полутранскрипции»; в научных целях их записывают с помощью специальных фонематических и фонетических транскрипций (ср. Аванесов, 1970, 311). Ср.: «Наибольшие различия между отдельными диалектами русского языка имеются в звуковой стороне, но эти различия заключаются не в системе фонем, которая в значительной мере общая для большинства русских говоров, а в тех комбинаторных вариантах, на которые распадается отдельная фонема» (Аванесов, Сидоров 1930, 112).

цифика базируется на отталкивании от орфографических норм ⁸.

При так называемых безграмотных написаниях мы имеем дело с наивным фонетизмом. Ср. надписи на ценниках у некоторых современных продавцов на рынке: «маркофь», «агурцы». Немало подобных написаний отмечается и в исторических документах. Эти написания, игнорирующие существующие и существовавшие правила, нельзя считать практической транскрипцией именно потому, что это запись своего, а не иноязычного. Это и не фонетическая транскрипция, хотя подобные написания стремятся к фонетизму и нередко отражают фонетику диалекта. Это случаи неупорядоченной орфографии (с некоторым отступлением от фонематизма в пользу фонетизма), находящиеся в рамках алфавитного письма.

Следовательно, алфавитное письмо отличается от различных видов транскрипции и транслитерации прежде всего тем, что им записывается известное, привычное для данного языка, а транскрипцией или транслитерацией — новое, непривычное. Степень непривычности транскрибируемого материала тесно связана со степенью необычности привлекаемых для этой цели средств ⁹.

Алфавитное письмо обслуживает одну целостную систему; транскрипции служат для показа иноязычного. Письмо записывает свое, практическая транскрипция — чужое для того, чтобы приспособить его к своему. Нормы орфографии реализуются полностью при записи своего. Транскрипции имеют свои нормативные соответствия. Поскольку практическая транскрипция фактически лимитирована алфавитом данного языка, она входит в состав алфавитного письма на правах его автономного сектора, не полностью подчиняющегося орфографическим нормам данного языка.

⁸ Ср. показ Ч. Диккенсом в «Пикквикском клубе» речи Самуэля Уэллера и его отца: w вместо v и наоборот; слова, начинающиеся в литературном языке с h, — без него, а начинающиеся с гласных снабжены протетическим h. К сожалению, в русском переводе А. В. Кривцовой и Е. Ланна (М., 1936) это никак не отражено. Ср. у Доде в «Тартарене из Тараскона» показа южнофранцузского диалекта словом nap вместо литературного поп. В русских переводах обычно изображается как *нат* вместо *нет*.

⁹ В этом отношении фортепьянные транскрипции Листа — подобная же передача средствами одного инструмента (фортепьяно) не предназначенного для него звукового материала: фантазии на темы опер Верди, симфонических произведений Берлиоза, Глинки и т. п.

Любые транскрипции, имеющие сколько-нибудь значительное распространение, основываются на алфавитах определенных языков, сохраняя в известной мере их привычные звуко-буквенные ассоциации. По своему назначению транскрипции делятся на фонетические и графические. Первые с различной степенью точности передают произношение, вторые передают написание, сохраняя до известной степени орфографию источника.

Системы транскрипций, ориентированные на передачу письменной формы слова, делятся на практическую транскрипцию, по возможности отражающую написание, произношение, фонологию и морфологию оригинала, и транслитерацию, нацеленную на максимально точный показ написания иносистемных слов в ущерб произношению и морфематике.

Проблема выбора между различными системами не возникает там, где можно однозначно пользоваться алфавитным письмом. Но там, где есть необходимость показать иноязычное, выбор способа передачи определяется ее целью. Для различных аспектов документации предпочитается транслитерация; для общей прессы — практическая транскрипция; для показа диалектного, детского или какого-либо «неправильного» произношения своего языка в литературных произведениях применяется фонетическая «полутранскрипция», ориентированная на графическую систему данного языка; для показа тех же явлений в научных трудах — различные научные системы фонетической и фонематической транскрипции.

В отличие от алфавитного письма практическая транскрипция имеет дело с передачей иноязычного материала, при этом различие двух конфронтирующих систем должно быть достаточно большим. Практическая транскрипция начинается там, где имеет место межъязыковой контакт, где в систему одного языка вводятся элементы иной языковой системы, где имеет место заимствование. При этом практическая транскрипция сочетает в себе близость к графике исходного языка и показ (в пределах возможного) иноязычного произношения.

Общая пресса противопоставляется остальным сферам как общая, неспециальная — специальным и более частным. В то же время общая пресса аккумулирует и адаптирует материал, «поставляемый» частными сферами.

Документация в старом смысле этого слова (международные паспорта, маршрутные листы) тесно смыкается с библиографией, ведением архивов, хранением исторических документов. В последнее время в связи с машинной обработкой текстов, накоплением и хранением научной информации слово «документация» получило иное значение. Документация в связи со службой информации также заинтересована в строго определенной передаче иноязычного материала.

Предъявляемые к надписям в географических пособиях (картах, атласах, словарях) требования, с одной стороны, смыкаются с требованиями, предъявляемыми к документации — документальная точность. С другой стороны, они аналогичны требованиям, предъявляемым к иноязычным словам в общей прессе — сохранение фонетической близости к исходному и идентификация на слух. Эта двойственность приводит к тому, что в разных странах для передачи географической номенклатуры применяются системы, основанные на различных принципах в зависимости от свойств языков заимствующего и исходного, от национальных, культурных, исторических и прочих традиций и т. п. См. Webster's Geographical dictionary, а также атласы, указанные в списке литературы.

Транслитерация, так же как и практическая транскрипция, имеет дело с иноязычным материалом, но служит для других целей. Транслитерация применяется:

1) для передачи текстов мертвых языков, имевших труднодоступную и мало кому известную письменность (древнеперсидский, санскрит, греческий);

2) для передачи более доступными средствами текстов живых языков с трудной письменностью (арабский, китайский, бирманский);

3) для передачи собственных имен и непереводаемых слов живых языков — в ограниченном числе случаев, например, при многосторонних интернациональных связях. Сохраняя идентичность орфографии, эта система служит международным эталоном для идентификации личностей, для идентификации судов дальнего плавания, при производстве торговых и почтовых операций, при составлении международных библиографических списков, прейскурантов, каталогов, проспектов, докладов на международных съездах, международных атласов и т. д. Например, при печатании одного и того же материала на

нескольких языках при национальных практических транскрипциях русской фамилии *Лапшин* как *Lapschin* в немецком тексте, *Lapshin* в английском, *Lapchine* во французском, *Lapscin* в итальянском, *Łapczyń* в польском следует дать и общую для всех транслитерацию *Lapšin*. См. Щерба 1940, Кузнецов 1946, Реформатский 1960, 1960а, 1960б.

Подводя итоги вышеизложенным фактам, являющимся той исходной платформой, на которой мы будем строить дальнейшее изложение, наметим основные принципы практической транскрипции, а вместе с тем и основные методы, которыми пользуется транскрибирующий.

Практическая транскрипция имеет дело с письменными заимствованиями и, следовательно, большое место в ней занимают вопросы графики и орфографии. Однако практическая транскрипция не есть простая побуквенная передача, и отнюдь не графике принадлежит в ней ведущее место. Чисто графической она не может быть хотя бы уже потому, что орфографии разных языков строятся на различных принципах (фонетическом, морфологическом, этимологическом), — отсюда разные способы записи одного и того же. Кроме того, значения одних и тех же букв в разных языках различны. Например, буква *y* в английском языке читается как [j], в немецком как [i] или [y], в польском как [ы], в скандинавских и финском как [y]; сочетание *ch* звучит по-французски [ʃ], по-английски [tʃ], по-немецки, чешски, польски [x], по-итальянски [k] и т. д. Поскольку практическая транскрипция стремится к показу слов как целостных единиц, она должна в известной мере показать их произношение, а не только написание, и, написанное одинаково, при транскрибировании с разных языков показывается по-разному.

Следовательно, чисто графическая передача за редким исключением не может быть точной фонетически, так же как фонетическая передача не гарантирует сохранения графической идентичности. Как явствует из приведенных выше примеров, латинский алфавит не представляет собой целостного единства в своем употреблении в практике разных народов. Он един лишь в своей графической основе, которая представляет собой как бы единую графическую систему, получающую в практике разных народов разную настройку, при которой каждый раз взаимоотношение входящих в него единиц устанавливается совершенно

особым образом. Ср. длинные списки различных ценностей каждой латинской буквы, приводимые Уэбстером (см. Webster 1953).

Совершенно очевидно, что при передаче имен одного языка фонетико-орфографическими средствами другого точное следование орфографии языка-источника необходимо лишь в специальных целях — в орфографических и фонетических трудах, где могут быть даже отражены исторические написания (буквы «ять», «юс», «фита» и т. п.), но в изданиях для массового читателя это не требуется.

Я. К. Грот (1876, 136—137) отмечал, что «иностранные слова можем мы вообще писать только так, как произносим их, потому, во-первых, что имеем ограниченный запас букв, а, во-вторых, что поневоле подчиняем иностранный выговор законам своей фонетики». Л. В. Щерба (1931, 191) констатировал: «Самый общий вопрос можно сформулировать так: что брать у иностранцев — написание или произношение, т. е. говорить ли *Схакэспэарэ* или *Шекспир*, *Лиэбкнэшт* или *Липкнэшт*. Жизнь уже давно и, как мне кажется, бесповоротно решила этот вопрос в пользу произношения, правда... не без некоторых небольших реверансов в сторону написания».

К. И. Чуковский (1936, 209) писал: «В соответствии с общими установками нашей эпохи переводчик должен передавать иностранное имя не приблизительно, а со всей точностью, доступной для русской фонетики. Исключение делается только для тех имен, написание которых установлено давней традицией (*Вальтер Скотт*, а не *Уолтер*). Что же касается тех имен, относительно которых не установилось традиций, их надлежит передавать с наибольшей близостью к их подлинной национальной фонетической форме. Переводчик должен запечатлеть в переводе не то, как они пишутся, а то, как они произносятся».

На фонетическом принципе настаивает и «Инструкция для авторов и редакторов Большой Советской Энциклопедии» (1949, 49) и многие специалисты-лингвисты. Однако транскрипция, основанная на чистом фонетизме, например: рум. *Zapischii Vsesoiuznovo mineraloghicescovo obscestva*¹⁰, рус. *Соя* из англ. *Sawer*, *Ко* из англ. *Core*, *Берье* из швед. *Berger*, *Хронинген* из нидерл. *Groningen*, *Махт* из нем. *Magd* и т. д. — создает большой разрыв

¹⁰ Annali Romano-Soviete, Ser. geol. geogr., 1953, т. 7, № 6, p. 29.

между произношением и написанием. Такая передача, как и чисто графическая (являясь прямой противоположностью последней), делает затруднительной, а порой и невозможной обратную транскрипцию, которая часто бывает необходима в практической работе.

Это значит, что в практической транскрипции точность произношения имени следует показывать лишь до определенной степени. Слишком большой фонетизм затемняет истинную форму слова.

Кроме того, при чисто фонетической передаче возникает двоякого рода неудобство: с одной стороны, эта передача не может быть строго фонетической уже потому, что в языке заимствующем часто не бывает звуков, соответствующих звукам языков исходных, и не всегда имеются буквы для изображения всех звуков заимствуемых слов (например, в русском языке нет букв для обозначения английских [ə], [ʃ], западноевропейских [h], [l], английского и французского [r] и многих других звуков). Вводить же для их обозначения новые знаки в алфавит значит нарушить основной принцип практической транскрипции.

С другой стороны, при чисто фонетической передаче возникают трудности при изображении редуцированных звуков, в частности гласного [ə], в который редуцируются многие гласные полного образования. Если во всех случаях передавать этот редуцированный гласный на основе его звучания одинаково, например, через русское *е* (э), то в русской транскрипции пропадет фонематизм языка-источника (см. табл. 3), и по ней невозможно будет восстановить графический облик иностранного слова в языке исходном, а без этого транскрипция теряет свою практическую ценность. Следовательно, практическая транскрипция не может базироваться на чистом фонетизме.

М. Граммон (1950, 28) писал: «Применение фонетического письма было бы значительно более затруднительным, чем применение обычной орфографии, потому что фонетическая орфография изображает множество оттенков, которые практически не имеют значения». Поэтому за чисто фонетической передачей, как и за чисто графической, следует оставить узкоспецифическую область применения — специальные лингвистические исследования и словари. Фонетизм же, к которому обычно стремятся, оказывается неполным, т. е. не вполне фонетизмом. Именно о таком, неполном фонетизме говорил А. А. Смирнов

Т а б л и ц а 3

Оппозиция английского редуцированного э и гласных полного образования *

ə—i	armour ['a: mə] броня	army → ['a: mi] армия
ə—ɔ:	exercise ['eksəsaɪz] упражне- ние	exorcise ['eksə: saɪz] изгонять (злых духов)
ə—ɜ:	forward ['fɔ: wəd] вперед	foreword ['fɔ: wɜ: d] пред- слова
ə—e	experiment [iks'perɪmənt] опыт	to experiment [iks'perɪmənt] экспериментировать
ə—ʌ	some [səm] некоторое коли- чество	some [sʌm] какой-то
ə—æ	that [ðæt] который	that [ðæt] тот
ə—ei	estimate ['estɪmət] оценка	to estimate ['estɪmeɪt] оцени- вать

* Примеры подобраны Г. П. Торсуевым. См.: Торсуев Г. П. Фонетика английского языка. М., 1950.

в своей лекции «О транслитерации иностранных имен и слов», прочитанной в Ленинградском доме писателя (цит. по: Чуковский 1941, 216—217; стенограмма не сохранилась): «Научная транслитерация (т. е. практическая транскрипция. — А. С.) состоит не в наивозможно точном механическом воспроизведении иностранных звуков крайне несовершенными средствами русского алфавита, а в такой организации передачи иностранных имен (слов), которая при верном и общем воспроизведении их подлинного звучания (например, при уничтожении ненужных неточностей в этом отношении) позволила бы вместе с тем наилучшим образом их осваивать».

Таким образом, практическая транскрипция не может быть ни чисто графической, ни чисто фонетической: в обоих случаях получился бы слишком большой разрыв исходного и получаемого. «Применявшийся раньше метод транслитерации, т. е. «перевода» каждой буквы чужого текста в букву своего, приводил к нелепостям, в том случае, когда орфография чужого языка далека от произношения. . . Однако переход к фонетической транскрипции в этих случаях тоже нельзя признать правильным . . . потому что при практической транскрипции надо передавать не произношение слова, а с а м о с л о в о . . . Так как значимыми явлениями в фонетике являются фо-

немы, то, очевидно, надо передавать состав фонем слова другого языка» (Реформатский 1955б, 296).

Для практической транскрипции нужна совершенно определенная точность соответствия исходного получаемому — в пределах фонемы. Показ различных позиционных вариантов не обязателен. «Фонемы — это минимальные единицы звукового строя языка, служащие для складывания и различения значимых единиц языка: морфем, слов, предложений» (Реформатский 1960в, 175). «Различие букв и звуков не функционально, а материально: звуки — знаки для уха, буквы — для глаза. Функционально фоническое отличие звуков в системе языка как средства общения» (Реформатский 1947, 12). Передача фонем, а не букв или звуков, дает в ряде случаев вполне удовлетворительный результат: нем. *Magd* — *Магд*, англ. *Fame* — *Фейм*, *Aim* — *Эйм*, *Coke* — *Кор*, швед. *Berger* — *Бергер*.

Принцип фонематической передачи очень ценен для практической транскрипции как обеспечивающий возможность передачи целых слов с достаточной долей фонетизма и близости к графике. Однако системы фонем даже в близкородственных языках не совпадают. Поэтому, основываясь на фонематике, нельзя выдержать этот принцип до конца. Фонемы языка-источника, не имеющие в языке заимствующем соответствий, приходится подменять фонемами принимающего языка, близкими к ним по звучанию, по изображению на письме или по функционированию в слове. Вследствие этих вынужденных подмен такую транскрипцию уже нельзя однозначно назвать фонематической. Поэтому ее называют практической транскрипцией. Вбирая в себя наиболее рациональные стороны транслитерации и фонетической транскрипции при учете фонемного состава слова, практическая транскрипция добивается и достаточной точности и единства в передаче одних и тех же фонем и морфем. Это сближает ее с фонематическим письмом, принятым для большинства языков Европы, ср. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров (1930, 111—114).

Отказавшись от чистого фонетизма и считая практическую транскрипцию прежде всего средством пополнения лексического состава языка, мы принимаем в основу ее комбинированный метод передачи. Исходя из произношения иноязычного имени, стремясь сохранить его общий фонетический облик, мы учитываем его написание и фо-

немный состав в языке-источнике, а также традиции принимающего языка (если таковые имеются), связанные с передачей отдельных фонем, морфем или целых слов определенного типа.

А. М. Сухотин (1935, 138) отмечал, что надо стремиться к тому, чтобы на одну русскую букву по возможности не возлагать обязанности передавать слишком много звуков транскрибируемого языка, . . . чтобы транскрибированное название вызывало в представлении по возможности меньшее количество возможных вариантов оригинального написания. Отсюда желательность отражения в русской транскрипции тех особенностей написания, которые, не препятствуя правильному чтению, помогают воспроизвести оригинал (двойные согласные, немые буквы, которые в русском не будут произноситься). . . . Если в языке действуют не отражаемые на письме фонетические законы, аналогичные не отражаемым на письме русским фонетическим законам (оглушение), нужно в транскрипции воспроизводить букву, а не звук».

Против показа иноязычного написания высказывался И. А. Бодуэн де Куртене (1912, 85—86), считавший, что это «развивает рабство перед буквой и стремление писать вопреки произносительно-слуховым особенностям собственного языка».

Практическая передача иноязычных слов средствами русского алфавита без введения в него каких бы то ни было добавочных знаков на протяжении последних 100—150 лет претерпела значительные изменения. Если в начале XIX в. ее старались приблизить к написанию слова в языке-источнике, то с середины XIX в. начинается ее фонетизация. В первой половине XX в. фонетизация усиливается, нередко ее проводят в ущерб написанию и фонемному составу слова. С середины XX в. начинается фонематизация передачи.

Современное состояние практической транскрипции — это лишь один из этапов ее длительной истории, этап важный, рациональный, ставящий ее на научную основу и поднимающий большие теоретические проблемы.

Проверка практикой — основной критерий оценки правильности теории. Если практика игнорирует теорию или пособие (инструкцию), составленное на основе последней, это значит, что либо практические работники не знакомы с ними, либо пособие составлено недостаточно четко

и не удовлетворяет запросов практики. В транскрипционных вопросах практика является дважды, в двух разных аспектах: как импульс для создания теоретических основ и как проверочный этап правильности и четкости теоретических построений.

Побочный для общей лингвистики и, казалось бы, очень частный вопрос — практическая транскрипция связан тем не менее с серьезными теоретико-лингвистическими проблемами. Прикладной по своему характеру, он базируется на ряде общелингвистических концепций и нуждается во всестороннем научном анализе.

I Слово в языке-источнике

Займствование слов — неизбежное следствие устного и письменного общения представителей различных национальностей. В словарном составе каждого языка имеется определенный процент займствованных слов, и как бы ни были сильны пуристические тенденции отдельных народов, без займствований не может обойтись ни один язык. С течением времени многие слова так изменяются, приспособляясь к особенностям языка, их займствовавшего, что уже не кажутся займствованными, иноязычными.

Периферия словаря обнаруживает множество интересных явлений. Она состоит преимущественно из слов, относящихся к различным подъязыкам науки, техники, ремесленничества. Среди них много займствований из других языков и из различных (территориальных и профессиональных) диалектов данного языка. Поскольку многие из них обрели в данном языке связь с понятиями, их можно считать словами языка данного.

Выделяются следующие типы займствованных слов: займствования древние и современные; устные и письменные; прямые (непосредственно из языка-источника) и опосредствованные (через посредство других языков); займствования из живых и из мертвых языков; займствования частного и международного характера (подробнее см. Суперанская 1962). В связи с тем, что способ займствования во многом зависит от характера самих займствуемых слов, при сознательном введении в тот или иной язык займствований основное внимание обращается на выявление свойств этих слов в языке-источнике и на придание им аналогичных свойств в языке займствующем. Эти своеобразные лексические анализ и синтез объединяются фонографическим этапом практической транскрипции — прочтением слова языка-источника и соответствующей записью его в языке займствующем.

Как было установлено выше, практическая транскрипция — это передача слов одного языка средствами обычной графики и орфографии другого языка для включения их в письменный текст последнего. При этом перевод фонографического материала одного языка в материал другого — это лишь одна сторона передачи, решающая вопрос, как транскрибировать. Она находится в непосредственной зависимости от лексической стороны передачи, определяющей, какие слова следует передавать с помощью практической транскрипции, а какие — иными способами. Поэтому теоретические проблемы практической транскрипции начинаются с лексикологии, с выявления переводимых слов, имеющих свои регулярные эквиваленты в каждом из контактирующих языков, и непереводаемых, нуждающихся в адекватных заменах в принимающем языке. Совершенно очевидно, что переводимые слова не представляют интереса для данной работы. Поэтому дальнейшее изложение будет посвящено словам непереводаемым и выделению тех из них, которые должны передаваться с помощью практической транскрипции.

По свидетельству Л. Робеля (1968, 123), все теории перевода должны начинаться с изучения непереводаемого. Перевод — это лингвистическая операция, посредством которой одна структура заменяется другой, функционально эквивалентной (Robel; 1968, 125).

По определению Л. С. Бархударова (1975, 174), перевод — это процесс преобразования речевого произведения (текста) на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания. При переводе происходит замена единиц плана выражения, т. е. единиц языка, но сохраняется неизменным (точнее относительно неизменным) план содержания, т. е. передаваемая текстом информация. Слова языка-источника, не имеющие соответствий в словарном составе принимающего языка, Л. С. Бархударов (1975, 96) называет безэквивалентной лексикой, выделяя различные способы ее передачи: транскрипцию (рус. *борщ* — англ. *borshch*), транслитерацию, калькирование (англ. *backbencher* — *заднескамеечник*), описательный или разъяснительный перевод, раскрывающий значение лексической единицы (рус. *борщ* — англ. *beetroot and cabbage soup*), приближенный перевод — подыскание ближайшего по значению соответствия (рус. *горсовет* — англ. *municipal council*);

трансформационный перевод (to die of exposure — умереть от простуды, солнечного удара и других воздействий внешней среды — переводчик выбирает по смыслу). Л. С. Бархударов заключает, что практически непереводаемого нет. В процессе перевода создаются окказиональные переводческие эквиваленты, многие из которых затем превращаются в узуальные эквиваленты переводимых слов, и те перестают быть безэквивалентными, непереводаемыми (1975, 103). Таким образом, индивидуальная работа переводчиков способствует пополнению словарного состава языка, затем, в процессе практического употребления языковым коллективом, слова эти подвергаются испытанию, после чего одни из них закрепляются в языке, а другие выпадают из общего употребления.

Пополнение лексического состава принимающего языка происходит лишь при передаче безэквивалентной лексики с помощью практической транскрипции (отчасти транслитерации) и калькирования. В остальных случаях используется материал принимающего языка. С помощью калькирования заимствуются не слова, а понятия, идеи, которые облекаются в материал заимствующего языка, ср. фр. *chemin de fer*, нем. *Eisenbahn*, рус. *железная дорога*. Это пословный, поморфемный перевод, при котором значение целого может не всегда быть суммой значений отдельных компонентов. Чаще иноязычное слово заимствуется в иноязычном звучании: *парик* (фр. *peruque*), *пиджак* (англ. *pea-jacket*), *галстук* (нем. *Halstuch*, ср. встречавшуюся в XIX в. форму *галстух* и кальку *шейный платок*). Точность записи и точность соответствия иноязычному образцу зависят как от условий заимствования, так и от задач, стоящих перед лицом, вводящим новое слово в принимающий язык.

Помимо этих, в известной мере эпизодических, факторов существует и ряд объективных данных, определяющих характер заимствования. Так, например, глаголы заимствуются довольно редко. Вводясь в принимающий язык, они получают специфическую форму, помогающую их вхождению в глагольную парадигму (в русском языке — обычно суфф. *-ировать*: *бравировать*, *телефонировать*). Нечасто заимствуются и прилагательные. Они также получают соответствующие суффиксы и окончания заимствующего языка, вводящие их в парадигму прилагательного (рус. *-анск-ий*, *-ическ-ий*, *-ильн-ый*: *перуанский*, *пу-*

нический, subtilный). Особенно часто заимствуются существительные, а также именные фразы, образованные на их базе, служащие названиями определенных предметов или их собственными именами.

Однако заимствование необходимо лишь для вновь вводимых в языке слов, при этом желательна их наиболее точная транскрипция. Что касается слов уже заимствованных, то в процессе перевода мы спокойно заменяем англ. *atom* русским словом *атом*, *atomic* — *атомный*, не думая специально ни о транскрипции, ни о словообразовании, т. е. заменяем готовое готовым, а не заимствуем вторично. При этом слова, заимствованные ранее, не всегда похожи на свои прообразы в языке исходном или на свои аналоги в языке, с которого осуществляется перевод. И это закономерно, потому что в каждом языке слово входит в свою особую систему, присущую только ему, и видоизменяется под ее воздействием. Например, давно известное русским музыкантам слово *валторна* мало похоже на свой немецкий оригинал *Waldhorn*. Однако мы не пытаемся вторично заимствовать его в виде *вальдхорн* или поморфемно переводить его компоненты. Поэтому передачу *Waldhorn* как *валторна* можно считать общепринятой заменой иностранного иностранным же, но имеющим в языке заимствующем установившуюся традиционную форму. Встретившийся в одной из концертных программ полный перевод этого слова как *лесной рог* привел к ложной информации: не изобретен ли новый музыкальный инструмент? Такую же дезориентацию дало бы и повторное заимствование этого слова как *вальдхорн*.

Приведенные выше примеры — имена нарицательные, связанные в принявшем их языке с определенными понятиями. Именно эта связь мешает изменению их внешней формы, приближению ее к оригиналу. Иной раз слово заимствуется в неточном фонемном составе: *апартеид* из африкаанс *apartheid*, но даже употребление его в научных текстах в форме *апартхейд* не привело к искоренению из газетных текстов формы *апартеид*¹. Чем старше

---

¹ В 1972 г. в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова была защищена кандидатская диссертация на тему «Кризис социально-экономической системы *апартхейда* в ЮАР», соискатель — А. В. Гусев.

заимствования, тем большие изменения они претерпевают в принявшем их языке и тем труднее их вернуть к изначальному виду.

Чаще и шире практическая транскрипция используется при передаче имен собственных. Но и они не всегда передаются с помощью чистой транскрипции: нем. Berlin — рус. *Берлин*. Многие из них передаются с помощью транскрипции, сочетающейся с деривацией: фр. la Seine — рус. *Сен-а*, фр. les Alpes — рус. *Альп-ы*, англ. The Hebrides — рус. *Гебрид-ы* или *Гебрид-ские о-ва*; с помощью традиционных замен: нем. Sachsen — рус. *Саксония*, польск. Śląsk — рус. *Силезия*; с помощью перевода: англ. The Rocky Mountains — рус. *Скалистые горы*, а также с помощью сочетания перевода и транскрипции с деривацией: англ. Grand Canarian Isle — рус. *Большой Канар-ский о-в*, Great Bahama Bank — *Большая Багам-ская банка*.

В связи с тем, что в указанных случаях иноязычное слово нередко заменяется уже существующими в своем языке готовыми эквивалентами (*Берлин*), могут возразить, что это не практическая транскрипция как процесс, а лишь результат ее, что транскрипция должна создавать новые слова. Однако при всей правильности этого довода следует иметь в виду, что любые готовые эквиваленты этого рода постоянно подвергаются практической проверке и в случае несоответствия современным нормам заменяются более аутентичными. См., например, бюллетени замен транскрипции, данной в большом советском Атласе мира 1964. Следовательно, имеется разница между транскрибированием имен собственных и нарицательных. Имена собственные могут менять свой образ в зависимости от смены политических, языковых и иных ориентаций, имена нарицательные, обретя однажды в данном языке связь с определенным понятием, сохраняются по возможности в неизмененном виде.

Исходный материал для заимствования этимологически и хронологически разнороден. Это не только слова, давно существовавшие в языке-источнике (исконные), но и новообразования, и недавние заимствования. При заимствовании в принимающий язык все они выступают на равных основаниях как принадлежащие в настоящее время одному языку, система которого придает им известную однородность.

Поскольку транскрибируются, как правило, непере-
водимые слова известных лексических категорий, отно-
сящиеся к известным денотатам, видимо, лексический
анализ подлежащего транскрибированию материала сле-
дует начинать с анализа денотатов.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

Своеобразие любого языка делается очевидным при
фронтальном сопоставлении его слов со словами какого-
нибудь другого языка. Например, в процессе перевода
сплошного текста одни слова без труда заменяются соот-
ветствующими им словами контактирующего языка
(англ. a dog — рус. *собака*), другие вызывают затрудне-
ния (a dog wolf — *самец волка*), а смысл третьих при-
ходится передавать не прямым переводом, а иными спо-
собами: the dogs of war — *ужасы войны*, hot dogs — *бу-
терброды с горячими сардельками*, dog's meat — *падаль*,
dog-rose — *шиповник*, Dog-Star — *Сириус*, ср. топоним
Dogberry, фамилию Dogger. Проблеме типологии слов
уделялось много внимания логиками и грамматиками.
Краткий обзор наиболее интересных точек зрения см. Су-
перанская 1973.

Для того, чтобы слова могли переводиться, они должны
в обоих контактирующих языках 1) логически соотно-
ситься с одним и тем же понятием; 2) в обиходе соотно-
ситься с тем же или очень похожим предметом, явлением,
действием; 3) иметь аналогичную стилистическую и эмо-
ционально-экспрессивную соотнесенность.

Как явствует из только что разобранных примеров,
далеко не все слова удовлетворяют этим требованиям.
Есть категории слов, находящиеся вообще вне какой-
нибудь из этих характеристик, например, собственные
имена стоят вне прямой связи с понятиями, слова, ха-
рактеризующие быт какого-нибудь народа, могут не иметь
аналогов у другого народа, а термины и номенклатурные
обозначения стоят вне экспрессии. Следовательно, пере-
вод всех этих категорий слов затруднен. Не поддающиеся
переводу слова (нарицательные или собственные имена)
подлежат заимствованию. Способы их заимствования
определяются их принадлежностью к той или иной лек-
сической категории.

В силу известных лексических закономерностей, слова, непосредственно связанные с понятиями, именно в силу этой связи без особого труда заменяются в другом языке словами, соотнесенными с теми же понятиями, несмотря на то, что объем понятий в обоих языках может не совпадать. Например, русское слово *стол* имеет два основных значения: 1. 'мебель', 2. 'еда, питание', англ. *table* соответствует лишь первому значению русского слова *стол*. Во втором значении следует употребить слово *meal*.

Отсутствие данного понятия у носителей принимающего языка или отсутствие непосредственной связи с понятием у рассматриваемого слова влечет за собой заимствование. Таким же образом отсутствие точной предметной соотнесенности при более общем понятийном соответствии позволяет вводить в язык новые слова. Например, болг. *ракия*, англ. *whisky*, груз. *ча́ча*, перс. *арака* в каждой этнографической среде приблизительно соответствуют рус. *водка*, имея, однако, некоторые сортовые и материальные отличия. Переводимость затрудняется также при отсутствии равноценной стилистической соотнесенности слов контактирующих языков. Так в свое время было заимствовано в русский язык фр. *agomat*, хотя в нем имелся свой семантический ряд *запах, благоухание, благовоние, вонь*. У имен собственных одно из указанных звеньев — связь с понятием — всегда отсутствует, что делает их перевод почти невозможным и повышает роль прямого заимствования.

Граница собственных и нарицательных имен может быть иногда не очевидной. Но с помощью анализа денотата имени всегда может быть получена точная атрибуция последнего. Имя нарицательное — это имя класса предметов, обладающих определенными характеристиками. Денотат нарицательного имени неопределенен (неопределенное множество), а само оно связано с понятием. Имя собственное, наоборот, именуется индивидуальный предмет и закрепляется за ним в результате индивидуальной социальной обусловленности. Если несколько объектов имеют одинаковые имена, это результат нескольких разных актов номинации, а не следствие того, что именуемые объекты образуют целостный класс. Денотат собственного имени в связи с этим всегда определен, а само оно не связано с понятием, потому что не дано классу и

не определяется с помощью типичных для данного класса характеристик. Образованные от имен нарицательных собственные имена функционируют не благодаря тому, что в них ощущается связь с этими нарицательными, но по большей части вопреки ей.

Как полагает В. Маньчак (1969, 285—291), главное отличие имен собственных от нарицательных состоит в том, что, собственные имена, как правило, не переводятся на иностранный язык. Исключений немного: нем. Deutschland — польск. Niemcy (перевод); случаи типа нем. Leipzig, München — польск. Lipsk, Monachium он считает национальными эквивалентными заменами.

Проведенный нами анализ показал, что деление слов на переводимые и непереводимые не полностью совпадает с распределением лексики на имена собственные и нарицательные. Можно с уверенностью сказать лишь то, что собственные чаще заимствуются с помощью транскрипции, а нарицательные чаще переводятся. Однако есть слова, нарицательные по своим лексическим характеристикам, но включающие в свой состав онимические основы (этнонимы, названия жителей по месту, товарные знаки, номены), в связи с чем для передачи их требуется применение транскрипции.

С другой стороны, есть собственные имена, для передачи которых предпочитается перевод — названия крупных физико-географических объектов (*Междуречье*, *Центральная равнина*), названия произведений литературы и искусства, наконец, имена литературных персонажей (*доктор Айболит* — по-болгарски *доктор Охболи*). Следовательно, деление слов на переводимые и непереводимые зависит от чего-то другого.

Как известно, по соотнесенности с понятием все слова могут быть разделены на 1) имена нарицательные, включающие, помимо общей лексики, также специальные единицы — термины и номены и 2) имена собственные. По соотнесенности с предметом слова могут быть разделены на 1) имена классов, т. е. предметов, обладающих определенными характеристиками и соотносящихся с рядом однотипных предметов, и 2) имена индивидов, т. е. индивидуальных предметов, не обладающих характеристиками, необходимыми и достаточными для образования класса.

Возможно и еще одно лексическое деление слов — по сфере их употребления — на бытовые, общепринятые и научные, встречающиеся лишь у специалистов. Наличие *mots vulgaires* и *mots savants* было давно отмечено французскими лексикографами, которые обращали внимание на то, что судьба слов складывается по-разному в зависимости от принадлежности их к указанным категориям. Они приводили в качестве примеров бытовое слово *avoüé* 'поверенный', усвоенное устным путем через народную латынь, и однокоренное ему *avocat*, заимствованное из латинского *advocatus* в значении 'адвокат'.

Если в первых двух типах деления слов наблюдается параллельность: имена нарицательные — имена классов, имена собственные — имена индивидов, то третье деление как бы пересекает их: и собственные и нарицательные имена могут быть бытовизмами; и те и другие могут быть научными словами, см. табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Соотношение бытовых и научных слов

	Бытовые	Научные
Нарицательные (имена классов)	<i>мыло, собака</i>	<i>азот, кадмий, камбий, карст</i>
Собственные (имена индивидов)	<i>Маша, Иван, Смирнов, Сибирь, Париж, Чернушка</i>	<i>Карст, Санта-Фе, Гельмгольц, Збогар</i>

Бытовые нарицательные составляют основное ядро, на которое опираются прочие лексические типы. К бытовым собственным мы относим те из них, которые пользуются всеобщей известностью в данном коллективе, благодаря чему употребляются не в специальных научных, а в обычных повседневных контекстах. Для каждого микроколлектива к числу общеизвестных собственных имен относятся личные имена, фамилии, прозвища лиц, их окружающих, названия близлежащих местностей, а также ряд общеизвестных географических и личных имен, употребление которых не вызывает каких-либо трудностей. Имена собственные, относящиеся к бытовым словам,

обладают большой потенцией перехода в нарицательные, преимущественно также бытовые.

Имена нарицательные в научном употреблении относятся к терминологической лексике, имена собственные в научном употреблении — к номенклатуре. К числу научных собственных мы также условно относим малоизвестные имена, употребляющиеся в литературных произведениях.

Состав бытовых нарицательных имен пополняется за счет слов прочих типов. В него легко переходят термины (научные нарицательные слова), теряя терминологическую точность и обретая бытовые коннотации. Нередко «проводящей средой» для такого перехода служит профессиональное просторечие. Научные собственные имена могут перейти в бытовые нарицательные либо через предварительное превращение их в научные нарицательные, либо через бытовые собственные.

Безоговорочно переводятся на другие языки бытовые нарицательные. Научные собственные имена всегда транскрибируются. Собственные имена в бытовом употреблении и нарицательные в научном составляют сложные случаи, где возможен и перевод, и транскрипция и где могут сочетаться оба названных способа. Например, большие трудности возникают при передаче номенов — научных обозначений предметов, с которыми имеют дело различные области науки и техники. Номенов значительно больше, чем терминируемых понятий. Достаточно сказать, что в одной лишь зоологии в тип членистоногих входит более миллиона видов, и каждый имеет свое специальное научное обозначение — номен. Номены появляются в каждой новой работе, и никогда нельзя быть уверенным, использовался ли тот или иной номен в данный язык. Поэтому номены таких областей знания, как биология, химия специально регистрируются международными комитетами и включаются в отраслевые справочники. Для единства и идентификации номенов во всех работах, проводящихся в разных странах, создаются международные научные номенклатуры, нередко на латинском языке. С ними сопоставимы номенклатуры национальные. Номенклатуры международные и национальные, как правило, создаются искусственно, специалистами — классификаторами и терминологами (номенклатура базируется на терминологии).

Номены стоят вне стилистики, вне эмоциональной окрашенности, т. е. у них вообще отсутствует третье условие, выдвигавшееся нами как необходимое для того, чтобы слово легко переводилось на другие языки. Но и номены — слова особые. Они, как правило, не живут в языке и не развиваются в нем, оставаясь особой, изолированной категорией. Поэтому их нельзя просто пословно переводить, а надо заменять соответствующими номенами из национальной номенклатуры другого языка. Последняя может быть лингвистически идентичной: лат. *Juglans manshurica* — рус. *Орех маньчжурский*, а может иметь лишь денотативную связь с номенклатурой первого языка: *Carpinus betulus* — *Граб обыкновенный* (а не *березовый*), *Vaccinium uliginosum* — *Голубика*, а не *Вакциний топяной*, ср. технические номены: англ. *fish-tail burner* — рус. *горелка двухходовая*, *rat-tail burner* — *горелка одноходовая*, *wing-nut* — *гайка-барашек*, *dove-tail* — «*ласточкин хвост*» — не *голубиный*. Следовательно, дословный перевод номенов исключается не только потому, что они часто не имеют буквальных соответствий в другом языке, но и потому, что они входят в специальные системы, узаконенные комиссиями, и вольный перевод или повторное заимствование привели бы к нарушению целостности системы. В основе номенов могут лежать образы, которые, как мы видели из примеров, базируются в разных языках на разных основаниях.

Стремление к приданию международных черт национальным номенклатурам и терминологиям сказывается в том, что нередко в качестве лексических основ в них используются слова латинского и греческого языков или слова национальных языков в латинизированной форме. Латинский и греческий языки рассматриваются как единый международный терминологический источник. Поскольку международным языком науки долгое время был латинский и все научные тексты писались на этом языке, изначальная принадлежность терминологического слова латинскому или греческому языку теряет практическое значение. Правда, есть отдельные области науки, где греческие основы предпочтительнее. В иных предпочитают латинские. Но там, где по каким-либо причинам выдержать этот принцип оказывается невозможным, используются основы обоих языков. Следовательно, латинский и греческий языки составляют двуединую международ-

ную основу современной терминологической лексики, нейтральную, потому что традиции заимствования из языков латинского и греческого имеются во многих языках, и материал этот не вполне чужд языкам, его принимающим. Это обеспечивает международность терминов, сохраняющих «единство значения и общность основы при различии грамматического оформления и произношения в каждом национальном языке» (Реформатский 1947, 42).

Однако международность отдельных номенов мнима. Например, открытый в 1923 г. химический элемент получил латинское и немецкое название *Nafnium*, рус. *гафний*, ит. *afnio*, но фр. *celtium*. В том же 1923 г. элемент, ранее называвшийся *эманация*, был переименован в *радон*. Химическая номенклатура — эта та область, где переименования допустимы и где соблюдение их обязательно, чтобы не создавалась дезинформация. Однако англичане до сих пор называют радон *niton* и применяют символ *Nt*, отсутствующий в других языках². Следовательно, перевод специальных текстов требует серьезных отраслевых знаний, поскольку то, что кажется международным, может таковым не оказаться.

В настоящее время проводится большая работа по стандартизации отдельных номенклатур и выработке единых международных норм написания номенов. Работа эта возможна в двух планах: а) за основу международного стандарта берется латинская номенклатура; это стимулирует параллельное развитие аналогичных номенклатур на национальных языках с широким использованием словообразовательных возможностей последних; б) за основу международного стандарта берется номенклатура, созданная на одном из национальных языков. Так, Секи (Япония) предложил в качестве международного стандарта английскую номенклатуру гистологии и эмбриологии. Это сводит на нет латинские формы номенов как переставшие иметь какое бы то ни было значение в качестве международных эталонов и заменяет словотворчество в национальных системах транскрибированием английских слов с дальнейшим приданием им необходимых показателей рода, числа, падежа.

---

² В «Англо-русском словаре» (сост. В. К. Мюллер, М., 1946) слово *niton* переводится *нитон* (с пометой *хим.*) и никакого упоминания о русском соответствии — *радон* — не дается.

В состав номенклатур отдельных областей науки и техники входит много собственных имен: почти полностью состоят из них географическая, историческая, литературоведческая номенклатуры. К специальной лексике, нуждающейся в особо внимательном подходе при переводах, относятся следующие лексические категории: именованя людей, реальных и вымышленных, и персонифицируемых объектов, клички животных, индивидуальные обозначения растений, географические названия, названия уникальных предметов, обозначения групп людей и коллективов, названия предприятий, учреждений, фирм, обществ, индивидуальные названия исторических событий, мероприятий, праздников, названия явлений природы, стихийных бедствий, обозначения небесных тел и зон космического пространства, названия точек и отрезков времени, названия произведений литературы и искусства, проектов, документов, договоров, газет, журналов, средств передвижения, знаков отличия, наград, промышленных изделий, пород животных, сортов растений, экзотических бытовых предметов. См. также Суперанская 1973, 144—145.

В зависимости от того, относятся ли они к классам именуемых объектов или к индивидам, насколько тесно связаны с понятиями и с именуемыми объектами, достаточно ли четко определяется и выделяется именуемый с их помощью объект, допускается ли переименование именуемого объекта или хотя бы частичное изменение написания и произношения его названия, решается вопрос о переводимости слов, относящихся к перечисленным лексическим категориям, а также о том, являются ли они в каждом конкретном случае именами нарицательными или собственными. Некоторый итог, позволяющий судить о лексических свойствах слов разных категорий, подведен в табл. 5. Из таблицы следует, что слова общей лексики нормально переводятся, т. е. заменяются эквивалентами своего языка, связанными с теми же понятиями, имеющими ту же предметную и стилистическую соотнесенность. Термины и номены переводятся, но не дословно, а так, как этого требует система. Поэтому перевод текстов, содержащих термины и номены, осуществляется при участии специалистов.

Если слово общей лексики в двух контактирующих языках не обладает указанными характеристиками, оно

Таблица 5

Лексические свойства слов разных категорий *

Свойства	Общая нарицательная лексика	Термины	Номены	Собственные имена в общем (бытовом) употреблении	Собственные имена в специальном (научном) употреблении
Непосредственная связь с понятием	+	++	(+)	—	---
Соотнесенность с классом объектов	+	++	(+)	—	---
Переводимость	+	+	(—)	(—)	—
Возможность переименования именуемого объекта	—	(+)	+	+	++
Тесная связь с именуемым объектом	—	—	+	+	++
Определенность именуемого объекта	—	—	(+)	+	++
Соотнесенность с индивидуальным объектом	—	—	(+)	+	++

* Знаком + обозначено наличие у слов определенной категории указанного свойства, знаком — отсутствие, знаками (+) и (—) неполное, условное проявление, знаками ++, --- усиленное проявление этих свойств.

заимствуется, при этом по возможности близко к звучанию в исходном языке. Термины и номены, отсутствующие в национальной терминологической системе или номенклатуре, заимствуются при участии специалиста данной области. Собственные имена при отсутствии традиции заимствуются в форме, наиболее близкой к их звучанию и написанию в языке-источнике.

ИНФОРМАЦИЯ ИМЕНИ

Поскольку основная масса заимствуемых слов — это имена, собственные или нарицательные, а при передаче их средствами заимствующего языка желательно максимальное сохранение их информации, рассмотрим информацию имени.

Информативность различных слов, словосочетаний и фраз различна. В одних словах имеется прямая, «открытая» лексическая информация (*брадобрей, диван-кровать*), другие слова несут ее в несколько завуалированном виде (*оттоманка, шампанское*), третьи информативны лишь в сочетании с какими-либо дополнительными словами (*парень-огонь, плащ-болонья*), информация четвертых может быть понята лишь в результате тщательного анализа, лингвистического (*близорук из близозорьк*) или экстралингвистического (*перочинный нож* — раньше им чинили не карандаши, а гусиные перья).

Информация имени собственного отличается от информации нарицательного (бытового и научного) тем, что в ее основе лежит не понятийная (слово — понятие), а денотативная (слово — именуемый объект) связь. Вследствие этого информация имени собственного не обладает, подобно информации нарицательного, целостностью и единством и распадается на ряд самостоятельных типов: информацию речевую, языковую и энциклопедическую.

Речевая информация осуществляет связь «имя — объект». Энциклопедическая информация включает комплекс сведений об именуемом объекте: от минимального (*Лондон* — это название города, а *Ньютон* — имя человека) до максимального (описанию жизни и деятельности отдельных личностей, истории создания, застройки, политической роли отдельных городов посвящены целые монографии). Языковая информация — наиболее труднодоступная часть информации имени. Транскрибирующий имеет дело преимущественно с этим видом информации. Для речевой и энциклопедической информации имени практически безразлично, с какой степенью точности имя передается из одного языка в другой, языковая информация имени сохраняется в полной мере лишь при максимально точной передаче.

Можно выделить следующие аспекты языковой информации имени (первые четыре заимствованы у Ю. А. Карпенко 1974, 465):

1. Языковая принадлежность имени.
2. Модель имени.
3. Лексическое значение основы имени (почему из синонимического ряда выбрана именно эта лексема).

4. Структурное значение форманта имени (почему именно этот, а не другой предоставляемый языком формант использован при образовании имени).

5. Специфика инициалей, финалей и медиалей слова.

6. Специфика определенных повторяющихся фонемных последовательностей в определенных позициях.

7. Особенности ударения и тона слова.

8. Особенности членения имени на значащие элементы (часто это отражено в его написании — слитное, раздельное, дефисное).

9. Грамматические отношения компонентов имени как отражение реальных отношений вещей.

10. Отношение говорящего к именуемому объекту.

Таким образом, информация имени заключена во всех его элементах: в лексической основе, в аффиксах, в составе и последовательности фонем. Для специалиста эта информация может быть весьма значительной. Поэтому ее желательно сохранить в трансформированном виде в другом языке именно для нужд специалистов, в ведение которых попадают эти имена.

Остановимся подробнее на каждом из аспектов языковой информации имени.

Языковая принадлежность имени

Вопрос о языковой принадлежности имени — один из важнейших для транскрибирующего. Нередко дискуссионным оказывается вопрос, из какого языка брать имя того или иного объекта для транскрибирования. Это касается территорий с различными типами двуязычия и многоязычия, с меняющейся национальной, политической, государственной и прочей ориентацией. Иной раз транскрибирующий просто не знает, какому языку принадлежит данное имя, а, как известно, графически одно и то же имя читается в разных языках по-разному. Переданное в практической транскрипции, оно примет разный вид в зависимости от специфики языка-источника, тем более что в текстах любого языка могут быть имена и фамилии лиц, для которых этот язык не родной, и географические названия, находящиеся вне зоны распространения данного языка.

Если языковая принадлежность имени известна, понятна бывает и его модель, и лексическое значение его основ, и структурное значение формантов, т. е. аспекты

2—4 зависят от первого. Если языковая принадлежность имени неясна, не очевидна и его модель, а следовательно, и основы, и форманты не могут быть выделены с достаточной точностью. Тогда максимум языковой информации имени оказывается сосредоточенным в аспектах 5—7, имеющих дело со спецификой инициалей, финалей и медиалей имени, с повторяющимися последовательностями фонем, с особенностями ударения и тона слов. Опираясь на эти звенья, можно бывает в ряде случаев с достаточной степенью точности определить, какому языку принадлежит имя.

Поскольку информативность отдельных имен неодинакова, различные типы имен нуждаются в индивидуальном подходе (об этом подробнее см. ч. III), и точность фонетической передачи не может быть самоцелью. Она — лишь одно из средств сохранения и передачи информации. В связи с этим тезис С. Л. Берга (1965, 106) о том, что слова чужого языка при транскрипции теряются безвозвратно и что сохранить их смысл невозможно, представляется нам слишком пессимистическим. Не следует забывать, что транскрипции подлежат лишь строго определенные лексические категории и что делается она преимущественно для специалистов, для которых информативными оказываются и неочевидные на первый взгляд вещи. В общую лексику поступает лишь незначительная часть транскрибируемых имен. Для массового читателя основное значение приобретает речевая и энциклопедическая информация имени. Однако поступаться точностью передачи, исходя из того, что до массового читателя языковая информация, как правило, не доходит, было бы неверным.

Наиболее очевидна информативность топонимов, около половины которых включает в свой состав народные географические номены — нарицательные обозначения тех разновидностей объектов, которые они именуют. Специалист геолог или географ, знающий их значение в национальных языках, при правильной их транскрипции безошибочно определяет, какого рода объекты они именуют. Поэтому чем точнее транскрипция, тем больше оснований полагать, что заключенная в номене информация дойдет до адресата.

Рассмотрим это на примере эстонского топонима Saaremaa, ср. saare 'остров', maa 'земля'. Наиболее

информативной будет его транскрипция *Сáаремаа*. Если в русской передаче не отразить удвоение гласных, искажается не только морфемный состав слова (а, следовательно, и лексический смысл его компонентов), но и его структура, ударение и мн. др. Переданное без удвоений название в произношении многих превращается в *Са-рёма* или *Сарёма*, теряет свою языковую принадлежность, уподобляется тюркизмам типа *Уремá* и вслед за этим теряет свою локализацию. В результате информативно насыщенное слово может превратиться в ничего не значащий набор звуков.

Показ языковой принадлежности топонима при его передаче во многом определяется характером именуемого объекта. Как известно, географические объекты делятся на природно-физические и связанные с деятельностью человека. Отношение транскрибирующего к ним должно быть диаметрально противоположным, поскольку информация их лежит в различных планах и интересует специалистов разных профилей. Природно-физические объекты и их названия — достояние специалистов в области физической географии, геологии, природоведения, а также мелиорации и землеустройства. Объекты, связанные с деятельностью человека, и их названия — достояние экономистов, политических деятелей, этнографов, историков. Некоторое исключение представляют труднодоступные физико-географические объекты, открытые и обследованные в позднейшее время, и искусственные гидросооружения. Хотя по своей роли в жизни человека и те и другие ближе к природным объектам, названия они обычно получают более типичные для объектов второго рода, потому что при выборе для них названий важное значение приобретают такие факторы, как приоритет первооткрывателя и вдохновляющая роль руководителя.

Информация названий природно-физических объектов дает сведения об их физико-географических и геологических свойствах. Она исторически и политически нейтральна, и язык, на котором информация передается, не имеет практического значения, потому что скорее всего ни у одного современного языка нет прав на нее. Она собиралась с древнейших времен и передавалась от народа к народу, каждый раз переводясь на язык новых, проходящих на смену предыдущим, племен. Поэтому задача транскрибирующего — передать информацию этих топо-

нимов путем перевода на свой язык. Так были в свое время переданы названия: исп. *Tierra del Fuego* — *Огненная Земля*, англ. *Old Bahama Channel* — *Старый Багамский пролив* и мн. др.

Представляется, что неверно поступают в последние годы наши картосоставители, перенося на эту категорию топонимов специфику второй группы. Например, самая северная точка Африки известна миру с древнейших времен как 'белый мыс'. В начале XX в. это название передавалось на русских картах как *Кабо-Бланко* с испанской ориентацией, в середине века — *Кап-Блан* — с французской ориентацией, в 70-х гг. как *Эль-Абьяд* с арабской ориентацией. Но все эти изменения, кроме перегрузки памяти и сложного механизма переучивания, ничего не дают. При любой из указанных выше транскрипций физико-географическая информация хорошо ориентирующего имени отсутствует.

Объявляя топонимы переводного типа традиционными и стремясь от них избавиться, картосоставители допускают грубую ошибку. Собственное имя — факт социальной обусловленности, в результате которой определенное слово закрепляется за определенным объектом. И там, где такая условность прочно закреплена (мыс *Горн*), «переусловливать» нет надобности. Но там, где название физико-географического объекта передается с помощью перевода, нет необходимости заменять этот информативно насыщенный перевод информативно бессмысленной транскрипцией.

Названия объектов, связанных с деятельностью человека, несут информацию не о том, что собой представляет объект, а о том, чей он. В связи с этим язык названия одновременно указывает на то, какому народу оно принадлежит, и задача транскриптора — показать специфику языка, на котором создано название.

При смене государственной, политической, языковой и т. п. ориентации той или иной территории названия объектов, связанных с деятельностью человека, подвергаются неизбежным изменениям, и сами эти изменения — информативны. Ср. переименования, проведенные в Китае, в Корее, в ряде районов СССР, во вновь образованных африканских республиках. Службы географических названий, имеющиеся во многих странах, постоянно следят за подобного рода изменениями, составляют спе-

циальные списки переименований по всем государствам и территориям.

При передаче названий переименовывавшихся объектов транскрибирующий обращает внимание на эпоху, к которой относится переводимый текст, и передает названия так, как они звучат в официальном государственном стандарте в соответствующую эпоху. Исключения допускаются лишь для некоторых топонимов с прочными и глубокими традициями.

Модель имени

Каждой категории имен свойственны свои определенные модели. Они в известной степени общи нескольким (или многим) языкам, поскольку отражают отношение компонентов имени. Например, для современных названий улиц (годонимов) наиболее частотны генитивный (*улица Горького*) и атрибутивный (*Садовая улица*) типы. В каждом языке типы эти представлены рядом моделей, определяющихся спецификой грамматических и словообразовательных средств.

Если языковая принадлежность имени известна, то и модель его может быть сохранена при передаче. В этом случае транскрибированная основа может получить словообразовательные элементы заимствующего языка и утратить часть аффиксов, свойственных языку-источнику. При этом точностью фонетической передачи падежных окончаний имени в языке-источнике можно пренебречь ради точности показа падежных отношений компонентов имени с помощью флексий заимствующего языка.

Например, в высокофлективном литовском языке названия улиц, образованные от фамилий, обычно представлены в форме родительного падежа. На русский язык они передаются двояко: либо с сохранением падежных окончаний литовского языка, либо с показом падежных отношений. Так, главная улица Клайпеды носит имя ул. *Мантаса*, ср. лит. *gatvė Manto*. Но соседняя *Vytauto gatvė*, т. е. ул. *Витовта* и по-русски на таблице обозначена как *Витаута*, хотя в «Справочнике абонентов Клайпедской городской телефонной сети» (Клайпеда, 1971) эта же улица именуется *Витаутаса*. Здесь сталкиваются три возможности показа модели имени: первая связывает название современной улицы с лицом, известным из русской исто-

рий как *Витовт*, вторая связывается с современным литовским произношением имени этого исторического деятеля *Витаутас* и третья — с современным литовским звучанием названия этой улицы *Витауто*. Полагаю, что максимально информативен первый способ и минимально последний.

Модель имени делается неочевидной и может быть вовсе утрачена, если теряется языковая принадлежность имени. Так, в Ташкенте есть 'Малая улица' (атрибутивный тип), которая обозначается по-узбекски *Кичкина кўча* и по-русски *ул. Кичкина*. Указанный годоним легко попадает в русский язык в генитивный ряд (ср. *ул. Кучкина, Спичкина, Синичкина*), при котором подразумевается несуществующая фамилия *Кичкин*, или в притяжательный ряд *Кичкина* от несуществующего прозвища *Кичка*, ср. нарицательное *кичка* 'вид головного убора'. Утрата именем его изначальной модели делает имя неустойчивым, легко поддающимся различным переосмыслениям и перестройкам, что нежелательно.

Лексическое значение основы имени

Лексическое значение основы имени на первый взгляд представляется наиболее информативным в силу своей открытости и доступности. Если известно, что город *Калач* получил свое название от народного географического номена *калач* 'излучина реки', станица *Вёшенская* — от *Вёшки* < *Вёски*: *весь* 'деревня', 'поселение', то для любознательного читателя этого вполне достаточно. Для исследователя же это лишь материал, на основе которого возникают вопросы: «Почему именно данный признак был положен в основу названия? Почему из имевшегося синонимического ряда была выбрана именно эта лексема?» и т. д. (ср. Карпенко 1972).

При заимствовании имен лексическое значение их основ может быть показано двояко: путем перевода или путем очень точного транскрибирования, позволяющего на основе записи в принимающем языке воспроизводить их оригинальное написание. Например, информация немецких названий рек *Weißer Regen* и *Schwarzer Regen* сохраняется при их транскрибировании: *Вайсер-Реген*, *Шварцер-Реген*, и человек, знающий немецкий язык, способен ее воспринять. При частичном переводе: *Белый*

Реген, *Черный Реген* лексическое значение передается полнее, но теряются (частично или полностью) сведения о языковой принадлежности имени и некоторые другие аспекты информации имени. Ср. также *о-ва Сан-Томе и Принсипе*, порт. São Tome e Príncipe в польской передаче *Świętego Tomasza i Książęca*, *Виргинские о-ва*, англ. Virgin Islands, польск. Wyspy Dziewicze, *о-ва Зеленого мыса*, порт. Arquipélago do Cabo Verde, польск. Zielonego Przylądka Wyspy.

Топонимия каждой территории системна, и долг транскрибирующего — передать эту системность средствами заимствующего языка. В частности, немаловажное значение в системе приобретают упорядочивающие и систематизирующие определения. Они способствуют ориентации, уточнению местоположения объекта, а в ряде случаев — и объекта с противоположным по смыслу определением. В транскрибированном виде они обычно теряют указанную информацию.

В существующей практике передачи названий физико-географических объектов, в особенности крупных, эта системность порой нарушается. Так, на картах дано *Златни-Пясыци* — в прессе только *Золотые Пески* (ср. *Золотой берег*, *Золотые Ворота*); на картах *Високи-Татри*, но *Низкие Татры* (ср. *Высокий Есеник*), *Железни-Брод*, но *Железные Ворота*; *Ист-Лотиан*, *Норт-Саскачеван*, *Уэст-Райдинг*, *Нью-Брансуик*, но *Восточный Суффолк*, *Новый Южный Уэльс*, *Грейт-Бернера*, *Грейт-Блакет*, но *Большой Абако*, *Большой Багама*. Ср. также острова *Дьюк-оф-Глостер*, но *Принца Уэльского*, *Земля Короля Георга V*, берег *Принцессы Рагнхилль*, *о-в Уединения*, *Жемчужные о-ва*, но *о-ва Дисаппойнтмент*, рифы *Индиспенсابل*; *Внутренние Гебридские о-ва*, но прол. *Иннер-Саунд*; остров *Северный*, но мыс *Норте*.

Перевод систематизирующих и характеризующих определений в значительно меньшей степени практикуется в названиях рек и озер, где эти определения часто употребляются как единственные слова, составляющие названия. Поэтому гидронимы *Хуанхэ* и *Янцзыцзян* едва ли следует переводить как *Желтая* и *Голубая*. Это же относится к гидронимам *Аксу*, *Блэк-Ривер*, *Гранд-Ривер*, ср. болг. *Голяма* и русск. *Великая*. Все эти и подобные названия следует транскрибировать, так как имеющиеся в их составе определения не выступают в них в система-

тизирующей функции. Ср. с переводом именно систематизирующих определений в названиях *Черная и Белая Тиса, Белый и Голубой Нил*³, *Малая Гуадиана, Восточный Делавэр, Западная Шельда*. В связи с этим едва ли справедлива транскрипция аналогичных систематизирующих определений в названиях *Вестрихе-Гюнц, Вестер-Дальэльвен, Эстер-Дальэльвен* и нек. др. Однако в силу своеобразности, специфичности, а порой и идиоматичности систематизирующих определений при названиях рек к переводу их следует подходить значительно осторожней, чем к переводу систематизирующих определений в названиях крупных территорий.

Исторически сложилось так, что определенные лексемы в составе топонимов чаще переводятся, а другие — чаще транскрибируются. Часто переводятся определения бинарной оппозиции: *Большой — Малый, Новый — Старый, Верхний — Нижний, Белый — Черный* и т. п., а также географические определения типа *Северный, Южный, Восточный, Западный*. Однако эта закономерность имеет ограничения, связанные с категориями, к которым относятся именуемые объекты. В составе названий крупных физико-географических объектов они обычно переводятся, а в составе названий объектов, связанных с деятельностью человека, — транскрибируются. Например, один из городов США, находящийся в штате Индиана, называется East Chicago. Передача этого названия как *Восточный Чикаго* дезинформирует. Читатель может понять, что оно относится к одному из пригородов известного Чикаго (в штате Иллинойс). Передача названного топонима как *Ист-Чикаго* снимает это недоразумение и свидетельствует о том, что это другой город. Столь же дезинформирующей была бы передача названия территории *Юго-Западная Африка* в транскрипции: *Саут-Уэстерн Африка*. При такой передаче теряется географическая ориентация территории, редуцируется информация о ее языковых и этнических особенностях и о статусе ее как географического объекта. Подробнее см. Суперанская 1966.

---

³ Мы считаем абсолютно лишней смыслом замену названий, *Белый Нил и Голубой Нил* на *Бахр-эль-Абьяд и Бахр-эль-Азрак* как это предложено в последних словарях географических названий.

В названиях улиц может быть выделен ряд лексем, перевод которых предпочтительнее. Это — лексемы, обозначающие всемирно известные реалии, тенденции, политические события. Отношение к ним транскрибирующего должно быть однозначным: они максимально информативны в переводе. При транскрибировании они теряют свою информацию. Например, *ул. Горького* — и в Грузии, и в Литве, и в Латвии должна однозначно передаваться по-русски как *ул. Горького*, а не отражать формы родительных падежей соответствующих языков: груз. *Горкис куча* лат. *Gorkija ijela*, лит. *gatvė Gorkija*, поскольку улица названа именем человека со всемирной известностью.

К таким же категориям относятся *Мир, Советы, Кооперация, Парижская коммуна* и ряд др. Ср. в Клайпеде: *ул. Кооперациос, Парижяус комунос*, хотя их следовало бы давать в русском варианте как *ул. Кооперации, Парижской коммуны*, поскольку такая передача более информативна.

Указанная проблема может иметь различное решение в зависимости от такого фактора, как характер двуязычия, активное оно или пассивное. При активном двуязычии, когда и русские, и литовцы одинаково свободно владеют обоими языками, значительно легче и понятнее при общении называть объекты на языке общения в форме, ему максимально соответствующей. При пассивном двуязычии, когда русское население Литвы недостаточно владеет литовским языком, общение оказывается легче, если литовские названия переданы в точной фонетической транскрипции, включая литовские падежные флексии: *gatvė M. Melnikaitės, gatvė J. Janonio* — *ул. М. Мельникайтес, Ю. Янонио*, а не *М. Мельникайте, Ю. Янониса*, как следовало бы при активном двуязычии (первые формы обозначены на уличных табличках Клайпеды, вторые — даны в «Справочнике»).

Если одна и та же лексическая основа входит в состав нескольких имен и при этом одно из них в заимствующем языке имеет традиционную форму, передача прочих имен в точной транскрипции создает разрыв в передаче однокоренных слов, передача же нового и малоизвестного по образцу традиционного противоречит основным правилам транскрипции. Так получается *Вюстензаксен* (ФРГ) при традиционном *Саксония, Арагуа* при традиционном *Парагвай*. Ср. измене-

ние *Гваякильский зал*. на *Гуаякиль*. Ср. также в США дублетные названия, получившиеся в результате разной транскрипции одного и того же: *Виргиния* — штат, *Вирджиния* — город, ср. *Виргинские о-ва*, которые теперь стали *Вёрджин о-ва*, ср. в Греции: прол. *Гекаты*, который стал *Хекате*.

Основы имен широко известных объектов несут определенную культурную информацию. Например, с библейских времен известны цари: *Даниил* с его справедливым судом, *Соломон* с его мудростью. Имена эти с указанными ассоциациями известны у всех народов Европы и у многих народов Азии. У жителей стран, связанных с исламом и магометанской культурой, они известны как *Данияль* и *Сулейман*. Ср. также имена *Авраам*, *Давид* и их арабские соответствия *Ибрахим*, *Дауд*. С синхронной точки зрения это разные имена. При переводе арабских сказок «Тысяча и одной ночи» М. Салье столкнулся с этой проблемой. Переводя для народов Запада культурное достояние народов Востока, он передал библейские имена в их арабском варианте, снабдив их комментариями, в которых они отождествляются с личностями, известными на Западе под иными вариантами имен, и сообщая коннотации, сопутствующие этим именам у народов Востока.

Структурное значение форманта имени

Форманты собственных имен не менее информативны, чем их лексические основы, но они несут иную информацию. Например, от одной и той же лексической основы образуются разные топонимы: *Гора*, *Горка*, *Горки*, *Подгара*, *Предгорный*, *Загорье*, *Иванова Гора* и др. и разные фамилии: *Горский*, *Горовой*, *Подгорский*, *Загорский*, *Подопригора*, *Горин* и др. Каждое из таких образований показательно с точки зрения их типичности и продуктивности для определенных эпох, территорий, диалектов. Информация об этом заложена в формантах.

Разные имена одного и того же объекта особенно широко представлены в антропонимии, в различных неофициальных ситуациях, что находит широкое отражение и в художественной литературе. Например, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина главный герой в зависимости от ситуации именуется то *Петруша*, то *Петр Андреевич*, то *Петр Андрешч*, то *Гринев*, то *Ваше благородие*. Ни на

одном другом языке нельзя передать всю гамму этих именований, сохранив при этом полную информацию, заключенную и в основах, и в аффиксах имен, и в специфике их сочетаний. Переводя повесть на какой-либо иностранный язык, переводчик выбирает либо самое частотное (*Петр Андреич*), либо наиболее официальное (*Гринев*), добавляя к ним соответствующие слова и аффиксы заимствующего языка, чтобы передать необходимые нюансы отношения говорящего к именуемому и стилистические и эстетические возможности отдельных вариантов именования.

Набор типичных формантов для каждого класса имен того или иного языка невелик. В то же время в каждом языке встречается множество редкостных формантов, образующих «нетипичные», или малые, типы. Выявление последних порой сопряжено с трудностями, в особенности на территориях с той или иной степенью билингвизма, где имеет место заимствование формантов, присоединение к одному имени формантов разных языков, совпадение формантов одного языка с финалями другого и т. п.

Специфика инициалей, медиалялей и финалей имен

Инициали, медиаляли и финали имен оказываются также достаточно информативными как относительно языковой принадлежности имен, так и зон их распространения. Например, топонимы (в особенности гидронимы) с начальными *гв-*, *гу-* типичны для Испании и Латинской Америки. Инициальные *мт*, *тб*, *цх* характеризуют картвельские топонимы, инициальные группы согласных (при этом часто губной+губной или губной+зубной) типичны для топонимов ряда африканских территорий. Медиаляльные удвоения гласных типичны для топонимов Северной Европы, медиаляльные удвоения согласных — для Италии, различные последовательности гласных — для Океании.

Недоступные для непосредственного наблюдения перечисленные факты в ряде случаев оказываются почти единственными основаниями важных выводов и указателями путей исследования для специалистов. Поэтому показ

их в транскрипции должен осуществляться самым тщательным образом ⁴.

Если язык имени вызывает сомнение, анализ перечисленных фактов может способствовать правильному решению вопроса. Например, почти все имена в итальянском языке оканчиваются на гласный. Японские имена оканчиваются либо на гласный, либо на сонорный, тюркские имена не могут начинаться на два и более согласных, исконные тюркские имена не начинаются на *p*, а исконные русские — на *a*. Общие по происхождению с монгольскими калмыцкие имена отличаются от них значительно большей редукцией предконечных и конечных гласных, что нередко отражается и на письме. Следует также отметить, что во многих языках конечное положение в слове — это особая зона, где сосредоточены грамматические показатели, передающие самые разнообразные отношения. Например, в англ. фамилиях *Willits*, *Mats* конечное *s* — показатель их генитивного происхождения. Поэтому транскрибирующий по возможности сохраняет все элементы финалей, не заменяя их на фонетически похожее русское *ц*, в котором теряется фонематичность передачи и морфемное размежевание *t* и *s*.

Так же морфологически значимы в ряде случаев и инициали. Например, для некоторых африканских языков типичны инициальные губные. Часто это своеобразные префиксы, играющие важную роль в структуре слова. Несмотря на то, что произношение их может быть сложным для русских, отказываться от их передачи не следует. В противном случае теряется важная информация о классах слов и их месте в лексической системе. Например, в языке суахили есть префиксы *m*, *n*, *k*, *l*, которые могут образовывать инициальные группы согласных: *Manga* — Аравия, но *mmanga* — 'араб', *mmbea* 'росток' (инициальное слоговое *m*). В языке луганда имеются фонематически долгие согласные, ср. *kabi* 'опасность', *kkabi* 'копье', *kenda* 'девять тысяч', *kkenda* 'муравей'.

---

⁴ Безусловно, из каждой закономерности может быть исключение по перечисленные факты верны для большинства случаев. См. также Б. В. Сухотин 1962, Топоров 1971, Матвеев 1963, 1970, Белоногов, Фролов 1963 и др.

Особое отношение к инициалам, медиалам и финалам складывается для ряда восточных языков со слоговым строем. См. Бадарев 1967.

Повторяющиеся последовательности фонем

Фоностатистические работы последних лет дали интересные сведения о частоте встречаемости отдельных фонем и их сочетаний, о вероятности их нахождения в определенных позициях и т. д. Они показали, что эти мельчайшие единицы, из которых слагаются слова, могут быть в достаточной мере информативными, свидетельствуя о языковой принадлежности и о времени создания имени.

Бывают случаи, когда языковая принадлежность имени не однозначна (греческие топонимы на территории США, тюркские и иранские — на территории с русским населением и т. п.). В них сохраняются черты языка, в котором они возникли; на них накладываются характерные особенности языка, их принявшего. Если слов указанных типов достаточно много, они образуют в принимающем языке известный фонд, а зафиксированные в них фонетические структуры оказываются не разрозненными фактами, а определенными данностями, занимающими особое место в его фонетической системе. Анализируя наиболее часто встречающиеся фонетические последовательности в именах с неясной этимологией, можно восстановить морфемы давно исчезнувших языков, а вместе с ними — структуру субстратных топонимов (см. например, работы А. К. Матвеева по субстратной топонимии Русского Севера). Сохранение этих последовательностей в транскрипции способствует сохранению указанных данных при заимствовании имен.

Особенности ударения и тона

Если транскрибирующий работает с письменными источниками, такие аспекты, как словесное ударение имени, могут остаться за пределами его поля зрения. Однако за счет этого снижается информативность транскрибируемых единиц. Например, в английском языке гласная в открытом слоге под ударением читается своим алфавитным именем, а в закрытом под ударением — так, как у нас принято читать их в латинских текстах. Без-

ударные гласные подвергаются различного рода редукциям. Незнание словесного ударения может привести к неверному прочтению транскрибируемого слова и к неправильной письменной фиксации его в заимствующем языке.

О передаче тонов см. в разделе «Потеря информации имени при его транскрибировании» (стр. 135—140).

Членение имени на значащие элементы

Обычно деление слов на морфемы не соответствует слоговому делению их. Деление на морфемы — смысловое, а на слоги — несмысловое. В зависимости от особенностей языка ведущим в членении слова может быть либо морфологический принцип, либо принцип его слоговой организованности. Например, и английскому, и русскому языку свойственно иметь внутри слова слоги, оканчивающиеся на гласные (закон открытых слогов), но каждый язык реализует эту закономерность по-своему. В ряде языков Юго-Восточной Азии ведущим принципом в членении слова оказывается морфемный. При этом многие морфемы равны одному или двум фонетическим слогам, очень мало похожим на слоги русского или английского языков. Корневая морфема оказывается диктующей свои закономерности прочим морфемам агглютинирующих языков, для которых также в членении слова преобладает морфологический принцип.

Займствуя имена из языков с одной системой организации слова в языки с принципиально иной организацией, мы легко можем потерять значительную часть информации, связанной с членением имени на значащие элементы. В частности, при заимствовании в русский язык ряда имен тюркских языков могут получиться значительные искажения их в результате слитного написания компонентов, пишущихся в языках-источниках раздельно. Ср. *Дарган-Ата*, *Уч-Аджи*, *Кызыл-Атрек* и др. При слитном написании их в русском языке получается членение их на слоги в соответствии с принятой в русском языке закономерностью открытых слогов, т. е. *Дарга-ната*, *Уча-джи*, *Кызы-латрек* и т. д., что затемняет морфемный состав слова в языках-источниках. Отрицательное отношение к дефисным написаниям в ряде организаций, имеющих дело с транскрипцией, например в «Морском атласе»,

приводит к переразложениям иноязычных морфем на их стыках, а следовательно, и к ослаблению их информативности. Подробнее см. в разделе «Дефис» (стр. 236—243).

Грамматические отношения компонентов имени

Грамматические отношения компонентов имени важно сохранить и показать в ряде прозвищных имен и в топонимах некоторых типов, ср. *Земля Александра, море Бофорта, имени Парижской Коммуны*. Усилившаяся за последние годы тенденция при транскрибировании брать за основу именительный падеж имени, игнорируя его отношение к прочим компонентам названия, затемняет смысл передаваемых имен, ср. *о. Аделейд* вместо *о. Аделаиды, море Сулавеси* вместо *Сулавесское*, где непосвященный «потребитель» сможет увидеть родительный падеж несуществующего и непонятного *сулавесь*.

Еще хуже, когда несколько объектов с однокоренными названиями передаются по-разному. Если условились обозначать остров словом *Закинф*, пролив должен быть *Закинфским*, а не *Закинтос*, как это дается в словарях последних изданий. Эти названия могут не оказывать влияния на названия нома и города *Закинтос*. Если же за основу принять форму *Закинтос*, и остров впредь именовать так, не делая расхождений с названиями нома и города, пролив должен стать *Закинтским*. Если дается перевод: *Земля Королевы Мод* и берег *Королевы Мод*, то должен быть и залив *Королевы Мод*, а не *Куин-Мод*. Нехорошо также острова *Кинг-Джордж* при другой группе островов *Короля Георга*.

Особенно теряется отношение между компонентами в близкородственных языках. Ср. польск. р. *Черна-Пшемша*, болг. р. *Бели-Лом, Черни-Лом, Луда-Камчия, Голяма-Камчия*, где определительные отношения едва распознаются из-за стремления к фонетической точности. Значительно точнее грамматически было бы: р. *Белый Лом, Черный Лом, Черная Пшемша*. Гидронимы *Луда-Камчия* и *Голяма-Камчия* в данном случае более информативны в фонетической передаче, поскольку в русском языке слова *луда* и *голяма* имеют другие лексические основы: *бешеная* и *большая*.

Исходя из принципа экономии места на картах, топографы нередко отсекают от названий значимые части,

лишая тем самым грамматические конструкции опорных слов: например, если болгарскую членную форму *Сухата река* передать по-русски р. *Сухата* без следующего за ней существительного, замыкающего болгарскую конструкцию.

В передаче однотипных грамматических конструкций наблюдается непоследовательность, ср. *Гранд-Ривер* (США) — английская атрибутивная конструкция, но р. *Грейт-Фиш* (Юго-Западная Африка) вместо *Грейт-Фиш-Ривер* — конструкция нарушена.

Отношение говорящего к объекту

Отношение говорящего к именуемому объекту может быть выражено с помощью определенных языковых средств (суффиксы субъективной оценки, слова-характеристики, специальные классификаторы и т. п.). При передаче имен языков, системы которых обладают способами выражения указанных отношений, не похожими на принятые в заимствующем языке, бывает очень трудно сохранить нюансы заключенной в имени субъективной оценки именуемого. Например, для аналитического английского языка недоступны формы типа рус. *Андрюша, Павлик, Петрушка*. Фонетическая передача их *Andryusha, Pavlik* и т. п., оказывается оторванной от основных имен *Andrey (Andrew), Pavel (Paul)*. Единственной возможностью эквивалентной замены их в художественном тексте оказывается введение дополнительных слов, передающих ласку: *dear, little* и т. д. Ср. замечания А. Паймен о том, как она переводила романы И. С. Тургенева на английский язык (см. Реформатский 1972). В аналитическом французском языке отношение говорящего к именуемому также выражается различными дополнительными средствами: артиклями, словечками *petit, pauvre* и т. п.

При переводе английских и французских текстов использование соответствующих русских суффиксов оказывается не всегда возможным. Например, в переводе романа Э. Золя «Плодовитость» переводчик Т. В. Иванова предложила оформить имена нескольких отвратительных женщин с помощью рус. суфф. *-уха, -ша*: *Луазо—Луазиша, Куяр—Куярша*. Однако редактор этого не принял. В издании романа (М., 1966) напечатано: *Софи Кутто, госпожа*

Куро, тетушка Куро, эта Куро (в последнем случае более близко к фр. *La Couteau*; *тетка Маливуар, тетка Виме, тетка Луазо, тетка Говетт, тетка Куяр* (Э. Золя, Собр. соч. в 26-ти т. Четвероевангелие. Плодовитость, кн. 3. гл. II; см. также: E. Zola, *Les quatre évangiles. Fécondité*, 1899). В переводе романа Г. де Бройна «Буриданов осел» переводчики Е. Кацева и Т. Иллеш (М., 1970) не побоялись использовать суфф. *-ша*, ср. *Фрау Вольф* (стр. 81), пр «испугался крика *Вольфши*» (стр. 83), ср.: G. de Bruyn, *Buridans Esel*, 1968.

Суффиксы субъективной оценки не эквивалентны даже в близкородственных языках. Например, суфф. *-к-* в русском и польском языках обладает разными стилистическими возможностями, и польск. *Julka* равно скорее русскому *Юленька*, чем *Юлька*. В сербском языке *Милка, Радка* могут быть самостоятельными паспортными именами. Для болгарского языка паспортными формами оказываются *Катя, Саша, Таня*, хотя говорящие прекрасно ощущают их связь с полными формами *Катерина, Александра, Татиана*, которые в настоящее время употребляются очень редко.

Итак, языковая информация имени многогранна и обширна. В языках разных типов она выражается различными способами.

Безусловно, транскрибированное слово не может быть столь же информативно емким, как и слово в языке-источнике, но значительная часть его информации может быть сохранена и показана.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСНОВ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Как уже отмечалось, практическая транскрипция — это основной способ введения заимствованных (а, следовательно, изначально непереводаемых) слов в один из контактирующих языков. Поскольку изначально непереводаемыми чаще всего оказываются собственные имена, в дальнейшем изложении основное внимание будет уделяться им. Тем не менее и они транскрибируются не всегда. Предпочтительность передачи их с помощью практической транскрипции или иными способами определяется не только характером элементов, из которых образованы

имена, но и местом каждого имени в ономастической системе.

Как известно, имя собственное не мыслится вне связи с именуемым объектом, и характеристика объекта составляет часть значения имени собственного. Вследствие этого исторически сложилось, что тем или иным типам объектов свойственны определенные модели имен с характерным для них лексическим наполнением. Так экстралингвистическая и лингвистическая сторона тесно взаимодействуют в ономастике.

В зависимости от именуемых объектов (денотатов) имена собственные можно разделить на 1) имена живых существ и существ, считаемых таковыми; 2) названия различных мест (на земле, в космосе и даже в воображаемом пространстве); 3) названия отдельных неодушевленных предметов; 4) названия отрезков времени; 5) названия комплексных объектов (см. Суперанская 1973). В зависимости от отражения ими свойств именуемых объектов имена собственные можно разделить на специально созданные для обозначения данных объектов и вследствие этого непосредственно отражающие их черты и на перенесенные из других сфер и не отражающие совсем или отражающие лишь косвенно (через посредство иных обозначений) черты именуемых объектов. По характеру формирующих их элементов собственные имена могут быть разделены на первичные, образованные от имен нарицательных, и непервичные, образованные от других собственных имен. См. табл. 6.

Непосредственными бывают чаще всего названия физико-географических объектов: крупных территорий и акваторий, пользующихся всемирной известностью (*Каскадные горы, Белое море*) и небольших объектов, известность которых редко выходит за рамки данного района или населенного пункта (*Земляничная поляна, скала Чертов Палец*). К непосредственным относятся также прозвища, основное назначение которых отмечать наиболее характерную черту именуемого. Непосредственные имена, образованные на базе других собственных имен, обычно отражают отношение данного объекта к входящему в их состав имени: патронимы *Рыжов, Носов* свидетельствуют, что именуемое с их помощью лицо является потомком человека по прозвищу *Рыжий Нос*. Микротопонимы типа *Марьина поляна* свидетельствуют о принадлежности

Т а б л и ц а 6

Первичные и непервичные, непосредственные и опосредствованные имена

Степень номинации	Непосредственные — отражающие черты именуемого		Опосредствованные — не отражающие черт именуемого	
	топонимы	антропонимы	топонимы	антропонимы
Первичные — образованные от нарицательных имен	Поляна	Нос	село Ясная Поляна	Эра
	Круглый мог	Рыжий	улица Моговая	Идеал
	Коралловый риф	Косоматый	острова Зеленого Мыса	Мир
	Центральная котловина		город Запорожье	
	Зеленый мыс			
Непервичные — образованные от других собственных имен	Марина пожея	Рыжов	город Пушкин	Александр
	Берингов пролив	Носов	улица Луиза Маргариты	Иосиф
	Неаполитанский залив	Космопанов	село Васильевский Моз	Колесов
			город Нью-Йорк залив Уолфиш-Бей	Киселев Иванов Казанцев

объекта; названия крупных физико-географических объектов типа *Неаполитанский залив*, *о-ва Зеленого Мыса* показывают отношение одного объекта к другому, название типа *о-в Врангеля*, *Берингов пролив*, *пролив Лаперуза* содержат генитивные отношения, свидетельствующие о посвящении объекта указанному лицу.

Если имя какого-либо языка передается в языке данном с помощью перевода, имя сохраняет в заимствующем языке свою непосредственность, но первичность его при этом становится мнимой, потому что оформляется оно в принявшем его языке по модели, заданной языком-источником.

Опосредствованные имена даются именуемым с их помощью объектам при переосмыслении уже существующих имен в результате переноса их в иной ономастический ряд — трансонимизация. Степень переосмысления непервичного имени обычно бывает трудно установить (например, название площади *Болотная* прошло через две ступени: естественный микрообъект *Болото*, часть города с тем же названием — затем через словообразовательный акт — *Болотная площадь*; *Болотниковская* ул. — от фамилии *Болотников* через прозвище *Болотник* может быть доведена до нарицательного *болотник*). Переосмысления происходят при переходе имени объекта на другой (местность — человек) или при преобразовании самого объекта (пустошь — площадь). Трудность установления ступеней переосмысления объясняется еще и тем, что они не всегда отмечаются словообразовательными актами. Наоборот, подключение словообразовательных средств обычно сигнализирует об имевшем место переосмыслении. При заимствовании из одного языка в другой в материальной форме языка-источника имя полностью теряет не только свою первичность, но и непосредственность. Поэтому все имена, заимствуемые с помощью практической транскрипции, становятся непервичными опосредствованными, теряют непосредственную связь со словами, характеризующими именуемый объект, и с нарицательной лексикой языка-источника.

Есть объекты, названия которых часто бывают непосредственными (некоторые категории микрообъектов, а также крупные физико-географические объекты), и объекты, названия которых не могут быть непосредственными (названия поселений, улиц, районов). Они занимают

не одинаковые места в системе языка, и отношение говорящих к ним дифференцировано. Оно отражается и в различной передаче названий разных типов объектов, даже омонимичных. Например, *Белая церковь* как обозначение микрообъекта переводится на английский язык *White Church*, а как название города транскрибируется: *Belaya Tserkov*. Топонимы в художественной литературе часто переводятся, особенно если ясно чувствуется их вымышленный характер и участие их лексических основ в осуществлении замысла произведения (ср. *The Den* у Диккенса в «Посмертных записках Пикквикского клуба» — в русском переводе *Логовище*).

Семантика имен собственных — особая область, имеющая очень мало общего с семантикой имен нарицательных (см. Суперанская 1973). В языке семантика имени собственного сводится к тому, что это имя. В речи его семантика связывается с семантикой того нарицательного, которым обозначается именуемый объект, и обогащается за счет понятия последнего. Внутри отдельных ономастических систем развивается своя особая ономастическая семантика, понятная лишь из сопоставления с другими составляющими этой системы и не участвующая в семантических отношениях речевого контекста, в котором употребляется имя.

Высокая предметность собственных имен и непосредственность связи имя—объект требует в большинстве случаев их точной передачи по звучанию, особенно в официальных ситуациях, где имена находятся вне экспрессии. В неофициальных ситуациях, где употребляются прозвища и микротопонимы, созданные на базе диалектной лексики (которая, как правило, эмоционально насыщеннее лексики литературного языка), а также в литературных произведениях некоторых жанров при передаче имен возникает потребность показать их стилистические особенности. А это уже невозможно в рамках «звучание — объект». Поэтому появляется место для перевода.

Следовательно, к переводу прибегают в двух случаях: 1) когда компоненты, составляющие имя, высоко информативны и нужно сохранить эту информативность в языке заимствующем, 2) когда имя стилистически не нейтрально и условия контекста требуют показа этого. А это и есть: 1) названия крупных и широко известных за пределами своего нахождения или мелких, но хорошо локально

известных физико-географических объектов и 2) прозвищные имена реальных лиц и имена в литературе и фольклоре (фиктонимы).

Следует, однако, указать на отличие перевода собственных имен от перевода имен нарицательных, объясняющееся особым характером их связи с понятиями. Обыкновенный перевод могут иметь лишь первичные непосредственные имена: англ. Walfish Bay — рус. *Китовая бухта*. В первичных опосредствованных и непервичных непосредственных возможен лишь перевод отдельных основ без полного перевода всего имени в целом: англ. Cook's Island — рус. *о-в Кука*, исп. 9 de Julio — рус. *9 Июля*. Опосредствованные непервичные имена могут передаваться лишь по звучанию: англ. Alexander — рус. *Александр*, исп. Libertad — рус. *Либертад*.

В тех случаях, когда переводится не все имя, а лишь его лексические основы, аффиксы языка-источника могут оставаться без внимания, а передаваемые ими отношения выражаться соответствующими суффиксами заимствующего языка, порой совершенно не похожими на оригинальные. Наоборот, иной раз заменам подвергаются только суффиксы, а основа переносится из одного языка в другой в неизменном виде. Следовательно, лексические основы имен и оформляющие их аффиксы могут рассматриваться до некоторой степени автономно и переводиться выборочно. См. также А. М. Сухотин 1935, 136—140.

Ниже мы отдельно остановимся на специфике перевода основ имен различных категорий.

Основы топонимов. «Есть немало случаев, — писал А. М. Сухотин (1935, 137), — когда интернациональным является не звучание, а смысл (*мыс Доброй Надежды*)... С другой стороны, название города в Гренландии Godthaab нелепо было бы передавать «*Добрая Надежда*» именно потому, что в данном случае «перевод» не оправдан интернациональной практикой: интернациональным здесь является звучание». К. А. Салищев (1939, 227) отмечал, что метод перевода применяется преимущественно в отношении физико-географических объектов и именно тех из них, для которых переводная форма является международной, общепринятой. Перевод названий имеет ограниченное применение. Можно говорить лишь о сохранении переводных названий, прочно вошедших в литературу, но не о новом введении их. Х. Х. Хасанов (1953, 11)

дополняет это рассуждение, констатируя, что некоторые названия на всех языках мира принято переводить полностью по смыслу (*Мертвое море, мыс Доброй Надежды, Огненная Земля*). Однако имеется ряд названий, которые по международной традиции не переводятся, но в русской географии переводятся — их смысловая передача стала чисто русской традицией: *мыс Игольный, мыс Желания*. Наоборот, есть такие, которые в большинстве языков переводятся, но в русском языке передаются по звучанию: *Шварцвальд*, из нем. Schwarzwald при англ. Black Forest, фр. Forêt Noir.

Подобного рода традиции имеются в каждом языке и объясняются спецификой условий, в которых складывалась культура народа, на нем говорящего. Например, в рекомендациях, принятых Секцией переводчиков Союза журналистов ГДР в 1967 г., наши *Прибалтийские республики* (Литва, Латвия, Эстония) называются Ostseerepubliken, *Приморье* — Fernöstliches Küstenland — как географическая область, но Region Primorje как административно-территориальная единица. Элементы перевода находим в названиях Nordossetien и Südossetien, Transkarpatien (*Карпатская область*), но Autonomes Gebiet Gorno-Altai, Autonomes Gebiet Gorny Badachschan при русских *Горно-Алтайская а. о., Горно-Бадахшанская а. о.*

Кальки в географических названиях встречаются скорее не при заимствовании, а при переименовании одних и тех же географических объектов, при этом кальки часто бывают неполные: *Кристинополь — Червоноград, Петербург — Петроград*.

В условиях билингвизма на ограниченных территориях происходят очень значительные заимствования географических названий, вплоть до того, что создается две номенклатуры на двух языках, при этом ретроспективно не всегда удастся выяснить, что изначально, а что — результат перевода. Так, Э. Мука (1925) приводит параллельные лужицкие и немецкие названия, ср.:

Nowy Dwór	Neuhof
Brëza	Birkau
Jaworka	Ahorhain
Lipina	Lindenau

Лишь передача «по звучанию» некоторых славянских топонимов в немецком варианте названий указывает

на вторичность немецкого, ср.:

Běla Gora	Byhleguhre
Kamjenc	Kamenz
Lipíř	Lippitsch
Němješk	Niemitsch
Kislica	Geisslitz

В состав многих географических названий входят так называемые местные географические термины, т. е. видовые обозначения различных черт ландшафта, выраженные средствами разных языков. Мы употребили здесь традиционное обозначение *местные географические термины*, отдавая себе полный отчет в том, что они не всегда местные и почти никогда не термины. Исходя из материала предыдущего раздела, их можно охарактеризовать как народные географические номены, поскольку термины в узком значении этого слова являются принадлежностью лишь языка науки, точно терминирующего понятия. Народные географические номены в массе своей не входят в язык научного изложения (где они могут встретиться лишь на правах иллюстраций, но не как слова, связанные с точно определенными понятиями). Народные географические номены — это бытовые слова отдельных языков и диалектов, обозначающие известные разновидности географических объектов. См. табл. 7.

В терминологию науки географии входят лишь родовые обозначения форм рельефа. Эти родовые слова стоят при названиях, не включаясь в их состав, в то время как видовые, как правило, формируют сами названия. Термины, стоящие при топонимах, обычно переводятся: англ. the town of York рус. *город Йорк*, Trafalgar Square — *Трафальгарская площадь*. Номены, входящие в состав названий, часто транскрибируются, хотя в ряде случаев (названия крупных физико-географических объектов) переводятся: *пустыня Большого Соленого озера* (США), *Большая Соляная пустыня* (Иран), но она же в последние годы обозначается и *Деште-Кевир* (очевидно, не без влияния традиций испанского языка, с заменой арабск. *Кевир* на *Кевир*). Ср. также англ. озеро Great Salt Lake — *Большое Соленое озеро* (США), но город Salt Lake City — *Солт-Лейк-Сити*.

Переводятся не только родовые географические термины, но и информативно насыщенные прилагательные,

Таблица 7

Географические номены в разных сферах функционирования языка

Номены, характеризующие объекты	Номены, формирующие названия объектов
<p>Используются при географических названиях</p> <p>Термины науки географии</p> <p>Логос</p> <p>Принадлежат языку науки как его специальные слова</p> <p>Применяются исследователем (географом, геологом, топонимистом) для классификации различных форм ландшафта</p> <p>В национальном литературном языке теряют терминологичность, становясь общими словами</p>	<p>Входят в состав географических названий</p> <p>Народные географические номены</p> <p>Лексис</p> <p>Принадлежат местному диалекту как его бытовые слова</p> <p>Используются местными жителями для названия окружающих их объектов</p> <p>В национальном литературном языке — экзотизмы, требующие специальных пояснений</p>

а также числительные, ср. *Оранжевая река, Красное море, Медвежье озеро, Новая Зеландия, имени 26 Бакинских комиссаров, ул. 4 марта* (г. Сухуми) и т. д. Транскрипция десемантизирует названия и вместе с тем лишает их значительной доли заключенной в них информации, превращая первичные названия в непервичные. Однако есть случаи, где более информативным оказывается название непервичное и ему не следует искусственно придавать первичность. Например, если название связано с географической ориентацией, входящие в его состав определения типа *Северный, Южный, Восточный* лучше переводить с одного языка на другой. Но если название острова *Восток* дано в честь посетившего его корабля «*Восток*», то перевод его, например, на английский язык как *East* неуместен. Такое невнимательное отношение к русским названиям на Аляске отмечается в их американской передаче, в результате которой залив *Морозова* был превращен в *Cold Bay*, р. *Селезнева* — в *Duck River*.

Переводятся названия улиц и площадей, если основа их обладает высокой информативностью: в Париже — *площадь Согласия, Елисейские Поля*, в Риме: *улица Банков*.

Однако подобная передача ограничена традициями: ср. в Париже: *Kэ d'Орсе*, в Риме: *Порта дель Пополо*, в Милане: *Пьяцца дель Дуомо* и др.

Основы антропонимов. Переходя к анализу переводимых типов антропонимов, отметим, что многие лексемы полисемантически. В разные эпохи одни и те же слова (из числа своих исконных) имели различные семантико-стилистические потенциалы. Поэтому с точки зрения современности мы просто не в состоянии судить обо всех тонкостях семантики лексических основ антропонимов различных эпох. То, что доступно современному исследователю, — схематично и неполно. Тем не менее и в лишенном обертонов виде основы антропонимов представляют значительный интерес.

Антропонимы неоднородны по своему составу. Официальные личные имена, отчества, фамилии обычно не отражают никаких свойств именуемых, лежат вне стилистики, и их единственная информация — «лицо — звучание». В своем фоно-орфографическом единстве закрепляются они в юридической практике и передаются из одного языка в другой в максимально точной транскрипции. Однако при заимствовании личных имен допускается иногда их калькирование как особая разновидность перевода, при которой лексические компоненты имени как бы перерисовываются на материю заимствующего языка, минуя необходимую для нормального перевода понятийную сферу. Так, например, в русском употреблении в XVI—XVIII вв. были имена *Боголеп*, *Богдан*, *Боголюб*, являвшиеся кальками канонических имен *Феопрепий*, *Феодот*, *Феофил* и созданные по их образцу из лексических основ русского языка. Это не переводы в полном смысле слова, но кальки, т. е. буквальные переводы лексических основ, организованные в соответствии с заданными языком-источником моделями.

Имена-кальки встречаются в антропонимии разных народов, ср. греко-персидские *Θεόφιλος* — *Yazdānyār*, византийско-арабские *Ἀναστάσιος* — *al-Ba'ith* (بعث 'быть воскресшим'). *Πέτρος* — *Sakhr* (سخر 'камень', 'скала') *Εὐδοκίμος* — *Muḥammad* (حمد 'хвалить') (см. Caetani, Gabrieli 1915). Существует также много болгарско-турецких калек. Все они воспринимаются как разные имена,

и без глубокого знания истории их создания невозможно сопоставление этих имен.

Калькированные имена легко ассимилируются системой заимствующего языка. Они, подобно заимствованным идеям, не кажутся заимствованиями в полном смысле этого слова.

Канонические имена, особенно в официальной сфере употребления, находятся вне эмоций, стилистически нейтральны, и основы их практически невозможно перевести. Однако, многие личные имена, употребляющиеся в различных языках Европы, Азии, Америки, восходят к одним и тем же источникам — византийским спискам христианских имен. Иногда переводом имен считается замена их соответствующими национальными эквивалентами: фр. Jean — рус. *Иван*, англ. George — рус. *Георгий*. Полагаю, что это не может считаться переводом в полном смысле этого слова, хотя указанные имена исторически восходят к одному источнику. Такие замены, во-первых, не вскрывают лексических основ имен, а следовательно, изначального смысла, в них заложенного. Во-вторых, они часто бывают стилистически не эквивалентными в языках дающем и принимающем. Поскольку их изначальное происхождение и соответствующие им параллели в других языках могут быть прослежены, иногда, в условиях некоторых контекстов, оказывается возможным и даже желательным их взаимная замена: англ. John — фр. Jean, нем. Hans, Johann, рус. *Иван* и т. д.

Например, если мы переводим работы по логике, философии, психологии, лингвистике и т. д., где имена *Петр*, *Иван*, *Георгий* даны в качестве примеров, называя каких-либо лиц или характеризуя проблему выбора имени ребенку (в работах Дж. Милла, Б. Расселла и др.), национальный колорит, среда и окружение практически не играют никакой роли. Поэтому можно спокойно переводить: «Выбирая между *Иваном*, *Петром* или *Павлом*, отец доказывает, что слова эти не имеют для него смысла» (Buyssens 1938⁵). Ср. перевод из «Капитала» К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 110) и подлинный немецкий текст: «Ich weiß nichts vom Menschen, wenn ich weiß, daß ein Mensch

⁵ Buyssens E. Du nom propre et du nom commun. — Neophilologus, 1938, J. 23, № 2 (перевод мой. — А. С.).

Jacobus heißt» (*Marx K. Das Kapital*, Bd I. — *Marx K., Engels F. Werke*, Bd 23. Berlin, 1962, S. 115).

А. А. Реформатский (1952, 17) показывает примеры транскрипции на фоне случаев подобных замен: *Джон Буль*, но *Иоанн Безземельный*, *Джордж Вашингтон*, но *Георг VI*. Он пишет: «Все реальные (французские) короли до «шестнадцатого» — *Людовики*, а *Louis Philippe* — *Луи Филипп*. Та же судьба, *mutatis mutandis*, постигла разноязычных «*Генрихов*» и «*Иоаннов*». Однако переводческая практика сумела найти выход и «современных Генрихов» правильно дифференцирует на *Анри*, *Хенри*, *Гейнрих* и т. п.». Аналогичным образом обстоит дело с передачей прозвищных имен исторических лиц. Они обычно связаны со свойствами именуемых и эмоционально насыщены. Из истории известны прозвища монархов: *Ричард Львиное Сердце*, *Генрих Птицелов*, *Виндзорская Вдовица* — прозвище королевы Виктории, *Король-Моряк* — прозвище Вильгельма IV, а также иных исторических деятелей: англ. *Old Noll* — *Старый Нолл* прозвище Кромвеля, *Великий Хан литературы* — прозвище С. Джонсона, *Великий Общинник* — прозвище Питта Старшего, *The Bard of Avon* — *Бард Эйвона*, или *Эйвонский Бард* — прозвище Шекспира, *Северный Чародей* — прозвище Вальтера Скотта.

Прозвища, как правило, находятся за пределами юридической фиксации. Они стилистически значимы, эмоционально насыщены. Они могут быть обсервационно-нейтральными, просто констатирующими наличие у именуемого известной черты, возвеличивающими (мелиоративными) и принижающими (пейоративными). Эти черты их по возможности сохраняются при переводе.

Переводимых антропонимов больше в повествованиях, относящихся к исторически более отдаленной эпохе, чем к современной. Минимальны они в современных политических текстах. Они нежелательны в записях юридического характера. В художественной литературе их значительно больше, чем в научной.

Антропонимы в большей степени, чем прочие собственные имена, обладают возможностью превращаться в нарицательные, коннотируя часть свойств именуемого лица, которые теперь обладают возможностью от него отделяться и употребляться по отношению к другим лицам, имеющим с ним какие-либо общие характеристики. В таких

случаях само имя своим звучанием лучше любого перевода передает содержание образа. Международно звучание таких имен, как *Джон Буль* (типичный англичанин), *Томми Аткинс* (английский солдат), *Жак Бонем* (французский крестьянин XIV в.). К числу таких же всемирно известных имен и обозначенных с их помощью литературных образов относятся *Дон Кихот*, *Санчо Панса*, *Гаргантюа* и др.

Чтобы эпизодические и легко забывающиеся персонажи лучше запоминались, прибегают к переводу основ их имен. Ср. из «Дон Кихота» в переводе Н. М. Любимова: *Дон Тренбреньо*, *Хинесильо де Награбильо* (см. Любимов 1960); ср. там же образцы народной этимологизации непонятных имен в устах Санчо Пансы: *бальзам Фьерабраса* — *бальзам Безобраза*, великан *Пандафилад Мрачноокий* — к господину *Нискладуниладу*, королева *Мадасима* — королева *Мордасима* и др. Придавая русским лексемам иностранное фонетическое обличье, Н. М. Любимов блестяще решает проблему «говорящих» имен, фамилий, топонимов. В силу своего промежуточного положения эта подлежит выборочному переводу и выборочному транскрибированию в сочетании с деривацией.

Прозвища героев исландских саг транскрибируются, если они выражены одним словом, и переводятся, если это группа слов. Например, в Саге об Эгиле: «*Ульв* был хорошим хозяином. Но каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей... К вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень, и прозвали его *Квельдульвом* (*Вечерним волком*)» см. Стеблин-Каменский 1956, 63—64). «*Харальд*, сын *Хальведана Черного*. . . поклялся до тех пор не стричь и не расчесывать волос, пока не станет единовластным конунгом в Норвегии. Его прозвали *Харальд Косматый*» (там же, 65). Ср. также *Аудун Плохой Скальд*, *Бард Белый*, или *Бард Сильный*, *Эйвинд Ягнёнок*, сын Кари из Бердлы (там же, 73).

В. Д. Андреев (1964) отмечает, что не всегда и не все прозвища, подлежащие переводу, переводятся в художественной литературе должным образом. Он считает, что переводчик обязан раскрыть значение таких прозвищных имен, как болг. *Пранга* (т. е. 'оковы' у Влайкова), *Сяро Барутчия* (*Сяро Пороховщик* у Йовкова) и т. п., в которые писатели и народ вкладывают определенный

смысл, эстетическую оценку. Требуется отыскание русского эквивалента, который передал бы читателю значение слова-прозвища. Передача с помощью практической транскрипции в подобных случаях не решает дела.

Следует отметить, однако, что подыскание эквивалентного прозвища в заимствующем языке порой оказывается нелегким делом, потому что хорошо звучащие на одном языке прозвища могут оказаться недостаточно хорошими, перенесенные в другой язык, где им соответствуют иные реалии. В других случаях недостаточно хорошим оказывается звучание имени. Например, прозвище болгарской девушки *Сълза*, т. е. 'слеза' у Элина Пелина, будучи переведенным на русский язык как *Слеза*, становится прозвищем — «лобовой атакой». Но и транскрипция этого прозвища по общепринятым правилам как *Сылза* превращает его в некрасиво звучащее и мало выразительное слово. В опубликованном переводе оно дано в форме *Селза*. См. Андреев 1964, 124.

Международной традицией перевода обладают некоторые имена сказочных персонажей: *Красная Шапочка*, *Синяя Борода*, *Мальчик-с-Пальчик* и т. д.

Основы имен других типов. Поскольку непременным условием для включения имени собственного в предложение является его денотативная связь, то показ отдельных типов имен и традиций, связанных с их передачей, невозможен без показа их соотносительности с теми или иными объектами. Нередко оказывается, что омонимичные (или омографичные) названия передаются по-разному, если они служат названиями объектов разных категорий. Например, англ. *Queen Elizabeth* переводится как *королева Елизавета*, если им обозначается лицо, и транскрибируется «*Куин Элизабет*», если это название океанского лайнера. Название *Bank of England* переводится как *Английский банк*, но не связанное традициями название частного банка *Barclays Bank* может быть передано двояко: «*Барклиз банк*» и *банк Баркли*, ср. *barclaycard* — *баркликард* — название кредитной карточки, выпускаемой этим банком.

Передача отдельных названий с помощью транскрипции или иными способами может иметь и свои национальные традиции. Так, например, название международной ассоциации рабочих, созданной в Лондоне в 1864 г., вошло в русский язык в форме «*Интернационал*», без

указания на национальную принадлежность слова, вошло подобно имени нарицательному, подобно термину, в латинском чтении, хотя ни в одном живом языке, откуда его можно было бы считать заимствованным, оно не пишется и не произносится так, ср. нем. die Internationale, фр. la Internationale. В России в конце XIX в. встречалась форма этого названия «*Интернациональ*» (ср. отель National — «*Националь*»). В польском языке утвердился калька этого названия, оформленная средствами польского языка: «*Międzynarodówka*», хотя в нем существует заимствованное слово *internacjonalny*. Современное название французской газеты «*Revue Internationale*» принято транскрибировать как «*Ревю энтернасьональ*», сохраняя особенности французской фонетики.

Немецкий топоним Bayern традиционно передается по-русски как *Бавария*, но футбольная команда города Мюнхена обычно дается в полной транскрипции «*Байерн*», хотя иногда в газетных корреспонденциях и она встречается в форме «*Бавария*». Название Bundesliga футбольной лиги ФРГ иногда дается в полном переводе *Федеральная лига по футболу*, иногда в транскрипции «*Бундеслига*». Одна из польских областей — Śląsk традиционно передается по-русски как *Силезия*, но омонимичное ей название польского ансамбля транскрибируется «*Шлёнск*».

Остановимся на некоторых основных тенденциях при передаче имен отдельных типов.

Клички животных, для того чтобы осуществлять свою основную функцию, должны передаваться по звучанию. Однако в повествованиях, когда речь идет скорее о характеристике животного, а его непосредственная реакция не требуется, прибегают и к переводам, например, англ. White Fang — рус. *Белый Клык*, рус. Чернушка — нем. Moorchen. То же касается передачи некоторых индивидуальных названий растений: англ. Royal oak — *Королевский дуб* — дуб, в дупле которого скрывался король Карл II.

Обычно полностью или частично переводятся названия отрезков времени и связанных с ними событий, мероприятий, кампаний: фр. la Nuit de Barthélemy — *Варфоломеевская ночь*, англ. Mother's Day — *День матери*, Great Fire of London — *Великий лондонский пожар*, Bampton lecture — *Бамптонские лекции*, Battle of Worcester — *битва при Вустере*, Battle of Britain — *Битва*

за Англию (воздушные бои), The Twelfth — «Двенадцатое число» (начало сезона охоты 12 августа), Sheffield Wednesday — «Шеффилдская среда» (футбольный матч).

В названиях законов, планов, документов, так же как и в названиях произведений литературы и искусства, обычно переводится все, кроме входящих в их состав собственных имен других типов: англ. Act of Supremacy — *Акт о верховенстве*, Balfour Act — *закон Бальфура*, Gay Gordons «*Веселый Гордон*» (танец).

Перевод предпочитается в официально принятых полных обозначениях органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений, обществ, партий и иных коллективов, если они в какой-то мере отражают их характер или род деятельности: англ. Royal Mint — *Королевский монетный двор*, Whitley Council — *Совет Уитли*, Court of Appeals — *Апелляционный суд*, Carter Foundation — «*Картеровский фонд*». Переводятся также яркие, эмоционально насыщенные названия: Red Devils — «*Красные дьяволы*» неофициальное название Королевского десантного полка.

В полных, официально принятых названиях орденов, медалей, премий, призов и т. п. переводится все, что более или менее находит соответствие в принимающем языке: англ. James Tait Black Memorial Prize — *Премия памяти Джеймса Тейта Блэка*, Order of Merit — *орден Чести*, Air Force Medal — *медаль Военно-Воздушных сил*, Royal Victorian Order — *орден королевы Виктории*, Grand Challenge Cup — «*Большой кубок*», Waterloo Cup «*Кубок Ватерлоо*».

По возможности переводятся названия уникальных предметов: англ. Great Seal — *Большая государственная печать*, Mildenhall Treasure — *Милденхолльский клад*, Big Ben — «*Большой Бен*» или «*Биг Бен*» (колокол).

С помощью транскрипции передаются названия периодических изданий: англ. Daily Express — «*Дейли экспресс*» (газета), а также названия учреждений, предприятий, компаний и т. п., совсем не отражающие или отражающие лишь косвенно, с помощью некоторых намеков, род их деятельности или какие-либо иные характеристики: англ. Ford Motors — «*Форд Моторз*» (фирма), Bluecoat School — «*Блукоут скूल*» (школа), Minton China — «*Минтон чайна*» (фирма, производящая фарфор), Trinity House — «*Тринити Хаус*» (корпорация), Shelter — «*Шелтер*» (общество).

Названия сортов растений и пород животных обычно транскрибируются: англ. Arran Victory «*Арран Виктори*» (сорт картофеля), Charles Ross «*Чарлз Росс*» (сорт яблок). Слова типа граф, герцог в составе таких названий изредка по традиции переводятся: англ. Duke of York «*Герцог Йоркский*» (сорт картофеля).⁶ Названия пород животных, типичных для определенной местности, передаются по традиции в форме частичного перевода: англ. ayrshire cattle — *эрирская порода скота*.

Товарные знаки чаще передаются с помощью транскрипции: англ. Doultou «*Доултон*» (сорт фаянса), Hornet «*Хорнет*» (класс яхты), не «Шершень». Исключение — некоторые традиционные названия с яркой образностью: англ. Bristol milk — «*Бристольское молоко*» (херес). Иногда, при сохранении того же оптического товарного знака (картинки) меняется знак словесный, ср. выпускаемые российскими и украинскими фабриками конфеты «*Ведмедик на півночі*» и «*Мишка на Севере*», «*Ведмедик клишоногий*» и «*Мишка косолапый*», печенье «*Октябрь*» и «*Жовтень*», «*Сливочное*» и «*Вершкове*», ср. также выпускаемое в Москве печенье «*Привет*» и в Кабардино-Балкарской АССР «*Салам*», имеющее тот же рисунок на упаковке.

Хотя вопрос о переводе или транскрибировании названий различных типов решается прежде всего исходя из их денотативной соотнесенности, некоторое значение при этом имеет и характер используемой в них лексики. Так, несмотря на то, что названия транспортных средств, как правило, транскрибируются, ряд названий, образованных от всемирно известных эпонимов, мифонимов, этнонимов, передается в традиционной форме с применением общепризнанных замен. Например, название американского космического корабля Apollo естественнее передавать по-русски как «*Апполон*», а не «*Аполло*», ср. программу космических исследований «*Союз—Аполлон*» (1975 г), хотя название английского корабля, посетившего в 1955 г. Ленинград, передавалось в наших газетах

---

⁶ Перевод названий культиваров — явление чрезвычайно редкое. Предпочитается полная транскрипция: «*Дьюк оф Йорк*». Поскольку основное назначение подобных названий — этикетировать образцы, предусматривается полная симметрия русского и иноязычного названия: на этикетках все слова, кроме вспомогательных, пишутся с прописных букв. В общем тексте такие названия выделяются кавычками.

«Аполло». То же самое можно сказать о названии американской ракеты Nike, которое у нас обычно транскрибируют «Найки», хотя традиционное русское «Нике» говорило бы русскому читателю больше. Название американской ракеты Iroquois ['irəkwoɪ] предпочтительно передавать как «Ирокез», опять-таки в традиционной русской передаче, а не «Ирокуой» с частичной потерей информации. Если названия подобных объектов — слова национальные, а следовательно, недостаточно широко известные, их можно передавать только посредством транскрипции, снабжая ее, где надо, в скобках переводом: корабль Нансена Fram — «Фрам» (вперед), название американского спутника Земли «Дискаверер», так как только транскрипция передает подобные названия во всей полноте их номинативности со всеми национальными особенностями звучания, которые порой важнее лексического содержания названия.

Передача названий, выраженных словами международной лексики, в известном смысле напоминает передачу слов близкородственных языков (см. ниже), поэтому в них допускаются различного рода морфемные подмены.

Следовательно, транскрипция или перевод лексической основы имени, а также включение в передачу его элементов деривации, во многом зависит и от типа именуемого объекта, и от степени отражения именем характерных черт объекта, и от лексических свойств слов, обозначающих объект.

Все это свидетельствует о том, что работа современного научного транскриптора, как и переводчика научной или художественной литературы, должна быть глубоко творческой, порой конкурирующей с авторской работой, передающей не только основной смысл произведения, но и дух изображаемой эпохи, и образы, и реалии, и характерный колорит изображаемой среды, и термины и номены науки и техники в их установленном виде.

ВЫБОР ОБЪЕКТА ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ

После анализа имен в связи с их денотатами и решения на основе этого вопроса о категориях имен, подлежащих заимствованию и передаче с помощью практической транскрипции, обратимся к чисто лингвистическим моментам выбора объекта транскрибирования,

А. А. Реформатский (1960, 42) отмечает, что в процессе заимствования транскрипция — это лишь одна (и при том более частная) сторона передачи иноязычных слов средствами алфавита заимствующего языка, входящая в наиболее общую и всеохватывающую проблему — подачу названий. «Передаче же, транскрибированию, т. е. «написанию» названия предшествует очень многое: и выбор его [названия], и определение языка-источника (а иногда и языка-посредника), и решение вопроса о переводе или транскрипции (как собственно названия, так и сопровождающих его нарицательных), и выбор грамматической формы названия (что предпочесть: именительный или родительный падеж существительного или же прилагательное), и многое другое». Решая, какое слово, какого языка и в какой его форме брать за исходное, прежде всего остановимся на языке-источнике. Затем, если в нем данный объект имеет несколько названий, посмотрим, которое из них взять за исходное, и, наконец, — в какой форме.

Выбор языка-источника. Выбор языка, из которого заимствуется имя, тесно связан с выбором самого имени, потому что вне языка оно не существует. Мы видели, что в такой области, как, например, топонимия, для одних типов объектов важно показать, что собой представляет объект, а для других типов — чей он. На территориях, испытывающих разноязычное влияние, одни и те же объекты могут называться, казалось бы, одинаково, но на разных языках: Kayes и Le Que, Islas de la Bahía и Bay Islands. Вопрос, форму какого языка предпочесть для нашей современной передачи, решается прежде всего исходя из знания государственной принадлежности территории. Однако в некоторых случаях сам факт названия объекта на разных языках может служить аргументом в пользу его перевода на принимающий язык вместо транскрипции.

Если название не этимологизируется или с трудом этимологизируется в языках-источниках, возможность перевода отпадает, а выбор языка, форма которого подлежит транскрибированию, определяется прежде всего государственной принадлежностью территории (например, пограничные финско-шведские и финско-норвежские объекты). Если государство имеет несколько официально принятых государственных языков (Бельгия — фран-

пузский, нидерландский, немецкий, Швейцария — французский, немецкий, итальянский, ретороманский), язык-источник для топонимов определяется их местонахождением в зоне с преобладающим населением определенной национальности, а для антропонимов — национальной принадлежностью именуемого лица. Ср. варианты названий швейцарских кантонов *Во* и *Ваадт*, *Валлис* и *Вале*, *Тессин* и *Тичино* (первые варианты у нас приняты в качестве основных, вторые — в качестве окказиональных). См. также А. М. Сухотин 1935, 138, Реформатский 1960.

Выбор языка-источника может быть вторичным, если объект транскрибирования определяется историческими, географическими или политическими причинами. Например, названия протяженных объектов, занимающих территорию обитания разных народов с несколькими официальными государственными языками, в зависимости от категории объекта либо заимствуются из каждого из этих языков и каждой части объекта присваивается соответствующее национальное название, либо название на одном из языков принимается в качестве основного, а остальные занимают при нем подчиненное положение. Так, одна и та же река, протекающая по границе Китая и Кореи, обозначается по-китайски *Ялуцзян* и по-корейски — *Амноккан*, река, зовущаяся на территории Бельгии и Нидерландов *Маас*, во Франции называется *Мёз*, но крупнейшая река Индокитая обозначается общим наименованием *Меконг*, отдельные же части ее — на территории Камбоджи и Таиланда — *Меконг*, Южного Китая — *Ланьцанцзян (Меконг)*, на территории Тибета — *Дзачу (Меконг)*.

Двойные номенклатуры до сих пор существуют на международных картах. Например, *п-ов Кука* именуется также *п-ов Рисер-Ларсен* в честь спутника Р. Амундсена; пролив *Па-де-Кале* англичане называют *Дуврским*, зал. *Кука* называется также *Кенарский зал.*, р. *Кумо-Эльв* имеет финское название *Кокемяэньоки*; о. *Западный Фолкленд* зовется также *Гран-Мальвина*; горы *Восточный Тавр* зовутся также *Армянский Тавр*, р. *Лимпопо* именуется также *Крокодиловая*; зал. *Лазарева* в Японском море именуется по-корейски *Йонхынман*, атолл *Ермолова* имеет второе название — *Таэнга* и т. д.

Какое название предпочесть в каком случае, реша-

ется в индивидуальном порядке. Так, атоллы в Тихом океане, названные в честь русских мореплавателей *Румянцева* и *Волконского*, на иностранных картах чаще обозначаются как *Вотье* и *Такуме*. Мы на наших картах даем оба названия: *Вотье* (*Румянцева*), *Такуме* (*Волконского*).

А. А. Реформатский (1960, 532) пишет, что определение языка-источника или языка-посредника особенно сложно в колониальных странах, в многоязычных государствах, в случае чересполосных по населению территорий, применительно к «перемещенным лицам» в ономастике; иногда приходится учитывать и «язык-посредник» как для зарубежной топонимики, так и для «блуждающей» среди народов и веков ономастики⁷, поскольку культурные традиции требуют аккуратного отношения к известным именам.

Выбор языка-источника или языка-посредника приобретает особое значение там, где речь идет об исторических местностях, названия которых связаны с традициями. Таково, например, историческое название *Вифлеем*, заимствованное через посредство греческого языка и мало похожее на современное *Бейт-Лазм*, непосредственно заимствованное из обновленного древнееврейского языка. В литературных текстах предпочитается *Вифлеем*, в географических — *Бейт-Лазм*. Исторически то же название в Англии было дано приюту для странников, позже отданному под дом для душевнобольных. В результате многочисленных искажений оно приняло форму *Bedlam* — *Бедлам* (< *Bedlem* < *Bethlem* < *Bethlehem*).

Названия разных эпох нередко бывают связаны с разными языковыми и политическими ориентациями, ср. *Дерпт*—*Юрьев*—*Тарту*, *Борнео*—*Калимантан*, *Гелеспонт*—*Дарданеллы* и др. Поэтому при переводе текстов, относящихся к разным эпохам, необходимо показать и разные названия объектов, беря за основу их формы, свойственные той или иной эпохе и языковой системе.

Фамилии, общие нескольким языкам или заимствованные из одного источника в разные языки, обычно сохраняют в западных языках свое написание, но произносятся они в каждом языке различно. Так, например, *Fuson* произносится у англичан [fju:sn], а у французов —

---

⁷ Имеется в виду антропонимия.

[fyzð], Vogel — у немцев [ˈfoːgəl], у англичан [ˈvɒɡl], у французов — [vɔʒɛl].

При заимствовании таких фамилий в русский язык необходимо тщательно выяснить, что представляют собой их носители, и затем транскрибировать в соответствии с правилами того языка, которому фамилия реально принадлежит.

В Центральной Европе, при большом проценте лиц, владеющих несколькими языками, отмечается такое явление, как прочное общественное знание языковой принадлежности многих фамилий. Например, фамилии типа Zawadski, Zalesski, Beletzki (Belezky), Tomczak, Pietrok и т. п. воспринимаются как славянские. Их польское или чешское произношение сохраняется даже на германоязычных территориях, несмотря на то, что орфографическое z там обычно читается [ts].

Иначе обстоит дело в англоязычных странах, где господствует тенденция воспринимать чужое через призму своего, превращая нидерландскую фамилию Waterman *Ватерман* — в *Уотерман*, франц. Bonnier *Бонье* — в *Бонньер*, нем. Vogelſang *Фогельзанг* — *Вогелсанг* и т. д. Здесь вопрос о языке-первоисточнике отпадает, существует лишь английский язык, на котором говорит данное лицо, и фамилия которого подвергается соответствующим перестройкам на английский лад, и нет оснований транскрибировать его фамилию в соответствии с нормами того языка, которому когда-то принадлежало слово, послужившее для нее основой. Особенно часто с этим приходится сталкиваться при транскрибировании фамилий лиц различных национальностей, натурализовавшихся в США, чьи фамилии подчинились правилам чтения нового для них языка и звучат совершенно необычно по сравнению с их звучанием в Европе: Bielecki [ˈbaɪəlɪki] — *Байелеки*, Nyborg — *Найборг*, Leboeuf — *Лебаф*, Schwarz — *Шуорз*, Kaufmann — *Кофманн*, Ulrich — *Алрич*, Grunwald — *Грануолд*, Gruenstein — *Грунстейн* и т. д. вместо польск. *Белецкий*, швед. *Нюборг*, франц. *Лебёф*, нем. *Шварц*, *Кауфманн*, *Ульрих*, *Грюнвальд*, *Грюнштейн*. Тем не менее передавать фамилии этих лиц средствами русского языка следует в соответствии с той звуковой формой, в которой они употребляются в новой языковой среде, т. е. *Найборг*, *Грануолд* и т. д., ибо только тогда сохраняется номинативность и национальный колорит,

и фамилии выходцев из Франции, Германии, Швеции и т. д. попадают в русский язык в своей реальной, а не этимологической форме.

А. А. Реформатский (1958) отмечает: «... с лингвистической точки зрения следует различать имена своего языка и иноязычные (их подача на карте и положение в составе языка различны); среди иноязычных — имена внутрисоюзных и зарубежных языков; далее — территории с единым национальным государственным языком и территории, где идет борьба государственных и национальных языков... Словесная нагрузка русских карт — это кодификация определенного и особого слоя лексики русского языка. Первое слово здесь принадлежит лингвистам».

Вопрос о языке-посреднике встает там, где имеются бесписьменные или младописьменные языки народов, пользовавшихся в своей культурной жизни каким-либо другим, хорошо развитым литературным языком (русский язык — для ряда языков народов СССР; персидский, арабский, хинди, английский — для языков ряда народов Азии; суахили, а также английский и французский — для языков ряда африканских народов).

Так, при введении зарубежных имен собственных (и, в частности, географических названий) в языки народов СССР исходным материалом обычно служит язык-посредник, русский язык. Об этом пишет, например, Х. Х. Хасанов (1953, 8, 11), предлагая не только брать за образец русское название, но и переносить на национальную почву русское грамматическое оформление (окончания рода, числа, падежа): *Белое кули*, *Игольный бурни*, *Гавайи ороллари*, *Вознесение ороли*, *Святая Елена ороли* и т. п. Такое оформление заимствуемых в национальные языки географических названий вряд ли следует приветствовать.

Против увлечения русскими родовыми окончаниями (*Белое кули*) предупреждал Н. П. Архангельский (1935, 15). Он писал: «Сама современная русская транскрипция собственных географических имен в принципе стремится передать возможно ближе произношение имени на языке того народа, который живет около данного географического объекта и создал (или употребляет) данное название. Ряд географических имен, искажавшихся старой русской транскрипцией, в настоящее время транскрибируется

по-новому, ближе к оригиналу. При учете этой динамики русский язык может выдвинуть и такой тезис: языки, впервые вводящие в свой обиход написание какого-нибудь собственного географического имени, должны транскрибировать это имя возможно ближе к его «родному» произношению. Применение этого принципа всеми нерусскими языками СССР может содействовать и отказу русского языка от архаических русизмов типа *Париж, Вена* и др.».

При передаче иностранных имен и фамилий на языки народов СССР К. Тыныстанов и Х. Карасаев (1936, 43—44) предлагали следовать русским традициям: Gartman⁸, а не Hartman, Genrix, а не Heinrich, но имена арабо-персидские передавать в каждом национальном языке в соответствии с его нормами:

арабск	узб., татар.	кирг.	казах.
Xasan	Xasan	Asan	Asan
Abdulla	Abdulla	Abdylda	Abdilde
Muhammad	Muxammed	Mambet	Maqambet

и это правильно, потому что подгонять последние под нормы русского языка было бы нелепо, в их же языках сложились определенные традиционные формы этих имен.

Для терминов и номенов вопрос о языке-источнике приобретает особую важность, так как многие из них существуют параллельно во многих языках в аналогичной материальной форме, восходящей к греко-латинским корням. Если заимствование происходит планомерно, при нем сохраняется единство с уже существующими в заимствующем языке терминами, составленными на базе тех же греко-латинских корней. А. А. Реформатский (1960в, 91) отмечает для русского языка такие группы, как *комбинат, комбинировать, комбинезон, комбинация, комбинатор* или *линетип, монотип, дагерротип, типография, фототипический, автотип*. В эти ряды не «помещаются» такие слова, как *комбайн, веритайпер, теле-тайп* благодаря «английской окраске», из-за которой они оторвались от этимологически однокоренных с ними слов. Это результат случайного, непланомерного заимствования из разных языков слов, этимологически вос-

⁸ В статье приводятся написания на так называемом новом латинизированном алфавите.

ходящих к одним и тем же корням. Таким же образом могут быть перенесены в язык заимствующий и особенности орфографии отдельных языков, что также нежелательно. Например, слова *каротин* и *каротаж* под влиянием английской орфографии у людей, владеющих английским языком, получили удвоенное *p*, а у людей, знакомых с французским, — удвоенное *m* (см. Суперанская 1959, 225—226). Нам представляется, что при сознательной нормализации в подобных случаях следует пренебрегать частными орфографиями (как и частными произношениями) и возводить слово к первоисточнику. Поскольку удвоение согласных не на стыке морфем для русского языка в целом не характерно и встречается только в заимствованных словах, где для русских оно не мотивированно, у нас нередко теряется чувство правильного, и даже в печати проскальзывают такие ошибки, как *маррокен*, *аннтена* и т. п. с удвоением не тех букв, которые удвоены в оригинальном написании слова. См. Суперанская 1959а, 164, 167.

Выбор варианта названия в известном языке. Поскольку имена собственные — слова, подверженные значительным варьированиям (лексическим, фонетическим, орфографическим), нередко многие из них встречаются в нескольких формах. Как отмечает А. А. Реформатский (1960, 532), выбор объекта транскрибирования особенно сложен при многоименности, будь то параллельные антропонимы или менявшиеся топонимы. Поэтому выбор названия для подачи его на карте или фамилии для подачи в книге и газете зависит от многих исторических и политических причин и от традиций отдельных народов.

Наличие разных названий одних и тех же объектов в одном и том же языке или диалекте объясняется специфической ономастической чертой, позволяющей именуемым объектам изменять свои названия или по-разному именоваться у представителей различных слоев общества. Переименования географических объектов могут преследовать отказ от иноязычного и замену его своеязычным, например, *Устьысольск* — *Сыктывкар*, *Царевококшайск* — *Йошкар-Ола*, *Верхнеудинск* — *Улан-Удэ*, *Скобелев* — *Фергана*. Но нередки и случаи замены при переименовании своеязычного своеязычным же, например, болг. *Божи-Дар* — *Каолиново*, порт. *Камакуна* — *Женерал-Машаду* (Ангола).

В топонимии известны и параллельные названия одних и тех же объектов на одном и том же языке: *о-ва Иль-дю-Дьябль*, они же *о-ва Салю* (Фр. Гвиана), *Констанцское оз.*, оно же *Боденское* (на границе Швейцарии, ФРГ и Австрии), р. *Барку* — в среднем течении *Куперс-Крик* (Австралия). В этих случаях выбор исходной формы названия определяется главным образом традицией принимающего языка.

Решению вопроса о выборе подлежащего транскрибированию варианта имени может помочь обращение к соотношению литературного языка и диалектов. Одни категории имен заимствуются исключительно из официально принятого государственного языка, что не вполне соответствует литературному языку, но исключает возможность заимствования из диалектов (географические названия, личные имена и фамилии в официальном употреблении). Имена в художественной литературе, как не связанные с юридической фиксацией, могут заимствоваться и в диалектных формах или с сохранением отдельных диалектных черт.

Литературный язык, являясь единой центростремительной нормой для представителей разных диалектов, объединяет и унифицирует все частные языковые нормы в одну общелитературную. Поэтому в практической транскрипции часто берется за основу фонемный состав слов в том их звучании, которое свойственно литературному языку.

Местное произношение имен нарицательных представляет интерес преимущественно для диалектологов. К местному произношению собственных имен прислушиваются и писатели, и переводчики, и транскрипторы, потому что многие считают самым правильным именно местное, диалектное произношение собственных имен. Тем не менее литературный язык не в состоянии вобрать в себя все местные варианты произношения собственных имен, потому что он развивается по своим собственным закономерностям и далеко не всегда испытывает те иноязычные и субстратные влияния, которые характеризуют складывание диалектов отдельных территорий. Так вырабатываются две нормы произношения собственных имен: литературная (центральная) и местная. Переводчик и транскриптор стоят перед проблемой, в каких случаях показывать особенности местного произношения,

а в каких — ориентироваться на нормы литературного языка.

В истории развития русского языка диалекты играли подчиненную роль, объединяясь вокруг центростремительной нормы литературного языка, и литература на диалектах почти не создавалась. В истории развития других языков диалекты достигали порой значительной центробежной силы. Например, диалектная раздробленность ряда стран средневековой Европы имела следствием, с одной стороны, развитие значительной литературы на некоторых диалектах (провансальский, нижненемецкий), а с другой стороны — закрепление диалектных черт в официальном произношении ряда собственных имен.

Например, в Северной Германии *oi*, *ou* произносятся как [o:] Grevenbroich [ˈgre:vənbro:x], Troisdorf [ˈtro:sdorf], в то время как в литературном немецком языке эти сочетания (обычно в словах латинского происхождения) произносятся [o:i]: Alois [ˈa:lo:is], Loisel [ˈlo:izəl]. В австро-баварских диалектах в сочетании *ui* произносятся оба гласных: Luitprant — *Лутпрант*. На Севере *ui* в именах собственных произносится [y:] Juist — *Юст*. (см. Bithell 1952). Если при транскрибировании исходить из фонетического принципа, возникает вопрос, на какое же произношение — северное, южное, центральное или сценическое (*Bühnenaussprache*) ориентироваться? Во многих случаях предпочтение отдается орфографии.

Проблема соотношения диалектных норм с нормами литературного языка не решена и для ряда языков Советского Союза. Например, казахский литературный язык сформировался на базе диалектов с нарушенным губным сингармонизмом. Другие диалекты его сохраняют. При русской транскрипции топонимы, принадлежащие к диалектам с сохранившимся сингармонизмом, переводятся в форму с разрушенным сингармонизмом и уже затем заимствуются в русский язык. Так, например, получается официально принятое на картах название *Байконыр*. Однако во всех наших газетных корреспонденциях оно пишется *Байконур*, передаваясь непосредственно из диалектов с губным сингармонизмом и минуя «выправление» в соответствии с нормами литературного языка, тем более что формы с сохранением сингармонизма вообще привычнее для принимаемых в русский язык тюркизов.

Узбекский литературный язык, сформировавшийся на базе ташкентского диалекта, значительно отличается по составу гласных от прочих тюркских языков, ср. узб. *Ирок, Багдод, Кобул, Машхад, Эрон, Узбекистон* и традиционные русские соответствия *Ирак, Багдад, Кабул, Мешхед, Иран, Узбекистан*. Поскольку многие узбекские имена были заимствованы в русский язык раньше, чем сформировался литературный узбекский язык, многие названия сохраняют в русском языке старую традиционную форму, в том числе и топонимы *Узбекистан* (ср. традиционный топонимический ряд *Казахстан, Афганистан, Пакистан, Туркестан, Индостан* и др.), *Ташкент* (ср. местное *Тошкент* и бытовавшую одно время форму *Тошканд*, вводящую данное название в ряд *Коканд, Самарканд* и т. д.).

Итак, еще раз подчеркнем, что литературный язык не всегда совпадает с языком государственным, что при многовариантности собственных имен в тех языках, которым они принадлежат, выбор варианта для передачи в транскрипции определяется жанром переводимого текста, его историческим и политическим характером, а также традициями принимающего языка.

Выбор исходной грамматической формы. После того, как выбрана система (литературный язык или диалект), из которой по тем или иным причинам удобнее производить заимствование, и вариант имени, наиболее удобный для транскрибирования, остается сделать еще один шаг — выбрать грамматическую форму этого лексического варианта, которую можно принять за исходную и на которую можно опираться во всех последующих преобразованиях. Выбор исходной грамматической формы во многом зависит от традиций, от путей проникновения слова в данный язык, от тенденций той или иной эпохи.

Принятие за исходную форму именительного падежа единственного числа и точное отражение ее в языке заимствующем возможно далеко не всегда. Особенно большие несоответствия исходной грамматической формы форме, получаемой в результате заимствования, наблюдаются в тех случаях, когда один из контактирующих языков (или оба) обладает особой флексией именительного падежа, которая не сохраняется в других падежах, или когда в форме именительного падежа основа представлена не полностью, а в усеченном виде (языки ла-

тинский, греческий, латышский, литовский, грузинский и ряд др.).

Отметим историческую преемственность различных способов заимствования. Так, в русском языке издавна сложилось отношение к именам языков латинского и греческого как к склоняющимся словам, при заимствовании которых за исходную бралась чистая основа без каких бы то ни было флексий. Эта тенденция четко прослеживается на именах личных, заимствованных из Византии в X в. и хорошо адаптированных русским языком, ср. *Ἀλέξανδρος* — *Александр*, *Ἀλέξιος* — *Алексий* (> *Алексей*), *Κῆρος* — *Кир*, *Πλάτων* — *Платон*, *Ξενοφών*, -τος — *Ксенофонт* и др. Так же поступали и с латинскими именами: *Cicero*, -onis — *Цицерон*, *Julius* — *Юлий*. Традиция эта была пронесена через века; таким же образом передавались и имена деятелей эпохи Возрождения: *Эразм Роттердамский* (а не *Эрасмус*), *Бозций*, *Цезальпин*, *Галилей*, и даже Нового времени: *Линней*.

Тенденция передавать грецизмы и латинизмы с флексиями именительного падежа наметилась относительно недавно, очевидно, под влиянием опосредствованных заимствований слов этих языков через какие-то третьи языки, куда они были заимствованы с флексиями и откуда переданы в русский язык также с флексиями. Например, известный пласт современных шведских и финских латинизированных фамилий передается на русский язык с включением флексии: *Сибелиус*, *Корнелиус*, *Витравиус*, *Сахариус* и т. д. Заимствованные через западные языки названия спутников планеты *Марс* — *Фобос* и *Деймос* — сохраняют греческую флексию -ос, хотя первое слово как обозначение мифологического персонажа передается по-русски *Фоб*. Имя *Деймос*, очевидно, как более позднее заимствование во всех словарях и во всех значениях употребляется по-русски с флексией -ос.

С флексиями именительного падежа передаются и названия греческих островов: *Сарос*, *Лесбос*, *Делос*, *Родос* и т. д., употребляемые в ряде западных языков, например в английском, без флексий. С флексиями передаются имена и фамилии греков — наших современников: *Грамматикакис*, *Ваякакос*, *Теодоракис*, *Димитриос Бардис*, *Манолис Глезос* и т. д.

Традиция заимствовать имя в виде чистой основы без флексии именительного падежа распространилась в XIX в.

и на грузинские топонимы: *Тифлис, Кутаис, Рион, Сухум, Батум* и т. д. Ср. склонение подобных названий: им. *Сухуми*, род. *Сухумис*, дат. *Сухумс*, обст. *Сухумад*, тв. *Сухумитх*, зват. *Сухумо*. Из склонения совершенно очевидно, что в дореволюционное время этот и подобные топонимы заимствовались в форме чистой основы: *Сухум*. Послереволюционная тенденция склоняется к тому, чтобы за основу при заимствовании брать форму именительного падежа, включая флексию именительного падежа: *Сухуми*.

Без флексий именительного падежа передавали на русский язык в дореволюционное время и латышские фамилии: муж. *Lapiņš* — *Лапинь* и даже *Лапин*, жен. *Lapiņa* — так же как и муж. *Лапинь*, либо с русификацией *Лапина*. Постановлением Правительства Латвийской ССР (1945) было предписано транскрибировать по-русски те латышские фамилии, конечный согласный основы которых не меняется в косвенных падежах, в форме чистой основы без флексии именительного падежа: *Bērziņš* — *Берзинь*, *Krišjānis* — *Кришьян*, а фамилии, у которых в косвенных падежах меняется конечный согласный основы, — с флексиями именительного падежа: *Lācis*, *Lača* — *Лацис*. Однако правила эти сложны и громоздки, в них предусматривается много мелких частных случаев, и соблюдаются они далеко не всеми. Большинство латышей транскрибирует свои фамилии, сохраняя флексии именительного падежа во всех случаях; *Kalniņš* — *Калниньш*, *Ieviņa* — *Иевиня*, *Urmālis* — *Урмалис*, *Melderis* — *Мелдерис* и т. д.

Следует отметить, что постановление 1945 г. опиралось главным образом на дореволюционную практику, когда при заимствовании латышских фамилий допускалась не только нивелировка мужских и женских форм (мадам *Берзинь*, мадам *Лацис*), но и национальных особенностей их. В частности, фамилии, оканчивающиеся на *-manis* (*Bergmanis*, *Neimanis*, *Hausmanis*, *Augstmanis*), передавались так же, как и немецкие *Bergmann*, *Neumann*, *Hausmann* и др., т. е. *Бергман*, *Хаусман* и т. д. вместо *Бергманис*, *Хаусманис*, *Нейманис*, *Аугстманис* (и соответствующих женских *Бергмане*, *Неймане*, *Аугстмане* и т. д.). Один из доводов в пользу передачи латышских имен без флексий — их склонение в русском языке, чтобы русские падежные окончания присоединялись к чистой основе латышских фамилий, а не к основе, отяг-

ченной латышской флексией: *Бергман* — *Бергмана*, а не *Бергманис* — *Бергманиса*. Но русские флексии не совпадают с латышскими и при склонении все равно не получается достаточно тесной близости с латышскими оригиналами.

Особенно ясно неоправданность указанных правил выступает при сравнении транскрипции латышских и литовских фамилий. Последние транскрибируются с флексиями именительного падежа во всех случаях: *Tilvytis* — *Тильвитис*, *Maniukas* — *Манюкас*, *Čiurlionytė* — *Чюрлёните*, *Gražys* — *Гражис*, *Gražienė* — *Гражене*, *Gražytė* — *Гражите*, *Varškevičiūtė* — *Варшкевичюте*, *Bučaitė* — *Бучайте*, *Vardunas* — *Вардунас*.

Очевидно, более правильным будет при передаче латышских и литовских фамилий исходить из одного и того же принципа: транскрибировать их полностью, принимая за основу форму именительного падежа — форму, официально принятую и документально закрепленную (при паспортизации). Передача без флексий не годится и потому, что она не может быть выдержана до конца. Кроме того, передача без флексий не позволяет различать фамилии мужские и женские, ср. *Staltmanis* — *Staltmane*, *Bērziņš* — *Bērziņa*: *Сталтман*, *Берзинь*, вместо *Сталтманис* — *Сталтмане*, *Берзиньш* — *Берзиня*. В фамилиях типа *Сталтман* такая передача стирает и национальные особенности латышских фамилий, уподобляя их фамилиям немецким.

Таким образом, в зависимости от особенностей языка за исходную форму при заимствовании берется либо чистая основа, либо именительный падеж имени, включая его флексию, при этом исторический путь развития заимствований идет от чистой основы к форме именительного падежа.

II Процесс транскрибирования

В данном разделе рассматриваются лишь те слова, которые подлежат передаче с помощью практической транскрипции, и анализируется механизм их перекодирования. При этом за исходный материал берется иноязычное слово в иноязычном написании, а в результате необходимых трансформаций получается то же слово, записанное с помощью другого алфавита с иной ценностью составляющих его единиц, введенное в систему другого языка. В процессе транскрибирования выделяются следующие этапы:

- 1) анализ написания иноязычного слова в языке-источнике (написание 1);
- 2) чтение иноязычного написания;
- 3) определение фонемного состава иноязычного слова и перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка;
- 4) запись иноязычного слова в принимающем языке (написание 2).

Все эти этапы, или фазы, очень тесно между собой связаны, так что транскрибирующий не всегда четко разграничивает их, но они неизбежно присутствуют, и для детального ознакомления с процессом транскрибирования необходимо на них остановиться. Заслуживают внимания также вопросы, связанные с возможностями точного показа облика заимствованного слова и с потерей информации при заимствовании.

АНАЛИЗ НАПИСАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА В ЯЗЫКЕ-ИСТОЧНИКЕ

Транскрибирующий обычно имеет дело с оптическим (графическим) обликом заимствуемого слова, который может сопровождаться его акустическим (фонетическим)

обликом (по ряду обстоятельств это бывает не всегда). Поскольку взаимоотношение фонетики и графики, орфоэпии и орфографии для каждого языка индивидуально, процесс транскрибирования начинается с анализа иноязычного написания. Этот важный этап может дать указание на языковую принадлежность транскрибируемых слов (ведь не всегда они заимствуются непосредственно из языка-источника и даже сплошной текст на одном языке содержит в качестве вкраплений слова другого языка), на особое место этих слов в лексической системе языка, на индивидуальные особенности в их произношении и написании и т. д.

Есть буквосочетания, типичные для определенных языков, часто встречающиеся в определенных позициях, и есть буквы и их сочетания, не свойственные им. Например, фамилии Lee и Leigh могут быть английскими, а Li — нет, потому что в английских словах *i* на конце не употребляется. Фамилия *Белецки*(й) в польском языке может иметь лишь одно единственное написание Bielecki, ср. нем. Belezky или Beletzki, чешск. Bělecký.

Как известно, в ряде языков наблюдается расхождение между написанием нарицательных и образованных на их базе собственных имен. Поэтому современное написание нарицательных, как оно зафиксировано в словарях, не всегда может дать точные указания на происхождение собственных имен и на их произношение. Выделяются случаи, когда нарицательные и собственные имена по-разному пишутся, одинаково читаются и представляют собой исторически одно и то же. Расхождения в их современном написании объясняются: 1) сохранением именем более старой орфографии: шведск. Silfver, в то время как нарицательное подвергалось реформе: silver; 2) отражением диалектных особенностей: нем. Meyer, Mayer, Maug при нарицательном Meier; 3) индивидуальностью записи имени: нем. Hofmeister и Hoffmeister, Meyerhof и Meyrhof при нарицательном Hof¹; 4) различными возможностями данной графиче-

¹ Излишние удвоения согласных в собственных именах могут быть не только следствием индивидуального желания именуемых, но и результатом того, что средневековые писцы взимали за свой труд побуквенно и иногда удваивали на письме буквы без надобности. В нарицательных именах впоследствии излишние удвоения были подведены под общие правила, в собственных — остались.

ской системы изображать одно и то же: англ. Kingsley и Kingsly, в нарицательных чаще -ly, фр. Thibault и Thibaut, в нарицательных l перестало писаться, исп. Centeno и Zenteno, в нарицательных с; 5) ошибкой при записи или переписывании.

Юридическая фиксация фамилий² в документах ставит их в особое положение и препятствует унификации их написания с написанием имен нарицательных, что могло бы быть проведено в наши дни. Оно проводится лишь выборочно, в индивидуальном порядке, по личной просьбе заявителя и квалифицируется как исправление написания, например, в русских фамилиях *Лошкин* на *Ложкин* или *Салавьев* на *Соловьев*.

Различные написания одних и тех же фамилий получаются при переходе их из одного языка в другой. Например, в американском биографическом справочнике находим фамилию *Шустер* в написании Shuster и Schuster (у лиц, живущих в разных местах и происходящих из разных семей). В шведской энциклопедии нам встретилось разное написание фамилий даже у членов одной и той же семьи: Håkon Shetelig и Jakob Grubbecock Schetelig. При переводах с одного языка на другой, при печатании в разных странах различное написание может получить даже фамилия одного и того же лица. Так, в различных английских изданиях фамилия одного и того же немца встретилась нам в вариантах Wetzler и Wetsler.

С другой стороны, можно отметить различно пишущиеся и одинаково произносящиеся имена (фамилии), разное написание которых — показатель того, что это разные слова. Например, англ. Lee и Leigh [li:], Birch и Burch [bə:tʃ].

Там, где мы имеем дело с юридически разными, а лингвистически одними и теми же фамилиями, показать в транскрипции их графические отличия едва ли возможно. Там, где различия касаются не только юридической, но и лингвистической стороны, желательно изыскивать дополнительные возможности различения похожих, но не идентичных лексических единиц.

---

² В дальнейшем в качестве собственных имен будут привлекаться главным образом фамилии как слова, написание и произношение которых максимально варьирует.

ЧТЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО НАПИСАНИЯ

Чтение иноязычного написания имеет свои трудности, поскольку одни и те же буквы и их сочетания в ряде языков могут иметь двоякое и даже тройное прочтение. Особенно сложны для озвучивания письменные слова таких языков, как английский, французский, где много традиционных написаний. Но ряд имен и такого, казалось бы, фонетически ясного языка, как немецкий, также представляет трудности. Например, топоним Duisburg традиционно передающийся по-русски как *Дуйсбург*, не соответствует немецкому произношению [ˈdy:sbʊrk]. В действительности орфограмма *ui* — один из способов изображения на письме умлаутированного *u*, ср. более распространенное обозначение *ü* как *ue*.

Иной раз для определения произношения собственного имени требуется точное знание того, какой объект им именуется. Например, слово, пишущееся по-английски Worsley, произносится [ˈwɜ:zli] и [ˈwɜ:slɪ], если это фамилия. Если это обозначение местечка возле Манчестера, оно произносится [ˈwɜ:slɪ].

Одинаково пишущиеся фамилии, употребляющиеся в одном и том же языке, но относящиеся к лицам разных национальностей, также могут иметь различное произношение. Например, англичане произносят фамилию немецкого композитора Bach [ba:x] и [ba:k]. Однако эта же фамилия, встречающаяся у англичан, произносится [beɪts] и [bæts].

При чтении иноязычного написания можно выделить следующие случаи: 1) разночтения целых слов или отдельных буквосочетаний в одном и том же языке; 2) разночтения одних и тех же написаний в разных языках; 3) имена собственные в чужой языковой среде; 4) «гибридные» образования.

Разночтения одних и тех же написаний внутри одного языка. Разночтения целых слов часто встречаются в языках с традиционной орфографией, при этом бывает трудно решить, какое чтение принять за основное при передаче данного конкретного имени. Иногда, если имя этимологически прозрачно, выяснению вопроса помогает обращение к произношению имен нарицательных, имеющих то же написание. При этом с помощью логического анализа устанавливается наивысшая вероятность включения

в основу фамилии одного, а не другого омографа. Например, англ. фамилия Sewer может иметь произношения [souə] и [sjuə]. Обращаясь к нарицательным, выясняем, что первый из этих омографов означает 'швец', а второй — 'сточная труба'. Поскольку многие фамилии происходят от названий профессий, естественно, что при транскрибировании фамилии с таким написанием скорее надо ориентироваться на первое произношение.

Если фамилии этимологически неясны, а один и тот же словарь указывает на возможность по-разному читать одно и то же написание или разные словари дают неоднозначные рекомендации, выбор нужного варианта произношения слова значительно осложняется. Например, Д. Джоунз указывает следующие варианты произношения фамилий Mather и McAlpine: [ˈmeɪðə], [ˈmæðə]; [məˈkælˌpɪn], [məˈkælpain]. Если у транскрибирующего нет специальных дополнительных сведений, он выбирает тот вариант произношения, который дается на первом месте, поскольку в предисловии к словарю указано, что на первом месте стоит произношение наиболее распространенное или произношение, свойственное литературному языку, а на втором и третьем — диалектные или индивидуальные варианты.

Если английские словари дают одно произношение, а американские — другое, у транскрибирующего имеется две возможности: либо показать в транскрипции фонетические различия (например, Cuggy — англ. [ˈkʌɡɪ], амер. [ˈkɛɡɪ]), либо свести оба варианта к одному, общепринятому в нашей системе передачи. Основная ориентация русской транскрипции — английская (на южно-английский литературный стандарт), средства же передачи весьма несовершенны, поэтому в результате получаются варианты слов, являющиеся некоторым синтезом разных типов произношения. В связи с этим практически различать в русской транскрипции отдельные типы (стандарты) английского произношения очень трудно. Привычка к определенным русско-английским соответствиям подсказывает специалисту возможный графический облик слова в языке-источнике. Варьирование русской транскрипции одних и тех же английских слов вызвало бы у русского читателя не столько представление о разных вариантах английского литературного языка, сколько идею ошибочности одного из вариантов русской передачи.

Поэтому, очевидно, для общей прессы достаточно показа одного типа английского произношения (с той степенью точности, с какой это возможно). Варианты могут быть показаны лишь в каких-либо художественных текстах, где это существенно для самого хода повествований. Подробнее см. Суперанская 1964а. См. также Реформатский 1941.

Разночтения отдельных букв и буквосочетаний могут зависеть от происхождения слов (от их языка-источника), от положения в слове, от ударности слога, от окружающих элементов и ряда других причин. Так, в английских именах большие трудности представляют группы согласных *ch*, *sch*, *gh*, чтение которых не всегда регулируется общими правилами. Сочетание *ch* в словах английского происхождения произносится [tʃ]. Но в словах нидерландского, немецкого, скандинавского, славянского происхождения оно часто звучит [k]: *Buchman* ['bukmən], *Kosher* ['kɔʃə]. При этом сам факт происхождения из указанных языков настолько отчетливо диктует определенное произношение, что славянская фамилия писательницы Войнич, имеющая официальное английское написание *Voinich*, вполне соответствующее ее славянскому происхождению, получила тем не менее распространенное английское произношение ['vɔɪnɪk].

Сочетание *sch*, не встречающееся в собственно английских словах, в именах немецкого происхождения читается как [ʃ], в именах греческого, латино-итальянского, нидерландского происхождения — как [sk]. Поэтому транскрипция слов, содержащих это сочетание, требует особого внимания, ср. английские фамилии *Scholl* — [ʃɔl], *Schwann* — [ʃwɒn], но *Schofield* — ['skoufi:ld], топоним *Schenectady* — [ski'nektədi].

Чтение слов, содержащих букву *g*, отличается в английском языке особой нерегулярностью, и правило, согласно которому *g* читается как [g] перед *a*, *o*, *u* и как [dʒ] перед *e*, *i*, *y*, соблюдается далеко не всегда. Особенно часты отступления от этого правила в положении перед *i*, ср. *Gillespie* — [gi'lespi], *Gilbert* ['gilbət], *Gill* [gɪl], *Gideon* [gidɪən], *Gibson* [gɪbsn], *McGee* [mæ'gi], но *Giles* [dʒaɪlz], *Gillette* [dʒɪ'let]. В некоторых фамилиях отмечаются колебания: *Gifford* ['gɪfəd] и ['dʒɪfəd], *Giffen* — ['gɪfɪn] и ['dʒɪfɪn]. Если в имени собственном за конечным *g* следует немое *e*, это еще не значит, что *g*

должно произноситься как [dʒ]: Synge — [sin], Berge — [bʰ:g]. Перед суффиксом -er g также часто читается как [g]: Twiger [twigə] (ср. twig). Иногда же g произносится как [dʒ], даже если за ним не следуют e, i или y (если данная фамилия имеет и иной графический вариант с e), например Bridgman [ˈbridʒmən] (ср. орфографически более закономерное Bridgeman), Dodgson [ˈdɒdʒsn].

Из современного состояния английского языка нельзя объяснить и различное произношение слов, содержащих сочетание gh: rough [raʃ], ghost [goust], plough [plau]. Вопрос о чтении слов, содержащих это сочетание, значительно осложняется и тем, что, помимо общегерманских, оно часто встречается в словах и особенно в именах собственных кельтского происхождения, где правила чтения совсем иные, ср. Vaughan [vɔ:n], Brougham [brum], Leighton [leitn].

Немало сложностей возникает и при чтении французских собственных имен, поэтому необходимо постоянно пользоваться произносительными словарями.

Разночтения одинаково пишущихся имен в разных языках. Одинаково пишущиеся имена разных языков являются следствием их общего происхождения, заимствования или случайного совпадения³. В этих случаях нередко трудно, а иногда и невозможно определить, какому языку имя принадлежало изначально, а в какой было заимствовано. В настоящее время такие имена обычно бывают в равной мере принадлежностью каждого из языков, в которых они употребляются⁴.

Случайное совпадение написания имен собственных — явление довольно редкое, оно не представляет особого интереса. Примером его может служить компонент Van в нидерландских и вьетнамских именах, обычно занимающий в них второе место, ср. Le Van Thoi — *Ле Ван Той* и Michel Van Vries — *Михел ван-Врис*.

Значительно больший интерес представляют имена с одинаковым написанием, свидетельствующим об общ-

³ Вопрос этот имеет значение скорее для антропонимии, чем для топонимии, потому что «имена людей «гуляют» по всему свету. . . , а топонимика, за исключением редчайших случаев сопровождения иммигрирующих групп. . . прочно пригвождена к определенной территории» (Реформатский 1956; 113).

⁴ Здесь целесообразно говорить лишь о целых именах, а не об отдельных буквосочетаниях, имеющих свое чтение в каждом языке.

ности происхождения или о заимствовании. Разграничить, что относится к заимствованиям, а что — следствие общего происхождения, трудно, да и не всегда необходимо. Для практической транскрипции важен морфемный и фонемный состав этих имен в настоящее время. Употребляясь в двух или нескольких языках, имена менялись в соответствии с их фонетическими законами, и в настоящее время произношение их в одном языке нередко совершенно непохоже на произношение в другом. Транслитерировать такие имена или передавать их по правилам только одного какого-нибудь языка представляется неверным. Их надо передавать так, как они произносятся в языке родном для их носителей. В таком случае основной трудностью будет определение национальности именуемого лица. Например, фамилию Fuson, принадлежащую англичанину, следует передавать *Фьюсон*, а принадлежащую французу — *Фюзон*, фамилию Jordan у англичанина *Джордан*, у немца *Йордан*, у француза *Жордан*, Gutterman у немца — *Гуттерман*, а у англичанина — *Гаттерман*, Lehman у немца *Леман*, а у англичанина — *Лиман* и т. д. При переезде в другую страну произношение фамилии обычно меняется не сразу (см. стр. 90—96).

В скандинавских языках много одинаково пишущихся фамилий, произношение которых, однако, сильно отличается в зависимости от языка. Например, фамилия Skjerven произносится по-датски [sgæ:vən] *Скервен*⁵, а по-норвежски [jær'vən] — *Шервен*, Kjellmark произносится в Швеции ['tʃe lmærk] *Чельмарк*, а в Норвегии ['k'elma:k] *Хельмарк*, Gjedser в Дании ['gɛsə] *Гедсер*, а в Швеции ['jɛsər] *Едсер*. И там, где можно получить хоть минимальные данные относительно национальности лиц, необходимо показывать различие в произношении их фамилий в русской транскрипции.

Примером подобного разночтения в географии является название Des Moines, городов во Франции и в США, из которых первое произносится [dɛmwan] *Де-Муан*, а второе — [di'moin (z)] в нашей официальной передаче *Де-Мойн*.

⁵ Несоответствие научной фонетической и практической транскрипции объясняется здесь «оглядкой» последней на подлинное написание слова.

Имена собственные в чужой языковой среде. С примерами разночтения одинаково пишущихся имен в разных языках соприкасаются случаи употребления имен в чужой языковой среде. Но первое относится к именам, одинаково распространенным в двух или нескольких языках, а второе — к именам, недавно заимствованным.

Иностранные имена собственные обычно меняются в чужой языковой среде, перестраивая свое произношение в сторону приближения к фонетике заимствующего языка, поскольку фонетическая система каждого языка строго индивидуальна и представители одного языка не могут абсолютно точно воспроизводить имена другого. Поэтому каждое имя, попадая в чужую языковую среду, претерпевает те или иные изменения: они могут быть минимальными и выражаться лишь в особой манере произношения (акцент) и могут быть очень существенными и приводить к перестройке всего облика имени (при чтении орфографии одного языка в соответствии с правилами другого языка) или к изменению написания имени при более или менее точном сохранении его произношения.

Разные языки по-разному «обрабатывают» с заимствованными именами. В английском языке, например, существенным изменениям подвергаются имена близкородственных языков, особенно если в написании их содержатся буквосочетания, свойственные и английскому языку, но имеющие в нем иное чтение, при этом изначальное написание имен может и не меняться. Произношение имен неродственных или отдаленно родственных языков по возможности сохраняется. В немецком языке предпочитается частичная транскрипция заимствуемых имен для более точного показа их произношения. Французы произносят иностранные имена на свой собственный лад, при этом нередко меняют и написание имени, приводя его в соответствие с измененным произношением.

При практической транскрипции могут встретиться различные случаи употребления имен в чужой языковой среде. Наиболее типичные из них — это 1) имена известной языковой принадлежности в чужой (известной) языковой среде и 2) имена неизвестной языковой принадлежности в чужой (известной или неизвестной) языковой среде. Вопросы эти были подробно рассмотрены нами ранее (см. Суперанская 1964). Отметим здесь лишь отношение транскрибирующего к перечисленным фактам. Очевидно,

в связи с общими тенденциями не менять произношения имен неродственных и отдаленно родственных языков в английской языковой среде, следует передавать их в соответствии с их произношением в языках-источниках, если только нет указания на то, что интересующее нас лицо натурализовалось в одной из стран английского языка и стало по-иному произносить свою фамилию; но в этом случае изменение произношения нередко сопровождается и изменением написания фамилии⁶.

Что же касается фамилий германского и французского⁷ происхождения, то в отношении их необходима очень строгая дифференциация. Желательно располагать хотя бы минимальными биографическими данными о носителях транскрибируемых фамилий, и если они родились, выросли и работают в странах английского языка, — транскрибировать их фамилии в соответствии с их фонемным составом в английском языке, получившимся в результате англоизации, так как в этом случае они не могут не произноситься на английский лад. Если же носители этих фамилий — недавние выходцы из других стран, фамилии их должны читаться в соответствии с правилами их родного языка.

Отметим некоторые тенденции немецкого языка. Французское сочетание *oi* произносится по-немецки [oa]: Boudoir [budo'a : r]. Английское *ow* сохраняет свое произношение в немецком языке в таких словах, как — Clown [klaun] (ср. рус. *клоун*), Rowdy ['raudi:], но в ряде слов англ. *ow* произносится [o:]: Bowle [bo:lə] вместо [boul]. Сочетание *ow* произносится как [o:] и в немецких фамилиях славянского происхождения типа Virchow ['firc̥o:] (русская традиция *Вирхов*), Bülow ['by:lo:]⁸, ср. топонимы Sydow ['zy:do:], Treptow ['tre:pto:].

⁶ Сведения об этом даются в английских и американских биографических справочниках, которые выходят в свет регулярно и включают имена практически всех людей, занятых в производстве, науке, искусстве.

⁷ Хотя французский язык генетически лишь отдаленно родствен английскому, большое число заимствований из французского языка, имеющееся в английской лексике, делает материал французского языка для носителей языка английского очень близким. Имеются расхождения в рекомендациях, предлагаемых в справочниках, выпущенных в ГДР и ФРГ, см. Duden, 1957, 1962. В ФРГ рекомендуется ['firc̥o], ['by:lo] с [o] без долготы.

В русских именах собственных сочетание *ow* произносится [ɔf]: Romanow [ro'ma:nɔf]. Подробнее см. Bithell 1952, 339, 437, 467—469.

Аналогичные явления отмечаются и во французском языке. Английские конечные сочетания *-au*, *-eu* (англ. [ɪ]), произносятся по-французски [ɛ], так же признаются англ. дифтонг [ei], когда он выражен сочетанием *ai*: *bar-maid*, *Daily News*, *cock-tail*. Английские слова *Reynolds* [renldz], *Fairfax* ['fæfæks], *Seymour* ['si : mɔ:], *Taylor* ['teɪlə], *Raleigh* [rɔ : li], *Leicester* [lestə] с совершенно различным произношением в английском языке (*Ренолдс*, *Фэрфакс*, *Симор*, *Тейлор*, *Роли*, *Лестер*) произносятся по-французски с полуоткрытым [e], а последнее имя даже трансформируется в *Лайсестер* [laiseste:r]. Немецкий дифтонг *ei* [ai] часто превращается во французском языке в [ei] в словах *gneiss*, *edelweiss*, но в ряде имен произносится как [ɛ] открытое: *Heine* [ɛn], *Eiffel* [ɛfel.] *Schneider* [ʃnɛde:r]. Подробнее см. Martinon 1913, Fouché 1956.

Имена других романских языков, особенно те, которые общи с именами французского языка, легко перестраиваются в соответствии с закономерностями французского языка: исп. *José* — фр. [ʒoːzɛ] *Жозе* (а не *Хосе*), *Buenos-Ayres* *Буэнос-Айрес* — фр. [byenoːzɛ:r].

Во французском языке подвергается изменению не только произношение, но и написание некоторых славянских имен: *Stanislas*, *Ladislav*, *Leczynsky* вместо *Stanisław*, *Władysław*, *Leszczyński*.

«Гибридные» имена. Межнациональные браки, частые в странах со смешанным национальным составом населения, а также заимствование имен собственных и отчасти миграция с последующей натурализацией приводят к созданию так называемых гибридных имен и фамилий, в состав которых входят элементы двух или нескольких языков⁹. Гибридизацию в антропонимии можно наметить по двум линиям: 1) имя одного языка в сочетании с фамилией другого языка и 2) морфемы разных языков внутри одной фамилии.

Имя одного языка в сочетании с фамилией другого языка. Гибридные

---

⁹ О различных типах гибридизации см. Hengst 1973.

образования этого типа обычно встречаются в Бельгии, Дании, Германии, Франции, где часты переселения представителей одной национальности в страну с населением, принадлежащим к иной национальности. Примерами таких «гибридов» являются Alfred Maurice Sookne (франко-нидерландский), Paul Eugène Etienne Wenger, Frank Tatibouët, Willy Voirol (немецко-французские), Frederik Christian Rostgaard von der Maase (датско-немецко-нидерландский).

Несмотря на наличие таких разноязычных элементов в составе имен одних и тех же лиц, читать все эти части надо, видимо, в соответствии с правилами языка той страны или той зоны, в которой данное лицо живет.

Морфемы разных языков внутри одной фамилии. Иногда внутри одной фамилии можно встретить морфемы, принадлежащие разным языкам, например, Van Hulssen (нидерландско-датский гибрид), Gravenstein (нидерландско- или шведско-немецкий), Hirschfield (немецко-английский). Очевидно, сохраняя особенности инонационального написания, эти морфемы подчиняются правилам чтения того языка, в котором употребляются данные фамилии и которому принадлежит другая их морфема: англ. Hirschfield ['he:ʃ fi:ld], нидерл. van den Boomgaard — [van den 'bo:mga:rd], хотя в Дании gaard читается [gø:ʔ].

Специфическую гибридизацию представляют имена китайцев, японцев, арабов и представителей других восточных народов, принявших христианство. Их восточные имена следует транскрибировать в соответствии с правилами их родных языков, а христианские — в соответствии с правилами языка той страны, которая проводила христианизацию: John Lee hsian Mao Джон Мао Ли-сянь¹⁰, José Abu el Azm Хосе Абу-ль-Азм.

После того, как найден звуковой облик имени в исходном языке, можно перейти к дальнейшему этапу транскрибирования — определению фонемного состава иноязычных слов и переводу иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка.

---

¹⁰ В соответствии с установившимися традициями, порядок следования компонентов китайского имени в русской и английской передаче различный.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОНЕМНОГО СОСТАВА ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА И ПЕРЕВОД ИНОЯЗЫЧНЫХ ФОНЕМ В ФОНЕМЫ ЗАИМСТВУЮЩЕГО ЯЗЫКА

Чтобы от иноязычного звучания слова перейти к его написанию в заимствующем языке, необходимо установить его фонемный состав в языке-источнике, перевести его иноязычные фонемы в фонемы заимствующего языка и затем найти для них соответствующую орфограмму. Определение фонемного состава иноязычного слова не всегда бывает достаточно простым даже в том случае, когда чтение его найдено, так как он может быть затемнен явлениями ассимилятивного порядка, редукцией и т. п. С. Уллманн (1951, 32, 39—40) отмечает, что фонология только формальна. В ней нет семантического аспекта. Фонема участвует в сигнификации, не имея собственного значения, и всякие попытки наделить фонемы каким-либо значением или сказать, что фонема означает самое себя, лишены оснований. Тем не менее фонемы выполняют не только дифференциальную (различительную), но и интегральную (наполняющую, формирующую) роль; слова отличаются друг от друга не только тем, что в одном из них в аналогичных условиях выступает одна фонема, а в другом — другая, но и общим фонематическим рисунком, различными последовательностями и сочетаниями фонем.

Фонетическая близость звуков двух языков не мешает им в фонологическом отношении вести себя совершенно по-разному. Так, например, чередующееся с [j] неслоговое [i̯] ведет себя в русском языке фонологически как согласный, а во французском и немецком — как гласный. Твердые и мягкие [t] — [t'], [d] — [d'] составляют в русском языке отдельные самостоятельные фонемы, а во французском [t] и [t'], [d] и [d'] — варианты одной и той же фонемы. См. Еськова 1957, Реформатский 1967, 212—213, Реформатский 1970, 217. Как отмечает Martinet 1950, 6, «фонетические различия воспринимаются местным населением не оттого, что они отличаются различной степенью звучания или мускульным ощущением, но на базе функциональной значимости системы. Лингвистическое чувство — результат функционирования системы». Эти обладающие различной функциональной значимостью звуки суть фонемы.

Определение фонемного состава иноязычного слова. Определение фонемного состава иноязычных слов достаточно просто в языках с фонематической орфографией и сложно в языках с традиционной орфографией (английский, французский), где в написании имеются непроеизносимые согласные и группы, в которых произносятся не все элементы. Среди непроеизносимых согласных есть такие, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не произносятся, а следовательно, реально в структуре слова не представлены. Наличие их в написании говорит лишь о фонемном составе слов в прошлом. Например, англ. *b* в группе *mb*: *Lamb*, *Comb*, *k* и *g* перед *n*: *Knight*, *Gnat*, *t* в группе *stl*: *Castle*, *Astle*. Полагаю, что передавать их в русской транскрипции не следует. Иногда же непроеизносимые согласные вставлялись при орфографической реформе, чтобы придать словам графическое сходство с латинскими их прообразами (англ. *rhyme*, *rhythm*).

В англ. группах *alf*, *alm*, *alk*, *alv(e)*, относящихся к одному слогу, имеется непроеизносимое *l*, которое давно вокализировалось, изменив качество и количество предшествующего гласного: *Chalk* [tʃɔ:k], *Walker* [ˈwɔ:kəl], *Metcalf* [ˈmetkɑ:f], *Calm* [kɑ:m], *Calves* [kɑ:vz]. Это *l* неотжественно немому *г*, которое может «оживать» на конце слов, если следующее слово начинается с гласного. В связи с этим наше отношение к немому *l* и *г* должно быть различным: если *г* даже в «беззвучных» диалектах можно считать за скрытую фонему, так или иначе присутствующую в слове, то *l* за реально присутствующую фонему считать нельзя; соответственно, первую из них надо передавать в русской транскрипции, а вторую отражать не следует. См. также Реформатский 1941 (1970, 217), где сравниваются англ. *soar* и *saw* [sɔ:] в интерпретации Э. Сапира и Е. Д. Поливанова..

Много непроеизносимых согласных и во французском языке, где также большинство из них является отражением прежних этапов развития языка и реально отсутствует в составе слов в настоящее время. Таковы конечные согласные: *Aurand* [ɔrɑ̃], непроеизносимое *s* в некоторых группах согласных: *Moisdon* [mwadɔ̃], *Vosges* [voʒ], *Presles* [pre:l], *Duquesne* [dykɛ:n], *Lévesque* [leve:k], *Chastellux* [ʃaˈtly] и др. В аналогичных положениях в именах нарицательных *s* уже давно перестало писаться, в фа-

миллиях же оно по традиции сохраняется: ср. Chesne и chène¹¹. Не произносится также *b* в группе *bv*: Lefebvre и ряд других согласных. Все это — элементы, отсутствующие в настоящее время в составе слов, и передавать их в транскрипции не следует.

Перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка. Момент перевода иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка не вполне четко отделяется от следующего этапа — записи слов с установленным фонемным составом средствами заимствующего языка. При переводе фонем одного языка в фонемы другого необходимо иметь в виду наличный состав фонем в обоих языках и состав букв принимающего языка.

Число букв в том или ином языке не соответствует числу его фонем. Состав гласных и согласных от языка к языку значительно варьирует, при этом встречаются не только случаи, когда фонем больше, чем букв, но и когда фонем меньше, чем букв, предназначенных для их записи. Значительно большее число согласных фонем в русском языке по сравнению с языками немецким, французским, английским, свидетельствует о том, что при переводе иноязычных фонем в фонемы русского языка имеется в ряде случаев возможность заменить одну иноязычную фонему двумя или даже тремя различными фонемами принимающего языка. Наоборот, малое количество гласных фонем в русском языке (пять) при 15 во французском, 20 в английском свидетельствует о том, что загруженность русских гласных фонем окажется очень высокой.

В ряде случаев найти выход из создавшегося положения помогает слоговой характер русского письма, при котором сочетания русских согласных с последующими гласными образуют своеобразные «силлабемы», которые можно рассматривать как эквиваленты иноязычных сочетаний «согласная+гласная». Следовательно, сохранению целостности фонемного состава заимствованного слова способствует не пофонемная, а послоговая передача его.

В русском языке мягкие и твердые согласные звуки определяют качество следующих за ними гласных, хотя на письме это и кажется наоборот. В других языках нередко

---

¹¹ В. Бубен (Buben 1935, 46, 120) приводит большие списки подобных имен для французского языка: Fresnes [frɛ:n], Suresnes [sy:re:n], Dombasles [dɔ̃'ba:l], Beslay [be'le] и т. д.

гласные образуют пары, отличающиеся друг от друга по ряду, подъему, огубленности: а—ä, о—ö, u—ü и т. п., а согласные представлены в одном, если так можно выразиться, «среднем» виде. В этих языках гласные влияют на согласные, приспособлявая к себе их произношение (аккомодация). В русской практической транскрипции сочетания мягких согласных с гласными можно рассматривать как эквиваленты сочетаний иноязычных «средних» согласных с гласными переднего ряда, а сочетания русских твердых согласных с гласными можно считать эквивалентами сочетаний иноязычных «средних» согласных с гласными заднего ряда:

Иноязычные:	ta	tä	to	tö	tu	tü	ti	tî	(tie)	te
Русские:	та	тя	то	тё	ту	тү	ти	ты	те	(тэ)

Передача согласных фонем языков, не имеющих противопоставления по твердости — мягкости, в одних позициях с помощью русских твердых, а в других — с помощью русских мягких согласных (англ. Timothy — *Тимоти*, Antony — *Антони*) не нарушает фонематичности транскрипции, поскольку для языка-источника [t] и [t'] — одна фонема.

Фонетически близкие друг другу фонемы разных языков могут по-разному вводиться в язык принимающий, если их ценность (valeur) в системах языков-источников различна. Покажем это на примере фонем различных языков, сходных, но не идентичных по звучанию с рус. <а>. Английская фонема <æ> в XIX в. передавалась русской фонемой <а>. В XX в. появилась тенденция заменять ее фонемой <э>, хотя фонологически более правильным следует признать первый способ. Единственным возражением против передачи <æ> через <а> является несхожесть в произношении англ. [æ] с рус. [а]. Однако англ. [æ] достаточно широкий звук, произносимый с предельным открытием рта, даже с более широким, чем при рус. [а], и поэтому передача его русской фонемой <э> фонетически также не оправдана, ср. рус. *эта*, *эти* и англ. [æ].

Передача англ. <æ> через <а> позволяет одинаково изображать эту английскую фонему во всех положениях (ср. с разным изображением ее при передаче через <э>). Кроме того, в передаче через <а> есть и еще одно преимущество: краткое [а] любого языка, попадая при заимствовании в английский, превращается в [æ], например, исп.

mandoline ['mændəlin] рус. *мандолина*, фр. *mandate* ['mændeit], рус. *мандат* и т. д.; наоборот, при заимствовании из английского языка в другие языки Европы [æ] (за редким исключением) превращается в [a]. То же получится с некоторыми именами, например *Annette* при заимствовании из французского языка будет транскрибироваться *Аннетт*, а из английского — *Эннетт*. При обратной транскрипции такого имени ему могут придать форму *Ennette*, в результате чего теряется исходная форма имени.

Одним из доводов сторонников передачи <æ> через <э> является возможность различать в русской транскрипции английские фонемы <æ> и <а:>. Однако они будут прекрасно различаться и в том случае, если <æ> передано через <а>, потому что фонема <а:> занимает особое положение в слове. Наиболее часто <а:> употребляется в положении перед непронизносимым г. В русской транскрипции это г передается, поэтому русское сочетание *ар* будет всегда означать, что в английском языке здесь фонема [a:]. Кроме того, английское [a:] употребляется перед <с>: *Pass, Castle, Master*. Здесь также по русской транскрипции можно определить, какая это фонема. Главное же преимущество передачи <æ> через <а> заключается в том, что между английской и американской фонетическими системами имеется некоторое различие в отношении произношения этих гласных: во многих случаях на месте английского [a:] американцы произносят [æ]. Поэтому передача <æ> через <э> оказывается неудобной, затемняющей различие не только фонем, но и типов произношения. Одинаковая же их передача способствует единству русской транскрипции английского и американского вариантов слов.

Английское <æ> можно было бы передавать посредством русского я после согласных — это позволило бы его еще точнее выделять, но это создаст большие затруднения для его передачи в тех случаях, где оно находится в начале слова или после гласных, так как там передавать его через я нельзя, и таким образом это не даст его единообразного русского изображения. Поэтому все преимущества на стороне передачи <æ> через <а>: *Camr—Камп, Patterson—Паттерсон*.

Для английской фонемы <а> русская фонема <а> также является наилучшей подменой. Ее иногда передают, как и <æ>, через <э>: *Sutter—Сэттер, Dushman—Дэшмэн*.

Но такая передача неудачна и с артикулярно-акустической точки зрения, потому что делает транскрипцию монотонной, плохо передавая качества английского [ʌ], и с точки зрения выделения фонемы, затрудняя обратную транскрипцию. Английская фонема <ʌ> имеет более заднее и более закрытое звучание по сравнению с <a>, <æ> — более переднее и открытое. Русская фонема <a> также более приемлема с точки зрения равномерности загрузки фонем русского языка, ср. нагрузку на фонему <a> — <a: >, <æ>, <ʌ> и [a] в дифтонгах и на фонему <ə> — <e>, [e:] и [ɛ] и [e] в дифтонгах, следовательно, разгрузка <a> дала бы лишнюю нагрузку на <ə>.

Желательно установить единую передачу фонемы <ʌ>, независимо от написания отдельных английских слов, в которые она входит: Nut — *Нат*, Guttler — *Гаттлер*, Tugger — *Таггер*, Glover — *Главер*, Constable — *Канстабл*. Исключение — традиционное *Лондон* (London). Исторически сложилось так, что в словах, писавшихся через o, фонема <ʌ> передавалась по-русски через o: нариц. constable — *констебль* (примат орфографической передачи над фонетической или фонематической). Следует отметить, что o или u в английском написании слов, содержащих фонему <ʌ>, — результат в значительной мере случайной кодификации той или иной орфограммы для фонетически и фонематически одного и того же явления. В редких случаях эта фонема имеет и еще одно написание: oo — Flood — [flʌd], Bloodgood [ˈblʌdɡʊd] — *Флад*, *Бладгуд*.

Акустически близкая к англ. <æ> фонема <ä> финского и эстонского языков передается, однако, по-русски иначе из-за их системно иной организации в языках-источниках, где <ä> противопоставлено фонеме <a>. Обе фонемы встречаются в аналогичных положениях после одинаковых «средних» согласных. В русском языке эту разницу можно передать с помощью твердых и мягких согласных перед фонемой <a> (на письме буквы а и я после согласных): эст. Käru — *Кяру*, Karu — *Кару*. Но в начале слова этот принцип не выдерживается, потому что рус. буква я в этом положении обозначает сочетание двух фонем: <j> + <a>, а финск. и эст. ä не содержит йота. Традиционно в этих случаях <ä> заменяют в русской передаче через <э>, до конца различая <a> и <ä>, но поступаясь фонематическим отличием <ä> и <e> в начале слова и после гласных: эст. Aravi *Араву*, Äge *Эге*.

Румынская фонема <ă> акустически и этимологически ближе к рус. <а>, чем к <э>. Однако на русских картах она во всех положениях (после гласных, в начале слова, после согласных) передается через э: Năsăud—*Нэсэуд*. Такая передача не показывает сущности румынского <ă> — краткого редуцированного <а> и является всего лишь переносом в русскую орфографию правил молдавской орфографии, где <ă> на письме обозначается через э. Однако единство молдавского и румынского написания — все же важный аргумент. Отметим и достаточно хорошую выделяемость румынской *ă* при единой передаче ее с помощью рус. э, обеспечивающую целостность и фонематичность русской передачи. Поэтому правила, установленные в картографии, распространяются и на антропонимику: Rădulescu—*Рэдулеску*, Pârcălăbescu—*Пыркэлэбеску*.

ЗАПИСЬ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА В ПРИНИМАЮЩЕМ ЯЗЫКЕ

Переходя от звучания слова в исходном языке к графике языка заимствующего, мы сопоставляем фонемный состав иноязычного слова с фонемами принимающего языка, встречаясь при этом с двумя типичными случаями: а) иноязычные фонемы имеют более или менее точное соответствие в принимающем языке, б) иноязычные фонемы не имеют такого соответствия. Абсолютного соответствия они не могут иметь, потому что фонематическая система каждого языка — явление строго индивидуальное и «международных» фонем нет. В первом случае перевод одних фонем в другие осуществляется легко: нем. *Gras* — рус. *Грас*. Во втором случае приходится прибегать к лингвистическим заменам, аналогичным тем, которые происходили при более древних заимствованиях через устное общение, при этом желательно, чтобы «заменители» были максимально близки к заменяемым единицам в артикуляторно-акустическом отношении или имели аналогичную письменную фиксацию.

Любые замены и подмены в значительной степени условны и относительны. Однако практическая транскрипция может быть и достаточно точной, если будет установлена единообразная передача всех иноязычных фонем. Поскольку системы фонем отдельных языков не совпадают и поскольку число букв, как правило, не равно числу

фонем, в процессе транскрибирования выясняется, что для передачи ряда иноязычных фонем в заимствующем языке не хватает фонем и/или букв, а для передачи иных фонем оказывается слишком много. При этом «лишние» фонемы принимающего языка могут оставаться без внимания, а «лишние» фонемы языка-источника доставляют немало трудностей.

В зависимости от особенностей контактирующих языков в практической транскрипции можно показать не только фонемы, но и некоторые нефонологизованные варианты заимствуемых слов. Например, два варианта английской фонемы <l> — мягкий перед гласными и твердый перед согласными и на конце слова — можно показать в русской передаче: Little—*Литтл*. К сожалению, это различие выдерживается не повсеместно: перед гласными [a], [o], [y] [л] в русском языке твердое: *Клайд* (Clyde), *Лорд* (Lord), *Лу* (Loo). Такая передача фонематически не противоречит системе английского языка. Фонетически, быть может, было бы лучше *ля*, *лѐ*, *лю*. Но, выводя проблему за рамки одной только английской системы фонем, мы убеждаемся в том, что передача этих сочетаний через *ла*, *ло*, *лу* более последовательна и систематична: мягкое [л'] перед гласными переднего ряда и твердое [л] перед гласными заднего ряда. Особенно ясна справедливость такого решения видна на примере языков, где гласные а, о, у имеют две разновидности, — более переднюю и более заднюю, т. е. la, lo, lu — [л], lä, lö, lü — [л'], хотя бы в данном языке и был только один ряд. Исключения вроде *Зоя* единичны см. А. М. Сухотин 1935.

Другой пример: английские согласные p—b, t—d, k—g отличаются друг от друга не только глухостью — звонкостью, но и аспирированностью — неаспирированностью. Аспирация, особенно в начале слова перед гласными, — характерная сопутствующая черта английских p, t, k. При передаче на русский язык, однако, мы заменяем английские аспирированные фонемы русскими глухими, не вводя никаких дополнительных обозначений для придыхания, поскольку глухих непридыхательных в английском языке нет и, следовательно, фонематичности передачи мы не нарушаем. Иное дело в языках Индии, где как глухие, так и звонкие согласные могут быть аспирированными и неаспирированными. Здесь передавать только глухость или звонкость их недостаточно, необхо-

димо показать и придыхательность. С этой целью индийские придыхательные согласные передаются в русском языке сочетанием согласного с *x*: Gandy — *Ганди*, но Ghosh — *Гхош*, Krishna — *Кришна*, но Khare — *Кхаре*, Dhavan — *Дхаван*, Thakor — *Тхакор*, Bhatia — *Бхатия*, Phadke — *Пхадке*. Так одно и то же явление (придыхание) отражается или не отражается практической транскрипцией в зависимости от его фонематичности в языке-источнике.

Точность и четкость письменной фиксации заимствуемых слов обеспечивается лишь при постоянном сопоставлении систем обоих языков и при оценке фонематичности или нефонологизованности отдельных фонетических явлений. При письменной фиксации заимствуемых слов подключаются новые трудности — выявление случаев, когда необходимо соблюдать нормы орфографии и грамматики заимствующего языка и когда последними можно бывает пренебречь. Этой проблематике посвящается часть III.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РАЗЛИЧИЕНИЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Практическая транскрипция — это особый вид контактирования систем двух (и только двух) языков, их бинарная конфронтация, при которой применение тех или иных средств передачи определяется взаимными соответствиями языкового материала контактирующих систем. В процессе транскрибирования контактируют не отдельные ярусы языковых структур, а языковые системы в целом. Основные требования, предъявляемые при транскрибировании к трансформируемому материалу, это идентификация одних и тех же и размежевание похожих, но не тождественных единиц. На разных уровнях языковой структуры эти требования осуществляются своим особым образом.

На фонетическом уровне. При сравнении фонетических систем любых двух языков могут быть выявлены звуки похожие друг на друга, имеющие ближайшее подобие в обоих языках, и звуки, порой не имеющие ничего общего. Похожие звуки помогают воспроизведению на слух незнакомого слова. Непохожие — составляют то слабое звено, за счет которого получается расхождение исходного и получаемого. Если первые находят более или

менее однозначные замены в принимающем языке, для вторых возможны лишь очень относительные подмены, при этом в разных системах записи эти подмены могут иметь значительные отличия¹². Поскольку фонетический уровень дает лишь самый внешний облик слова, за которым скрываются более глубокие построения, основывать практическую транскрипцию на одном лишь фонетизме нельзя. Однако фонетический уровень очень важен для транскрибирующего, поскольку это единственный уровень, на котором могут быть установлены основные соответствия единиц, конструирующих слова взаимодействующих языков. Лишь живая звуковая материя дает реальную почву для установления фонетико-фонематических единиц контактирующих языков; лишь на основе звучания слов устанавливается число составляющих их фонем. Только после этого транскрибирующий обращается к графике, делая заключение о том, какие письменные средства контактирующих языков могут быть условно отождествлены, а какие нуждаются в дополнительном различении.

На фонематическом уровне. Как явствует из предыдущего изложения, практическая транскрипция очень далека и от фонетической записи слов, и от их побуквенной передачи. Фонематический уровень объединяет фонетическую и графическую стороны передачи. Осуществляя их связь с морфологией слова, этот непосредственно не наблюдаемый уровень оказывается структурно очень важным.

Языки, имеющие несколько или даже много похожих звуков и использующие аналогичные знаки для их письменной фиксации, могут обладать на фонологическом уровне совершенно различными закономерностями распределения фонем и различения смысловой структуры. Так обстоит, например, дело с языками испанским и баскским или английским и гаэльским, пользующимися одной и той же системой письма, имеющими одинаковое значение многих графических единиц, имеющими, наконец, определенный фонд имен, общих каждой паре языков (при наличии определенного слоя двуязычного населения), и

---

¹² Например, Дж. Н. Коков приводит примеры искажения адыгских топонимов при их устном проникновении в русский язык: *Хъиндыгушъзъ* — *Индюк*, *Наурыз* — *Новрузов* и затем *Ново-Русов* (Кабардино-Балкарская правда, 1977, 5 янв.).

тем не менее остающимися языками лишь весьма отдаленно родственными, с непохожими фонематическими системами. По этой же причине передача фонетически похожих явлений нескольких языков средствами одного и того же может существенно отличаться.

На морфологическом уровне. Морфологическая структура слова выражается с помощью фонологических средств через их проявление в фонетике и графике. Морфологические закономерности практической транскрипции требуют по возможности одинакового показа одних и тех же иноязычных морфем в разных словах и разных формах одного и того же слова, а также различения морфем похожих, но не идентичных (примеры см. ниже).

На лексическом уровне. Слова, создаваемые в процессе транскрибирования, включаются в систему принимающего языка на правах заимствований, которые отличаются (или должны в идеале отличаться) как от слов, издавна входящих в словарный состав этого языка, так и от других заимствований. На этом уровне возникает необходимость различения омонимов, которые могут появиться в результате полных или частичных совпадений заимствованных имен с именами принимающего языка или друг с другом. По-иному ставится и проблема идентификации. Теперь идентифицируются не отдельные фонемы или сочетания, а целые слова. Подробнее см. Суперанская 1974.

Параллельно с основными требованиями идентификации и различения к транскрибированным словам предъявляется еще ряд требований. Первое из них — транскрибированное слово должно быть узнаваемым. При этом узнавание осуществляется на двух уровнях: языковом и денотативном. Узнавание новых заимствований на языковом уровне осуществляется без особого труда, например, в ит. *Chislov* или нем. *Kisloff* и *Kislow* нельзя не узнать русскую фамилию *Кислов*, несмотря на то, что ее передача средствами разных языков не совпадает. Более старые заимствования, прошедшие через один или несколько языков-посредников и испытавшие влияния различных ономастических систем, претерпели значительные изменения. Так, древнееврейские имена, заимствованные в греческий язык, а через него в языки Европы, настолько отличаются от тех же самых древнееврейских имен, заимство-

ванных в арабский, а через него — в языки Азии, что идентификация их в настоящее время весьма затруднена. Мы скорее готовы признать арабск. *Сулейман*, рус. *Саламан*, библейское *Соломон*, венг. *Salamon* (*Шоломон*) и нем. *Salomon* (*Заломон*) разными именами, чем идентифицировать их как различные результаты перестройки изначально одного и того же имени.

Узнавание на денотативном уровне совершенно необходимо, когда речь идет об одних и тех же лицах, если их имена записаны по-разному, например, что нем. *Sawitzky* и чешск. *Savický* это разные написания фамилии русского художника *Савицкого*. Узнавание затруднено, если это более старые заимствования, записи которых предшествовало заимствование устное, вносившее значительные искажения в фонемный состав слова. Например, два персидских царя из династии Сасанидов именовались *جسّر*. Известны следующие русские варианты передачи этого имени: *Хозрой*, *Хосрой*, *Хосру*, *Хосров* и следующие английские: *Khosru*, *Khusrau*. В арабском языке это же имя обрело форму *كِسْرَى* — *Кисра(й)*. Большие искажения отмечаются в средневековых заимствованиях из арабского в европейские языки. Так, *Салах-ад-Дин* *صَلَا حُ الْرَّيْن* известен в европейской литературной традиции как *Саладин* *Saladin*, *ибн-Сина* *ابْن سِينَا* — как *Авиценна* *Avicenna*, *ибн-Рушд* *ابْن رُشْد* — как *Аверроэс* *Averroes* (*Averrhoes*). Совершенно естественно, что лишь глубокие исторические и филологические познания переводчика помогают ему узнать, о ком идет речь, и передать подобные имена в соответствии с национальными традициями принимающего языка. В противном случае именуемое лицо окажется неузнанным, а следовательно, и весь комплекс экстралингвистической информации, который у лиц, владеющих принимающим языком, связывается с денотатом заимствованного имени, останется нереализованным.

В т о р о е требование, предъявляемое к передаваемому слову, — возможность его обратной транскрипции, т. е. возможность возвращения его в язык-источник в том виде, в каком оно послужило исходным материалом для

заимствования, также встречается ряд ограничений. Например, имя арабского полководца VIII в. أَلْ حَجَّجْ в настоящее время передается по-английски Al Hajjaj и по-русски *Аль-Хаджжадж*, где удвоенный *j* или сочетание *джж* свидетельствуют о наличии удвоенного арабского ح. Возможные варианты при обратной передаче арабского ح могут быть предупреждены, если мы условимся об особой передаче каждой из трех арабских фонем, имеющих общие черты с нашей фонемой <х>.

Третье требование заключается в том, что одинаковые имена нескольких объектов и одинаковые компоненты в составе нескольких имен одного и того же языка должны передаваться одинаково. Например, несмотря на то, что на стыке морфем иной раз получается скопление согласных, мы не имеем права произвольно упрощать эти группы, облегчая тем самым русское произношение заимствуемых слов и одновременно искажая их фонемный состав. Так, англ. основа *mill* должна быть одинаково передана и в фамилиях *Miller*, *Mills*, и в топонимах *Mill*, *Millstone*. Аналогичные примеры могут быть приведены из других языков. Особенно важны при этом морфемы, выражаемые одними лишь согласными, ср. структурно разные имена: *Bergson* и *Bergsson*, *Janson* и *Jansson* и т. п., где «упрощение» групп согласных за счет сокращения одной из букв привело бы к неразличению целых слов.

Четвертое требование: похожие, но не идентичные имена и их компоненты должны по возможности различаться. В качестве примера приведем название реки в США: *Arkansas*, которое произносится [*ɑ : kənsə :*] или [*ɑ : 'kænzəs*], название штата, которое при том же написании произносится [*'arkənsə*] и название города *Arkansas City* [*ɑ . 'kænzəs 'sitl*]. В русской передаче можно было бы показать некоторые отличия в произношении перечисленных слов. Однако практически этого обычно не делается, поскольку для лиц, пользующихся в русском языке этими названиями, имеются более четкие, нежели отдельные частные звучания, способы их различения — употребление сопровождающих эти названия слов: *река*, *штат*, *город*, что делает применение формы *Аркансо* для обозначения штата избыточной. Отметим, что в русской географической традиции сложилась особая лексическая под-

система, включающая названия *Канзас* и *Арканзас*, каждое для обозначения реки и штата, ср. также названия городов: *Канзас-Сити* и *Арканзас-Сити*. Введение в широкое употребление варианта *Аркансо* разбивает эту систему и само нуждается в дополнительном разъяснении, что *Аркансо* — это новое, уточненное название штата, который раньше назывался *Арканзасом*. Однако известные внешние причины могут со временем привести к тому, что введение варианта *Аркансо* будет не только возможным, но и необходимым.

Вопрос об «одинаковости» целых имен разных объектов не всегда находит однозначное решение. Например, известно немало случаев одинакового написания и разного произношения имен заведомо разных объектов. Таковы названия рек Thames [temz] в Англии, Канаде, Новой Зеландии и Thames [œeimz] в США, штат Коннектикут. Графически это одно слово, которое в силу ряда причин может быть прочтено двумя указанными способами. Но различная объектная прикрепленность каждого фонетического варианта заставляет нас рассматривать их скорее как омографы, чем сводить к одному произносительному варианту, хотя исторически достоверно, что перечисленные названия перенесены из Англии. Одинаковость или неодинаковость имен и целесообразность или нецелесообразность показа этого в практической транскрипции не всегда изоморфны. Бывают и такие случаи, когда приходится ставить вопрос: «Что целесообразнее в данном случае: идентификация или различение». Так, в приведенных выше примерах можно передавать по-русски название Thames во всех случаях как *Темза*, имея в виду привычность этого названия для русского восприятия, или *Темз* в Англии и *Теймз* в США, игнорируя русскую традицию и ориентируясь на фонемный состав названий, или, наконец, — *Темза* в Англии, *Темз* в Канаде и *Теймз* в США, признавая традицию только для той Темзы, на которой стоит Лондон.

Проблема идентификации находит совершенно особое преломление в традиционных названиях. Так, наша *Москва* для жителей англоязычных стран — Moscow, а *Санкт-Петербург* — St. Petersburg. В их распоряжении есть средства более точной передачи: Moskva, Sankt-Peterburg (S.-Peterburg), но первые варианты, как более привычные для них, скорее ассоциируются с указанными

объектами, а следовательно, — информативно насыщеннее (ср. Shaw 1967, 12).

В качестве похожих, но не идентичных компонентов имен можно привести морфемы -sen, -søn, -son, -sohn; -tan, -tann, часто встречающиеся в германских фамилиях. Они аналогичны по своим функциям в отдельных германских языках, но материально различны, поэтому и их русская передача должна быть не «усредненной», одинаковой для всех случаев, а индивидуальной для каждого конкретного языка. Тогда в ней будет заключена информация о языковой принадлежности имен.

Пятое требование к транскрибируемым словам: одноименные объекты нуждаются в дополнительных средствах различения. Выше приводились примеры использования дополнительных слов (*река Арканзас, штат Арканзас, Темза в Англии, Темза в Австралии*). Если одинаково называются однотипные объекты, находящиеся неподалеку друг от друга, в качестве дополнительных средств различения используются определения бинарной оппозиции (*Большой—Малый, Новый—Старый* и т. п.) в топонимии, а в антропонимии — дополнительные компоненты именования (имена и прозвища при одинаковых фамилиях, указание на профессию, местожительство, родственные отношения и т. п.). Например, John Smith Jr. и John Smith Sn. — *Джон Смит Младший* и *Джон Смит Старший*, ср. древнеримские антропонимы Publius Cornelius Scipio Africanus Major и Publius Cornelius Scipio Africanus Minor Numantinus — последнее добавочное прозвище получено им в качестве почетного за взятие города Нуманции в 133 г. до н. э.

ПОТЕРЯ ИНФОРМАЦИИ ИМЕНИ ПРИ ЕГО ТРАНСКРИБИРОВАНИИ

Как было показано выше, информация транскрибируемого имени многоаспектна. Она проявляется на разных уровнях языковой структуры и может быть сохранена в значительном объеме при передаче имени на другие языки. Для этого должны соблюдаться приведенные выше требования идентификации одного и того же и различения похожего, но не тождественного. Однако существует ряд объективных причин, препятствующих осуществлению этих правил в необходимом объеме, и прежде всего чисто языковые причины.

Отсутствие необходимого фонетико-орфографического материала для передачи слов конфронтируемых языков. Отсутствие в заимствующем языке необходимых фонетико-орфографических средств наблюдается обычно при передаче материала языков, генетически далеких друг от друга. Так, выше приводились искажения при китайской передаче слов тюркских и монгольских языков. Не меньшие искажения претерпевают имена европейских языков при заимствовании в бирманский. Например, топоним *Европа* звучит по-бирмански *bí laʔ*, потому что за основу при заимствовании названия этого объекта было взято отнюдь не общеизвестное слово *Европа*, а арабск. *wilayat viłayet* — обозначение административно-территориальной единицы на Ближнем Востоке (см. Stewart 1955, 114). Но даже и при непосредственном заимствовании отличия получаются слишком разительные: Robinson Crusoe — *ro bhín shín kă rû shôu*, Sir Walter Scott — *shá wá lá tá sǎ ko* (см. Minn Latt 1962, 95). Бирманские имена в европейских языках также меняются до неузнаваемости, ср. *yán kóun* — Rangoon (*Рангун*), *yê yá wà dí myi* — *река Ирравади* (там же, 96).

Арабская передача имен европейских языков часто страдает неточностью из-за ограниченного состава гласных (их лишь 3: а, у, и). Так, греч. *Константинополь* *Κωνσταντινούπολις* превращается в арабск. *Кустантыния*, а *Александрия* — *ʾАлѣ́ксандрея* в *Аль-Искандария*.

Наоборот, при заимствовании из арабского в языки с числом гласных больше трех, в транскрипции обычно используют и некоторые дополнительные гласные. Например, чтобы показать разные [а], в морфемах *Абд* («айн») и *аль* («алиф»), последнее нередко передают через э: *эль*, символизируя более передний ряд и отсутствие эмфазы. Наличие «эмфатических» согласных сообщает всему слову более глубокое, «заднее» произношение ср. арабские пары: «кяф» — «каф», «син» — «сад», «валь» — «за», «та» — «та» и т. д. Это различие не вполне аналогично известному нам делению на мягкие и твердые, хотя неэмфатические согласные произносятся несколько мягче. Перед гласным *і* различие эмфатических и неэмфатических может быть достигнуто с помощью последовательного применения рус. *и*, *ы*: Насыр, Назым.

Эмфатическое «та» иногда изображают с помощью

удвоенного русского *т*: *Аттая*, اصاى, *Хамза ибн Абд-аль-Мутталиб* (имя дяди пророка Мухаммеда). К сожалению, это не может быть выдержано повсеместно. Ср. также неэмфатические: *Билкис* (арабское имя царицы Савской), *Хилляль* (мужское имя 'молодой месяц') и эмфатические *Кустантын*, *Мыср*. Как видно из примера *Хилляль*, в неэмфатическом ряду могут использоваться также мягкий знак и *я*.

Если двум единицам одного из контактирующих языков соответствует лишь одна «аналогичная» единица другого языка, транскрипция оказывается взаимно затрудненной. Если арабским «син» и «сад» соответствует лишь одно «среднее» английское *s*, то в английской транскрипции арабских слов пропадает значительная часть информации.

Бывают случаи, когда трем единицам одного из взаимодействующих языков соответствуют две и даже одна единица другого. Например, эстонским кратким, долгим и сверхдолгим гласным соответствуют лишь «средние» гласные русского языка, не различающиеся фонематически как долгие и краткие; нидерландской «тройке» *f—v—w* в русском языке могут быть противопоставлены лишь две фонемы, «ф» и «в» (или, если учитывать их мягкие соответствия «ф'», «в'», то четыре). В любом случае передача оказывается недостаточно точной.

Излишний фонетизм или слепое следование букве. При излишнем фонетизме или излишнем буквализме получаются различные случаи потери информации. Один из типов излишнего фонетизма — отсутствия фонематического контроля. Например, из англ. *Orange* получается безупречное фонетически *Ориндж*, но оно дезориентирует. Ср. фонематически более правильное *Орандж*, сохраняющее морфемное и фонемное строение слова и не дающее большого отступления от фонетизма.

Усиление фонетизма и отход от фонематизма наблюдается и в тех случаях, когда традиционно сложившиеся и хорошо известные морфемы заменяются нетрадиционными. Например, в последние годы общетюркские, традиционные для русского восприятия топонимические морфемы *абад*, *ак*, *кара*, *кент*, *тепе*, *узен* и др. получили нетрадиционную передачу, приближающуюся к их звучанию в отдельных тюркских языках. Так, в азербайджан-

ских названиях они передаются *аг, гара, гент, деже, ожен*, в узбекских — *обод, ок* и т. д. Такой подход к передаче усиливает информацию о языке имени и сокращает информацию о лексическом значении его компонентов. Очевидно, при невозможности сохранить оба типа информации в зависимости от характера переводимого текста следует пренебрегать каким-либо из аспектов информации, входящих в него имен.

Стремление к излишнему фонетизму появилось в последние два-три десятилетия при передаче португальских географических названий в издаваемых у нас официальных географических справочниках. Поскольку португальское безударное «е» редуцируется в [i], а «о» — в [u], инструкции по передаче географических названий предусматривают передачу их через *и* и *у* соответственно: *Andrade* — *Андради*, *Rio* — *Риу*. В результате этого в настоящее время создалось курьезное положение, при котором в общей прессе, на радио, в литературе имена и фамилии португальцев передаются через *о, е (э)*, а географические названия — через *у, и* на месте редуцированных «о», «е». Интересные примеры находим в брошюре «Футбол 1971. Справочник-календарь (XV ежегодный выпуск)», сост. А. Соскин (М., 1971). Вот, например, фамилии бразильских игроков: *Жаирзиньо, Клодоалдо, Ривелино, Карлос Альберто Торрес, Венерандо Феликс Миелли, Сильва Эвералдо до Маркес, Андраде де Эдуардо Гонкалвес*; названия бразильских спортивных клубов: «*Флуминенсе*», «*Фламенго*», «*Гремио*», «*Ботафого*», «*Сантос*», «*Крузейро*», но «*Сан-Паулу*». То же в кн. «Футбол 1973. Справочник—календарь», сост. А. Соскин. (М., 1973): состав Бразильской сборной: *Зе Мария, Брито, Клодоалдо, Ривелино, Жаирзиньо, Дарио* и их тренер *Загало*; но штат и город *Сан-Паулу*, периферийные клубы из *Белу-Оризонти, Порту-Алегри*. Ср. в кн. «Футбол 1972»... сост. А. Соскин. (М., 1972) — города Бразилии: *Кампо-Гранде, Масейо, Ресифе, Рио-де-Жанейро, Аракажу, Сан-Паулу*; стадион «*Морумби*» (в Сан-Паулу).

Совершенно очевидно, что имеется разрыв между традицией литературного языка и вновь вводимой официальной системой и такая непоследовательность в передаче португальских и бразильских имен неуместна. По всей вероятности, пока официальная система не сделалась общепринятой и традиционной, необходимо подумать

о целесообразности ее повсеместного внедрения, еще раз пересмотрев фонематическую точность и регулярность обоих типов передачи. Вновь вводимая передача затрудняет обратную транскрипцию и отрывает транскрибируемое слово от других слов этого языка, а также от слов родственных языков с этимологически теми же морфемами.

Обратим внимание на то, что редукция в португальских и бразильских именах позиционная. Это вынужденный отход от наиболее типичного произношения, обусловленный заударной позицией. На письме эта редукция в португальском языке не отражается. Поэтому безударные конечные лучше по общему правилу передавать с помощью транслитерации, как это принято при передаче имен других языков. Ср. название провинции *Tras os Montes* в виде *Трас-ос-Монтес* и *Траз-уж-Монтиш*. Человек, знающий португальский язык, все равно прочтет эти слова с надлежащей редукцией. Для людей же, не знающих португальского языка, передача ближе к букве будет более информативной. Таким же образом, слово *Rio*, переданное как *Рио*, будет типичной составной частью географических названий, как и испанское *Рио*. Это слово может быть прочитано и с русской редукцией [ria], чего, правда, нельзя сделать при его записи *Риу*. Но передача конечных гласных путем транслитерации предпочтительна: *Рио*, *Андраде*. Последнее, подвергаясь русской редукции, будет произноситься очень похоже на *Андради*, но фонемный состав его будет вернее передан русским *е*.

Излишнее следование букве (приближение к транслитерации) также дает повышение одного типа информации за счет снижения другого типа. Например, передача бирманских имен с показом конечных непроизносимых согласных *p*, *t*, сигнализирующих о гортанном смыке, заканчивающем данный слог, уточняет наши сведения о лексическом значении транскрибируемых морфем, но отдаляет нас от реального произношения имен, а следовательно, несколько снижает информацию об их языковой принадлежности. Наоборот, передача этих же слов без указанных согласных приближает нас к типу бирманских слогов (следовательно, дает дополнительное подтверждение того, что это имена бирманские), но перестает давать сведения о том, что слоги заканчиваются смычногортанным (IV тон), а следовательно, уменьшает возможность осмысления их лексического значения.

Бирманская аффриката <dʒ> изображается на письме сочетанием k+j, что исторически отражает ее происхождение. Одна из систем транслитерации, следующая слишком слепо за буквой, без достаточного фонематического контроля, предусматривает передачу бирманского <dʒ> через *ku*, откуда европейское обозначение бирманской денежной единицы *kyat кьят*, где сочетание *ku* заменяет <dʒ> а *t* указывает на то, что слог заканчивается гортанным смыком. Реальное произношение этого слова — [dʒaʔ] — *джа*.

Отсутствие в заимствующем языке необходимых морфологических средств или их недостаточно точное соответствие. При отсутствии в заимствующем языке необходимых морфологических средств для показа структуры или взаимоотношения компонентов заимствуемых имен также происходит потеря информации. Чаще это касается случаев заимствования из одного близкородственного или типологически близкого языка в другой.

Например, В. Э. Сталтмане (1975) показала, что несмотря на ярко выраженные в настоящее время тенденции максимально сближать транскрибируемое имя с его формой в языке-источнике, ряд системно обусловленных морфологических замен препятствует этому, ср. лит. *Vanagas* — лат. *Vanags*. Как невозможно сказать по-латышски *Vanagas*, так невозможно по-литовски *Jamonts*, *Jučs*, *Samsons*, *Konrads* — надо: *Jamontas*, *Jučas*, *Samsonas*, *Konradas* (см. Porīte 1961).

И латышский, и литовский языки, принимая русские имена, снабжают их своими флексиями: лтш. *Ivanovs*, *Petrovskis*, лит. *Ivanovas*, *Petrovskas*. Если их оставить без флексий, они не смогут склоняться и не смогут функционировать в указанных языках. С измененными же флексиями они теряют прямую и непосредственную соотнесенность с языком-источником. Особую категорию составляют лица с активным двуязычием, лица, родившиеся в смешанных браках и т. п., практически принимающие оба языка и обе культуры. Они свободно варьируют формы собственных имен в своей речи. Так, говоря по-русски, они скажут *Иванов*, *Спасский*, *Киш-озеро*, а по-латышски — скажут *Ivanovs*, *Spasskis*, *Kišezers*. Для них так же неестественно вводить в русский текст формы *Ивановс*, *Спасскис*, *Кишезерс*, как в латышский — *Ivanov*, *Spasskij*, *Kišozero*. Следовательно, флексии для

них не нечто застывшее, а живой и подвижный компонент слова.

Перекодирование материала тоновых языков. В Юго-Восточной Азии преобладают языки с тоновым ударением. Имеются они также в Африке и Америке. Подробным описанием и сопоставительным анализом их занимается К. Пайк в США. В одной из своих ранних работ (см. Pike 1948) он дал описание тонов в индейских языках, показывая роль высоты слогов по отношению друг к другу. Контраст их создает тонемические различия, которые могут реализоваться при любой высоте общего голосового тона. Описания тонов во вьетнамском языке даны Л. Томпсоном (см. Thompson 1965).

Ниже мы рассмотрим проблему передачи тонов в практической транскрипции на примере бирманского языка. Отметим, что тоновая организация слова принципиально иная по сравнению с известной нам организацией слов в языках Европы. Поэтому позволим себе сделать небольшой экскурс.

Ближайший подход к бирманской фонематике, по мнению Минн Латта (Minn Latt 1962, 50), лежит через структуру индивидуального слога. Деление на синтаксис и морфологию, традиционное для европейского языкознания, для бирманского языка не характерно. Здесь типичнее следующая градация: первоэлемент (примарный элемент) — слово — выражение — предложение. Первоэлементы — это отдельные, имеющие самостоятельный тон, слоги, обладающие самостоятельным значением (или элементом значения); в сочетании с другими слогами (первоэлементами) они образуют слова с целостным значением, не всегда являющимся простой суммой значений отдельных слогов.

Бирманский язык пользуется слоговым письмом, каждый знак которого означает согласный+гласный в определенном тоне. Слоги, состоящие из одного лишь гласного или из одного согласного, воспринимаются как особые на общем фоне силлабического письма, где каждая силлабема имеет постоянно присущий ей гласный элемент.

Европейские исследователи сводят бирманские гласные, с точки зрения их артикуляции, к семи основным звукотипам: а, і, у, э, о, е, є. Благодаря наличию в бирманском языке тонов, каждый из этих гласных в составе

слога может быть носителем одного из трех тонов. При этом 11 алфавитных знаков гласных сами по себе указывают тон: a^1 , a^2 , i^1 , i^2 , u^1 , u^2 , o^2 , o^3 , o^2 , o^3 , e^3 , а 10 гласных не имеют специальных алфавитных обозначений и изображаются с помощью соответствующих гласных в другом тоне с диакритическим значком под буквой или справа от нее: a^3 , i^3 , u^3 , o^1 , o^1 , e^1 , e^2 , e^3 , ϵ^1 , ϵ^2 . Цифрами над буквой справа обозначен тон.

По характеристике Стюарта (1955, 3) и Минн Латта (1962, 51), в бирманском языке четыре тона: I тяжелый падающий, II ровный, III резкий, IV гортанный взрыв. При этом, как представляется, первые три составляют мерисмы вокализма, являясь имманентной частью слога (слог не мыслится вне тона), а четвертый тон, при котором слог заканчивается абруптивом $ma^?$, — это «накладка» на основной тон слога, подобно тому, как это происходит во вьетнамском языке. Отличие IV тона от трех первых, по-видимому, прекрасно осознается самими бирманцами, не имеющими для него специальных букв и использующими знаки для p и t , которые добавляются после знака соответствующего гласного в первом тоне.

Существует несколько способов латинизации (или, как это в последнее время принято говорить, романизации) бирманских слов, среди которых есть различного рода транскрипции и транслитерации. Научную транслитерацию разработал Дюруазель (*Ch. Duroiselle. Literal transliteration of the Burmese alphabet. — J. of the British Royal Society, 1916, august, v. VI, pt. II p. 81—90*). Он сам признавал, что одной транскрипции недостаточно, отмечая, что для передачи восточного языка требуется два метода: фонетический (система Хантера) и «научный», игнорирующий произношение и представляющий язык в его письменной форме.

Научная транслитерация используется для лингвистических сравнений и точного показа графики. Она очень далека от реального произношения, поскольку в бирманской графике много исторического и этимологического. Помимо научной транслитерации, имеется еще и официальная, или правительственная, транслитерация, не опирающаяся на научную базу, но все же достаточно широко распространенная в документации. Она испытывает влияние английского написания и применения букв.

В ней игнорируются тоны, смешиваются аспирированные и неаспирированные слоги (Minn Latt 1958, 154—155). Тоны игнорировались и в передаче Стюарта.

Как отмечал Ш. Дюрузелль (1916, 81), идеальная транслитерация объединяет фонетическую и графическую стороны и служит для любых целей, научных и практических. Для бирманского такая транслитерация потребовала бы большого диакритического аппарата, более затрудняющего, чем полезного.

Учитывая опыт существующих систем, Минн Латт (1958) предлагает «пражский метод» романизации бирманских слов, объединяющий фонематизм и близость к графике и, в частности, сохраняющий бирманские тоны. Гласные в системе Минн Латта читаются так же, как в латинском языке, не испытывая влияний английского языка.

Представляется, что в системе романизации, предложенной Минн Латтом (1958), проблема тонов решается довольно удачно; I тон остается без диакритики: зэ — а; II тон обозначается значком акута: зэ́ — á; III тон — циркумфлексом: зэ̂ — â; IV тон — с помощью написания конечной непронизносимой согласной: зэу́ — ар, зэоу́ — ат. Вот некоторые примарные слоги, переданные пражским методом:

I тон		II тон	
la	луна;	lá	приходить;
sa	начинать;	sá	буква;
shaŋ	притягивать;	shán	рис;
III тон		IV тон	
lâ	1) мул;		
	2) вопросит. частица	быть жестким, скри-	
shaʔ	sâ есть	пучим, хрустящим	
shân	быть чужим;		

(примеры Минн Латта 1962, 52)

В других системах передачи встречаются несколько иные изображения тонов. Так, в официальной транслитерации они игнорируются, в научной транслитерации а¹—а, а²—ā, а³—ā̃, а⁴—ар, ат; в фонематической транскрипции а¹—à, а²—á, а³—â, а⁴—аʔ.

Вот запись некоторых бирманских имен, переданных различными способами:

Официальная транслитерация	Научная транслитерация	Фонематическая транскрипция	Пражская романизация Минн Лата
U Myo Min Daw Khin May	u ³ myui ³ min ³ do ² khin· me	û myôu mîŋ dó khin· méi	Ů Mjôu Mîn Dó Khîn Méi
U Htun Aung Daw Hla Mae	u ³ thwan ³ oŋ do ² lla may	û thun· áuŋ dó hlà mé	Ů Thûn Áun Dó Hla Mé

Как явствует из примеров, эти системы дают значительные расхождения. И научная, и правительственная система транслитерации очень далеки от реального произношения слов. Система Минн Латта может применяться в специальных (учебных, научных) текстах, но едва ли возможно ее применение в общей прессе, где используемые в ней диакритические значки будут непонятны для читателя-нефилолога. Перекодирование его системы с помощью знаков кириллического алфавита сопряжено с дополнительными трудностями, вытекающими из несовпадения латинского и кириллического алфавитов. Поскольку кириллический алфавит, например, в том виде, в каком он применяется для записи слов русского языка, почти не знает диакритики, обозначение тонов с помощью надстрочных и подстрочных значков не будет достигать искомой цели — сохранения и передачи информации, имманентно присущей слогам бирманского языка.

Для передачи тонов в общей прессе могут быть использованы избыточные графемы, не занятые для передачи основной системы фонем данного языка, а также дублетные буквы, имеющие в заимствующем языке то же или близкое звучание.

Хотя Дж. Ферт (1936, 543) считал, что характеристики латинских букв не должны влиять на лингвистическую мысль и приниматься во внимание при записи бирманских слов, все же невозможно отойти от определенных звукобуквенных ассоциаций, существующих для лиц, пользующихся латинским алфавитом. По этой причине латинский алфавит с некоторым наслоением на значение его букв правил записи английских слов создает избыточность при передаче некоторых бирманских слов, приводящую

к дублирующим обозначениям. Например, в пражском методе романизации используются двойные обозначения для звуков [j] — графические j и y, [tj]—tj и ty, [tʃ]—cʃ и ch, [dʒ]—dj и dy¹³.

Дублирующие друг друга в латинском алфавите i и y создают дополнительные возможности для записи дифтонгов, ср. в личных именах: Maу и Mei [méi], Way, Wai, Wei [wéi] и т. д. Много дублирующих написаний находим в бирманском антропонимиконе при записи официальной латиницей, которая в своей внутренней организации испытала значительное влияние английской системы письма. Так, в ней имеются двойные возможности обозначения элемента <u>, выступающего в именах в качестве классификатора со значением 'уважаемый мужчина', 'джентльмен': U Pao, Oo Shwe¹⁴, ср. в составе самого имени Ba U, Kyaw Oo; то же в составе других компонентов: Loo Nee, Thakin Lu Aye, Myo Htun, Myo Htoon. Дифтонг [ou] передается четырьмя разными способами: Soe Nyunt, So Nyunt, Mo Kyaw, Moe Thu, Moh Heng, Miss Lou Ai Lian. Чтение гласных в английском и латинском вариантах создает множество различных возможностей изображения одних и тех же компонентов имен: Yeо, Yi, Yee, Ye; Kheen, Khin; Me, Mee, Mi; Kyi, Kye, Kyee; E, Ee; Se, See, Seeh; Gyee, Gyi; Ney, Nee, Ne.

Как явствует из примеров, дублетные возможности латинской записи бирманских слов могли бы быть использованы для показа различных тонов, если бы правительственная латиница не встала на путь игнорирования их с самого своего начала. Русский язык, в котором значительно меньше гласных и нет таких дублирующих изображений, как англ. u — oo, e — ee, au — ai, ei — eu и т. п., не обладает возможностью передавать бирманские тоны в практической транскрипции. Единственно, что можно было бы предложить, — это применение удвоенных согласных для одного из тонов, которые противопоставлялись бы неудвоенным согласным другого тона. Однако и это практически невыполнимо, так как в бирманском языке далеко не все слоги оканчиваются на согласные

¹³ В скобках дана транскрипция по системе МФА.

¹⁴ Эти и следующие примеры взяты из кн.: Post and Tele Communications Department of Burma. Telephone directory for Rangoon telephone system. 1970—1971.

и у русских «потребителей» транскрипции нет навыка использования удвоенных согласных для информации о тоне слога.

Если бы латинская передача бирманских имен еще не существовала и мы начинали бы создавать практическую транскрипцию бирманских слов с помощью латиницы, сам факт наличия в латинском алфавите значительного числа гласных и привычности сочетаний гласных для обозначения дифтонгов или гласных иного типа мог бы быть успешно использован для показа тонов. Добавим возможность использования на конце слога немого *e* и «диакритического» *h*, а также удвоения согласных после гласного.

Не претендуя на создание какой-либо системы передачи, покажем принципиальную возможность ее, учитывая существующие написания.

Гласные	Тоны			
	I	II	III	IV
а	а	аа	аh	а'
і	і	іі	іh	і'
u	u	uu	uh	u'
o	oa	ooa	oah	oa'
o	o	oo	oh	o'
e	e	ee	eh	e'
ε	ai	ay	aih	ai'

Безусловно, от предложения принципа до введения системы в действие очень далеко. Потребуется проверка принципа на множестве примеров. Однако наличие значительного избыточного графического материала подтверждает указанную возможность.

Специфика близкородственных языков. Родственные языки (в особенности близкородственные) имеют свою специфику, порой осложняющую и перевод, и транскрипцию. Заимствования из близкородственных языков не воспринимаются обычно как иноязычные слова. Близкое родство языков (например, славянских или германских) создает впечатление, что нидерландское слово в немецком языке или украинское в русском — это свое, но по каким-либо причинам имеющее некоторые отличия в произношении или написании от прочих однокоренных слов. Слова, заимствованные из близкородственных языков,

легко входят в принимающий язык и подвергаются в нем изменениям, диктуемым системой последнего. Так, укр. *Харків* имеет русское соответствие *Харьков* и польское *Charków* [хárкув], в то время, как польск. *Kraków* [kráкув] по-русски передается *Краков* и по-украински *Краків*. Название украинской газеты «*Закарпатська правда*» звучит в русском языке как «*Закарпатская правда*», а название «*Московская правда*» в украинском языке — «*Московська правда*».

При чрезвычайной близости славянских (в особенности — восточнославянских) языков, различные принципы, лежащие в основе их орфографий, а также частичное несовпадение их алфавитов оказываются серьезными внешними силами, разводящими эти языки по разным руслам, организующими их материал в соответствии с разными возможностями. Ср., например, русское фонематическое и белорусское фонетическое написание: *орех* — *арэх*, *посёлок* — *пасёлак*, *великий* — *вялікі*, *берег* — *бераг*, *полночь* — *поўнач*. При этом нельзя использовать дополнительные информативные возможности принимающего языка, поскольку периферийные явления в близкородственных языках порой трудноотделимы друг от друга. Поэтому переводчику приходится жертвовать определенными аспектами информации имени, чтобы подчеркнуть другие ее аспекты.

В течение длительного периода взаимных контактов в каждом славянском языке выработались свои традиции и способы передачи имен других славянских языков. В частности, при заимствовании из близкородственных языков значительно выше процент морфемных замен, а также полных и частичных переводов, ср. в топонимии: укр. *Міст* — рус. *Мост*, белор. *Дразды* — рус. *Дрозды*.

Умение найти общеславянское и передать его национальными средствами каждого принимающего языка — вот основная проблема. Она распадается на ряд подчиненных проблем: показ отдельных морфем (корневых и аффиксальных) в официальной (включая документацию) и неофициальной (включая художественную литературу) сферах. В зависимости от указанных условий проблема эта может иметь разные решения.

О ф и ц и а л ь н а я с ф е р а. Памятуя о том, что в официальной сфере основная идентификация происходит по линии «денотат — звучание», естественно передавать

все особенности звучания иноязычного имени. Однако при близком родстве корневых морфем сила норм родного языка оказывает уподобляющее воздействие на непривычно звучащее слово и способствует изменению иноязычного, подгоняя его под свои образцы. Так, украинские фамилии *Білодід*, *Цілуйко*, *Недайхліба* невольно превращаются в русском языке в *Белодед*, *Целуйко*, *Недайхлеба*. Там, где нужна документальная точность, например в библиографии, желательно оставлять подобные имена в оригинальном написании, чтобы избежать указанных изменений. Процесс этот абсолютно зеркальный. Имена и фамилии русских совершенно естественно украинизируются: *Александр—Олександр*, *Николаев—Миколаїв* и, следовательно, там, где необходима документальная точность, нужно оставлять русские имена в украинских текстах в неизменном виде.

Документальная точность нарушается даже при минимальных изменениях, касающихся лишь букв, которых нет в алфавите одного из контактирующих языков. Например, замена укр. *і* русским *и* влечет за собой замену укр. *и* русским *ы*, что, однако, не всегда возможно, принимая во внимание правила русского правописания. Так, в фамилии *Білецький* замена *і* на *и* дает вариант *Билецкий*, поскольку *ы* после *к* в русских словах не пишется. Полная русификация этой фамилии дала бы *Белецкий*, что юридически неточно. Ср. укр. фамилию *Рильский*, где только первое *и* может быть заменено русским *ы*: *Рыльский*.

Нередко замена одной единственной буквы автоматически влечет за собой серию других изменений. Например, если в укр. фамилии *Солоний* (иногда в русских текстах ее оставляют в неприкосновенном виде) заменить *и* на *ы*: *Солоный* (как это следует из закономерности соответствий), полученный вариант оказывается неустойчивым, вызывающим желание заменить его формой *Солёный*. Ср. фамилию *Солоненко*, не подвергающуюся обычно никаким трансформациям. В качестве параллели приведем название украинского села *Солоне*, которое передается на русских картах как *Солёное*, но название района сохраняется украинское: *Солонянский* (Днепропетровская обл.).

Индивидуальное желание человека произносить и писать свою фамилию на русский или на украинский лад

вносит коррективы даже в официальную документацию. В официальной практике (паспорта, аттестаты, дипломы) расхождения между украинскими и русскими формами имен и тех же имен порой оказываются очень значительными. Ср. укр. *Палажка*, *Евтух*, *Микола* и рус. *Пелагея*, *Евтихий*, *Николай* — это традиционные подмены, подстановки общепринятых форм, а не перевод и не транскрипция. С белорусскими именами в известном смысле проще, потому что официальные записи в Белоруссии делаются по-русски. Все народные варианты имен встречаются лишь в неофициальной сфере общения, в семье, в быту. Однако белорусские народные формы имен и прозвищ доставляют большие трудности переводчикам художественной литературы (см. ниже).

Н е о ф и ц и а л ь н а я с ф е р а. Сюда относятся такие жанры, как непринужденное общение в бытовых ситуациях и художественная литература. Мы уже отмечали, что в одних случаях более информативен перевод, в других — передача звучания. При непосредственном общении люди находят наиболее правильные и наиболее информативно насыщенные формы. При переводе литературных произведений указанные вопросы вызывают споры. Например, Ю. Молочковский (1963, 222—223) отмечает, что перевод чешских названий типа *Пороховая башня* вместо принятой у нас транскрипции *Прашна Брана*, *Малая Сторона* вместо *Мала Страна*, *Старый Город* вместо *Старе Место* и т. п. был бы значительно более информативным. Для сравнения он приводит чешскую передачу нашего названия *Цветной Бульвар* как *Květi-povú Bulvar*.

Белорусские антропони́мы доставляют значительные трудности переводчикам. С одной стороны, бытовые формы имен иногда бывает трудно идентифицировать с традиционными, например *Кастусь*, *Рыгор*, соответствующие официальным *Константин*, *Григорий*. Заменить их паспортными формами в художественном повествовании означало бы нарушить правдивость произведения, исказить описываемый быт. Но сохранять в литературном произведении полные имена типа *Багдан*, *Леонид*, *Фама*, *Фядосий* в белорусском фонетическом написании также едва ли справедливо. Они будут восприниматься в русском тексте скорее не как отражение местных реалий, а как опечатки, хотя товарный знак «*Беларусь*» постепенно входит в рус-

ский быт вместе с трактором, им обозначаемым. Несмотря на это, в настоящее время представляется более убедительным передавать полные белорусские имена соответствующими русскими паспортными формами, а уменьшительные и прочие варианты сохранять в народной белорусской форме: *Ганулька*, а не *Аннушка*; *Тумаш*, а не *Фомушка*; *Махтод*, а не *Мефодий*; *Масей*, а не *Моисей*; *Яхим*, а не *Ефим*; *Тадося*, а не *Федосья*; *Раина*, а не *Регина* ¹⁵.

Остановимся на передаче отдельных морфем.

Корневые морфемы языков близкородственных часто заменяются соответствующими корневыми морфемами заимствующего языка, в большинстве случаев мало отличающимися от морфем языка-источника. Это имеет место почти всегда при передаче на русский язык украинских имен собственных: *Олексійова* — *Алексеева*, *Запоріжжя* — *Запорожье*. Это — не транскрипция, а замена одних слов другими, эквивалентными им в другом языке. Во многом этому способствует то, что оба языка находятся на территории одного государства и что контактирование представителей обоих языков широко развито.

В значительно меньшей степени подобные замены применяются по отношению к языкам других славянских стран, с представителями которых носители русского языка не имеют столь тесного повседневного общения. Например, сербские имена *Вук*, *Вукица* мы не заменяем русскими *Волк*, *Волчица*, тем более что имен этих нет в русском языке, а замена их русскими нарицательными просто неуместна. Но *Београд* по-русски передается *Белград*, болгарское *Александър* и сербское *Александар* обычно передается русским *Александр*, *Петар* — *Пётр*.

При передаче с польского родственные корневые морфемы иногда заменяются аналогичными русскими: *Trybuna* — *Трибуна*, *Kuryłowicz* — *Курилович*, *Gryszkiewicz* — *Гришкевич* (транскрипция дала бы *Трыбуна*, *Курьлович*, *Грышкевич*). Представляется, что некоторые чешские корневые морфемы, содержащие *у*, если в соответствующих им русских корневых морфемах имеется *ы*, можно также заменять аналогичными русскими: *Lysá Hora* — *Лыса-Гора*, *Malý Rybník* — оз. *Малый Рыбник*. ГУГК передает эти названия как *г. Лиса* и оз. *Мали-*

¹⁵ Ср. *Ина рѣина* (стр. 165—166).

Рибник, отчего морфема *лыс-* невольно подменяется морфемой *лис-* и смысл названия теряется.

Следовательно, подмена иноязычных корневых морфем своими предупреждает от ложных ассоциаций, которые неизбежно возникают при конфронтации лексического состава близкородственных языков в связи с их структурной близостью. Подмена корневых морфем предупреждает от смешения таких основ, как слав. *мыш-*(*ка*) и *мыш-*(*ка*), *лис-*(*а*) и *лыс-*(*а*), *роз-а* и *рож-а*, *лык-о*, *лик-*, *син-ий* и *сын-*, *дим-*(*дом*) и *дим-*(*дым*) и т. д.

Подмены иноязычных морфем морфемами заимствующего языка наблюдаются и в германских языках. Например, при заимствовании из немецкого языка в английский морфемы с неанглийским написанием подчиняются фонетическим законам английского языка и читаются так же, как и сходные с ними по смыслу морфемы английского языка: *Butcher*—*Букер*, *Buchman*—*Букман*, *Neuer*—*Ньюэр*, *Neuman(n)*—*Ньюман*, ср. соответствующие им корневые морфемы английского языка *book* и *pew*.

Такого рода замены неизбежны, так как слишком близкое родство обоих языков препятствует употреблению в одном из них корней другого языка в форме, присущей последнему. При передаче подобных слов на русский язык их приходится, несмотря на немецкую орфографию, транскрибировать в соответствии с их произношением в английском языке.

Аффиксальные морфемы. При транскрибировании имен близкородственных языков значительная потеря их информации происходит вследствие того, что при более точном показе звучания аффиксальных морфем нарушается четкость их функционирования, а при передаче формантов имен с помощью соответствующих им формантов заимствующего языка теряется национальный колорит имени.

Аффиксальные морфемы в каждом языке представляют собой небольшую группу четко функционирующих элементов со строго определенным системным значением. Они играют очень важную организующую роль, показывая место имени в ономастическом ряду. Ввиду большого сходства языков близкородственных, многие аффиксальные морфемы их совпадают и материально, и функционально, ср. чешск. *Žižkov*, польск. *Siemaszkowa* — *Жижков*, *Семашкова*. Русская передача их совмещает в себе

и практическую транскрипцию, и морфологическую подмену. Однако есть и такие случаи, когда функциональное тожество морфем сопровождается неполным материальным тожеством. Тогда передающий бывает поставлен перед выбором: что важнее, показать ли функциональное тожество в ущерб материальному или материальное в ущерб функциональному. Географы придерживаются второго и передают чешск. *Vysoký Tyn* — *Високи-Тин*, польск. *Czegna Woda* — *Черна-Вода*, болг. *Две Могили* — *Две-Могили*. В антропонимии более часто реализуется первая возможность — показ функционального тожества: польск. *Sierpiński* — *Серпильский*. Это необходимо в связи с тем, что антропонимы по сравнению с топонимами более «подвижны». Топонимы редко употребляются вне топонимического контекста (карта, атлас, географическое сообщение); антропонимы употребляются в самых разнообразных текстах и даже изолированно. Если антропонимы близкородственных языков переданы материально точно, однако без сохранения функционального тожества, они теряют значительную часть своей информации. Так, без специального пояснения, что *Покорни* (чешск. *Pokorný*) — это фамилия мужчины, *Шантава* (чешск. *Šantavá*) — это фамилия женщины и т. п., антропонимы близкородственных языков с нечеткими морфологическими показателями делаются непонятными, неточными. Следовательно, функциональное тожество элементов близкородственных языков невольно требует и материального тожества их в принимающем языке, потому что трудно, говоря на одном из них, пользоваться служебными элементами другого.

Восходящим к именам прилагательным славянским фамилиям удобнее придавать в русском языке также форму прилагательных: польск. *Kurczyński* — *Курчинский*, *Jabłońska* — *Яблоньская*. Переданные без флексий фамилии *Курчински*, *Яблоньска* остались бы в русском тексте без склонения, что неудобно и даже неестественно, поскольку фамилии эти образованы по моделям, представленным и в русском языке. В связи с этим А. А. Реформатский (1972, 330) пишет: «Следует помнить, что вопрос о словоизменении — это всецело право языка перевода. „Словоизменять“ по чужой парадигме нельзя». Отмечая, что вопрос о том, как же склонять подобные фамилии, — это вопрос второй, А. А. Реформатский (1972, 329) пишет:

«Надо различать: исходную форму и вопрос о том, как с ней поступать в синтаксически связанном тексте... Если я вижу „одну и ту же“ фамилию, допустим, в русском тексте — *Яблонская*, а в иных текстах передо мною: *Яблоньска*, *Яблонска*, *Яблонська*, то мне ясно, что 1) это польская фамилия, 2) это чешская фамилия, 3) это украинская фамилия. Информация о „национальном колорите“ дана в написании, и это хорошо!». Передача польских фамилий указанного типа содержит сразу две сложности: передача флексии (*-ий*, *-ая*) и передача *-н(-нь-)*. Если мы передаем их без соответствующей русской флексии (*Купчиньски*, *Яблоньска*), передача польского *-ń-* русским *-нь-* закономерна. Если мы добавляем русскую флексию, у нас появляется желание избавиться от мягкого знака: *Купчинский*, *Яблонская* (ср. закономерное русское словообразование: *конь—конский*, *барон—баронский*). Отмечая, что русская передача польских фамилий с флексией или без флексии может определяться целями и задачами передающего, А. А. Реформатский (1972, 330) пишет: «Но ъ для польских фамилий извольте беречь. Это „национальная метка“, пусть она будет цела».

Как видно из приводившихся ранее примеров, топонимы-прилагательные на зарубежных славянских территориях передаются материально тождественно без замены функционально теми же аффиксами русского языка. На инославянских территориях Советского Союза топонимы-прилагательные передаются обычно с заменой аффиксальных морфем соответствующими морфемами русского языка. Ср. украинские топонимы и их русскую передачу: *Благодатне—Благодатное*, *Велике—Великое*, *Йолкине—Елкино*, *Польове—Полевое*, *Троїцьке—Троицкое*, *Слов'янське—Славянское*, *Гвардійське—Гвардейское*, *Іллічівське—Ильичёвское*.

Сложный вопрос представляют случаи функционально тождественные и материально почти тождественные: рус. *-ов* — укр. *-ів* — польск. — *-ów*: *Львов—Львів—Львуе* (*Lwów*). Здесь географы как всегда стремятся к показу материально тождественного в ущерб функционально тождественному, заменяя польск. *Jasnow*, *Rzeszów*, *Pruszków* русскими *Яснув*, *Жешув*, *Прушкув*, хотя в украинских названиях заменяют этот суффикс русским *-ов*:

Харків—Харьков, Жданів—Жданов и т. д. Исключение допускается лишь для традиционного *Краков*. В фамилиях отдается предпочтение функциональному тождеству в ущерб материальному: *Krasnów—Краснов, Janów—Янов*.

Ю. Молочковский (1963) обращает внимание на сложность образования чешских женских фамилий от соответствующих мужских: *Marek—Markova, Buben—Bubnova, Aleš—Alšova* и т. д. Идентификация фамилий супругов в таком случае весьма осложняется (*Марек—Маркова, Бубен—Бубнова, Алеш—Альшова*), как и восстановление мужской формы по имеющейся женской. С другой стороны, если фамилии женщин передавать *Марек, Бубен, Алеш*, возникает необходимость в дополнительных средствах для их различения (*мадам, пани, госпожа Бубен* и т. п.). См. также Реформатский 1972, 324—326.

Обсуждая вопрос, чему отдать предпочтение, национальному или русифицированному, вспомним, что во многих чисто русских произведениях авторы прибегают к показу областных, диалектных черт, достигая этим бóльшей близости к условиям изображаемой территории. Для этого не надо вводить в литературный язык все черты, характеризующие диалект; достаточно отобрать немногие, самые существенные. Полагаю, что эта аналогия может быть распространена и на материал близкородственных языков. Мы уже видели, что близкое родство мешает передаче абсолютно всех черт одного из контактирующих языков в другом. Следовательно, и здесь из многих черт, свойственных передаваемому слову, достаточно отобрать несколько, сделав их своеобразными национальными отметками последних.

Отказ от передачи специфических черт близкородственных языков, как и от передачи диалектных элементов, обедняет перевод, «причесывает» его под нейтральный русский литературный текст. А ведь любой литературный язык в значительной мере искусствен. Он лишен многих ярких образных слов, которые одни считают чересчур локальными, другие — недостаточно благозвучными. Тем не менее хороший писатель вводит их в умеренных дозах и, если надо, снабжает соответствующими комментариями. Ср. подстрочные примечания И. С. Тургенева к «Бежину лугу»: *казюли* — по-орловски змеи; *сугибель* — крутой

поворот в овраге; *бучило* — глубокая яма с весенней водой. Автор вполне мог бы обойтись без этих слов. Но тогда и «Бежин луг» не был бы «Бежиным лугом».

То же право дано и переводчику. Его долг, если есть хоть малейшая возможность, — показать национальную специфику имен и реалий, тем более, что и понятийно, и предметно многие слова отличаются от известных нам по нашему опыту. Например, болг. *царвуль* — грубая ременная обувь — это далеко не то, что наши лапти, болг. *ракия* — местная разновидность водки, болг. *медники*, или *менци* — ведра, отличающиеся от наших (имеют форму усеченных конусов, расширяющихся книзу), болг. *Кольо*, *Петьо* — это не совсем наши *Коля* и *Петя*. Заметим, что *Петя* у болгар — женское имя.

Все это свидетельствует о том, что переводчик и транскриптор не должны ограничиваться побуквенной передачей (это достояние транслитерации, которую можно поручить и машине), но и не должны заменять и русифицировать все, что имеет в заимствующем языке близкие соответствия. Для них необходимо точное знание реалий страны, с языком которой они работают, подробное знакомство с топонимической и антропонимической системой языка-источника и четкое знание функциональных соответствий отдельных элементов исходного и принимающего языков.

Роль традиций. Одна из причин, по которой передача всех иноязычных слов не может быть строго подчинена единым правилам, — это наличие традиционных слов, которые давно существуют в принимающем языке и приобрели в нем устойчивую и широко известную форму. Заимствованные слова с традиционным написанием и произношением имеются во многих языках. Чаще всего они накапливались постепенно, с древнейших времен, когда они не казались традиционными, а были естественным следствием языковых контактов. Многие из них соответствовали произношению, которое было в прошлом в языке-источнике или языке-посреднике, участвовавшем в процессе заимствования. Таковы для русского языка топонимы *Рим*, *Париж*, *Вена* (ср. *римский папа*, *собор Парижской Богоматери*, *венские стулья*, *булочки*, *каблуки*). Во французском языке раньше было палатализованное *l* [Λ] в таких словах, как *fille*, *meilleur*. В настоящее время в литературном французском языке это [Λ]

превратилось в [j]: [fij], [mejœ·r]. Ряд слов (бульон *bouillon*) был заимствован в русский язык из французского именно в тот период, когда *ill* произносилось [ɛ]. Это не транскрипционная ошибка, а отражение исторического произношения определенной эпохи. Поэтому неправильно в наши дни изменять транскрипцию имени герцога *Бульонского* на *Буйонский* (ср. Чуковский 1941). Но, если надо будет транскрибировать фамилию современного деятеля, содержащую сочетание *ill*, в ней надо будет писать *й*, а не *ль*: Meillet—*Мейе*.

Возникновение слов с традиционным произношением и написанием, не соответствующим оригинальному, — это своего рода историческая закономерность. В истории русского языка прослеживаются определенные этапы становления тех или иных традиций. Так, в XVI—XVII вв. ведавшие иностранными делами канцелярии придерживались немецкой и новолатинской ориентации, в XVIII—XIX в. в нашей культуре господствовало французское влияние. В результате заимствования из языков английского, нидерландского, португальского и ряда других приходили к нам через посредство французского, немецкого или латинского языков, откуда *Шельда* вместо *Схелде*, *Бирон* вместо *Байрон*. Восприятие слов одних языков через призму других приводило к созданию известных передаточных штампов. Так, имена скандинавских языков приходили к нам обычно в онемеченном виде, а имена монгольские и персидские — в отатаренном.

Аналогичные культурно-исторические традиции складываются и в других странах. Например, до начала XX в. Норвегия находилась под культурным влиянием Дании, пользовалась в своей литературе датским правописанием, не соответствовавшим нормам норвежского произношения. Переводчики с норвежского (датско-норвежского) языка на русский передавали норвежские имена по датским нормам: *Нора* вместо *Нура*, *Роальд* вместо *Руал* и т. д. См. Чуковский 1936, 211—219; 1941 213—219.

Дипломатическая переписка была лишь одной сферой применения географической и прочей номенклатуры, художественная литература — другой, но живое устное общение, речевая практика, которая служит проверочным критерием для письменных фиксаций, развивалась своим чередом. В связи с этим В. В. Григорьев (1850, 190) писал: «Всех соседей своих окрестили мы именами своего

изобретения, или, если усвоили их собственные, то не иначе как переделавши на свой лад». «Простонародье продолжает работу Старой Руси, переименовая *Шлиссельбург* в *Шлюшин*, *Ораниенбаум* — в *Рамбов*, *Петербург* — в *Питер*, и доселе сохраняет вполне как музыкальное чувство своего языка, так и инстинктивную покорность его этимологическим законам» (200).

Несмотря на то, что стремление к прямым непосредственным заимствованиям, а также к фонетизации прежних письменных заимствований начинается с 30-х гг. XIX в., заимствование слов без учета их живого произношения продолжалось еще целое столетие, а число традиционных имен, нарицательных и собственных, русская форма которых не согласовывалась с иноязычной, возрастало. Отмечая наблюдавшуюся в 30—40 гг. XIX в. тенденцию приблизить старые заимствования к их иноязычному звучанию, В. В. Григорьев (1850, 204) указывал, что делать это надо «с уважением к освященным уже вековым употреблением русским формам их и к законам языка нашего, руководствуясь в первом случае — историческими памятниками отечественной словесности, в последнем — трудами наших ученых языкоисследователей».

Он отмечал, что реформирование традиционных названий, всегда систематических, «состоит в стремлении сохранить целостность и правильность каждого иноземного звука при передаче его русскими буквами. Не говоря уже о том, что . . . такое стремление означает глухоту к требованиям народного уха и утрату чутья музыкальных законов своего собственного языка, нельзя не заметить, что этого рода реформаторы обыкновенно не имеют достаточных сведений для своей деятельности и, по разумению своему исправляя одно, портят вдвое, когда очередь доходит до имен собственных из таких языков, которые им неизвестны» (199).

Показательно и следующее: несмотря на то, что стремление отойти от традиционных форм наблюдается уже более ста лет, традиции почти не изменились. В своем выступлении на конференции, посвященной передаче географических названий (1959), С. Л. Берг подчеркивал необходимость отказа от нецелесообразных традиционных написаний (см. 1965, 109). Анализируя традиционные написания с точки зрения их информативности и

сравнивая с новыми, нетрадиционными, которые могут быть предложены взамен их, отметим, что очень часто информация имени заключается именно в его привычности. Отказ от этой формы, замена ее формой, ближе соответствующей оригинальному написанию и произношению, разбивает многочисленные ассоциации языкового и экстралингвистического характера: теряется идентифицирующая сила имени, нарушается словообразовательное гнездо, ср. *Париж — парижанка, парижские моды*. Как отмечает А. А. Реформатский (1960, 47), «образование производных, и в частности нарицательных, — верный признак того, что производящее слово — факт данного языка, и если такое слово существует сто—двести—триста лет, то вычеркнуть его и его производные из данного языка уже невозможно или же очень трудно . . . Неужели же в угоду взглядам, изложенным в статье А. П. Ющенко [1939]. . . надо разводить *дейчландских* овчарок, покупать *винские* стулья, принимать *инглэндскую* соль, изучать *ромское* право, раздумывать над имевшей хождение теорией „Москва — третья *Рима*“?»

В связи с тем, что многое заимствовалось в русский язык в разные эпохи и попадало в разные сферы общественной жизни и, следовательно, в разные подъязыки, в настоящее время можно говорить о нескольких типах традиций: о традиции русского литературного языка, традиции географов, журналистов, техников, дипломатов, работников торгпредств и др. В каждую область попадает лишь известная часть заимствованных слов в традиционной форме. Традиции одной из областей могут быть неизвестны лицам, работающим в других областях. Случайное вторжение в одну из них и игнорирование традиций ведет к значительной потере информации, поскольку информативность традиционных имен заключается прежде всего в их привычности. Замена их более регулярными написаниями, сделанными в соответствии с уточненными правилами, нередко ведет к частичной потере информации.

Приведем еще примеры. Мы уже видели, что точность фонетической передачи иноязычных слов не может быть самоцелью. Главное в процессе транскрибирования — сохранить информацию передаваемого слова. С этой точки зрения исправление традиционных названий не всегда полезно. Так, замена гидронима *Неман* на *Немунас* и

далее на *Нямунас* едва ли оправдана. Передача названия дома отдыха *Nemunas* как «*Нямунас*» имеет оправдание. Так же название дома отдыха «*Гинтарас*» (*Gintaras*) лучше передавать фонетически, а не переводить как «*Янтарь*», хотя название *Янтарный берег* — часть побережья Балтийского моря как относящееся к крупному физико-географическому объекту едва ли должно транскрибироваться, ср. однако турбаза «*Золотые дюны*».

Куришская коса по-литовски называется *Neringa*. Замена одного названия другим в русском языке не имеет основания, но торговый центр *Neringa* не должен переводиться как «*Куришская коса*», а только «*Неринга*» (или, по новым правилам, — «*Няринга*», хотя излишний фонетизм при передаче *e* как *я* понижает информативность транскрипции). Литовское спортивное общество называется в нашей прессе «*Жальгирис*», а не «*Грюнвальд*», но битва была при *Грюнвальде*, ср. ул. *Žalgirio* в Клайпеде, которая по-русски пишется как *Жальгирио*, теряя связь и с названием спортивного коллектива, и с топонимом, и с историческим событием.

В зависимости от их характера, традиции можно разделить на лингвистические и персональные. Лингвистические традиции узаконивают «неправильную» передачу целых слов или отдельных морфем и фонем. Если определенные лингвистические традиции приняты каким-нибудь учреждением, следование им обязательно во всех случаях. Такого рода традиции являются следствием не вполне точной, но совершенно определенной передачи одних и тех же слов, морфем и фонем в течение долгого времени. Примером таких целых традиционных имен являются англ. *Генри*, *Вильям* (*Henry*, *William*), нем. *Карл* (*Karl*) с твердым [л], примером традиционных морфем — англ. *land*=ленд: *Портленд* (*Portland*), *hampton*=гемптон: *Саутгемптон* — *Саутгемптон*, *Easthampton* — *Истгемптон*. Слово *Imperial*, когда им обозначается марка пишущей машинки или гостиница, передается в традиционной форме «*Империа*л». В названиях фирм оно транскрибируется по современным правилам: англ. *Imperial Chemical Industries* — «*Импириал кемикал индастриз*». В названиях конференций оно часто переводится: *Imperial Conference* — *Имперская конференция*. Название сорта бумаги *imperial* передается в обычной транскрипции: *импириал*. Приведем также примеры тради-

ционно передаваемых фонем: англ. <z>, которое в географических названиях всегда передается через *c*, даже если звучит как [z]: Leeds — *Лидс*, и традиционно передаваемых букв: европейское *h*, передающееся как *г* даже там, где оно не произносится: исп. Habana — *Гавана*, фр. Hugo — *Гюго*.

Персональные традиции относятся только к определенным, конкретным объектам (лицам, местностям, учреждениям) и не распространяются на других носителей того же имени. Так, например, знаменитый английский химик у нас долгое время звался *Линус Паулинг* (Pauling), в то время как его однофамильцы — англичане звались *Полинг*ами. В 60-е годы, когда он посетил Советский Союз, его стали звать *Лайнус Полинг*. Английский естествоиспытатель прошлого века, современник Дарвина, зовется у нас *Гексли* (Huxsley), но внуки его — *Хаксли*. В штате Пенсильвания в США имеется город *Питсбург* (Pittsburgh), омографичные названия в других штатах транскрибируются *Питсберг*. Созданная в результате неточной транскрипции традиция *Ван Клиберн* не была исправлена в общественной практике после выхода в свет книги об этом пианисте, где он именовался *Вэн Клайберн*.

Персональные традиции отмечаются и в других языках. Например, фамилия *Чайковский*, имеющая довольно точную английскую передачу Chaikovsky, тем не менее применительно к Петру Ильичу Чайковскому пишется через *T*: Tchaikovsky (как результат заимствования через французский язык), ср. Shaw 1967, 11. Замена традиционного написания более регулярным ведет к частичной потере информации имени. Приведенный пример показывает, насколько характер транскрипции может зависеть от обозначаемых объектов. Фамилия, записанная Chaikovsky, не ассоциируется у англичан с личностью Петра Ильича, а лишь с его однофамильцами.

В зависимости от степени устойчивости в принимающем языке традиции могут быть прочными и непрочными. Прочные традиции складываются для имен, давно заимствованных, пользующихся широкой известностью и развивающих многочисленные коннотации. Именно благодаря этим коннотациям отличие их традиционной формы от формы, которую они имеют в языках-источниках, становится фактом третьестепенным. Наоборот, приближение их к произношению или написанию языка-источника

привело бы к перебою преемственности информации имени в заимствующем языке. К числу имен с прочной традицией относятся названия многих государств и их столиц (для русского языка *Финляндия*, *Гаага* и др.), имена и фамилии всемирно известных лиц: *Исаак Ньютон*, *Веллингтон*, *Резерфорд*, *Дуглас*, *Дункан* и др. (ср. пальма *веллингтония*, аэроплан «*Дуглас*», химический элемент *резерфордий*), названия больших рек и гор, а также названия единиц измерения: *ватт*, *ангстрем* и терминологические сочетания: *закон Ньютона*, хотя название единицы силы тяжести произносится с иным ударением: *ньютон*. Перечисленные и многие другие слова в русском языке высоко информативны, и нарушение их устоявшейся традиционной формы весьма нежелательно.

Непрочные традиции появляются в результате того, что кто-либо из переводчиков случайно дает необоснованную транскрипцию, какого-либо имени. Как правило, это касается названий небольших географических объектов и имен и фамилий лиц с ограниченной известностью. Такова фамилия французского химика Senderens, которая долгое время употреблялась в химической литературе в форме *Сендеренс* вместо *Сандеран*, таков английский топоним Leicester, который иногда передают *Лейсестер* вместо *Лестер*.

В последние годы принята установка, в соответствии с которой непрочные традиции по возможности искореняют. С прочными это сделать значительно труднее. Легче подводить под общие правила написание тех слов, где отклонения несущественны и встречаются в конце или в середине слова: *Ливерпуль*—*Ливерпул* (Liverpool), *Лос-Анжелос*—*Лос-Анджелес* (Los Angeles).

Подводя итоги всему сказанному, еще раз подчеркнем, что традиции, в особенности традиции литературного языка, — это исторически сложившийся лексический пласт, игнорировать который нельзя, потому что, по мнению А. А. Реформатского, «традиция и преемственность — необходимые условия всякой подлинной культуры». Но, отдавая должное действительно необходимым традициям, несущим культурную информацию, не следует принимать традиционные формы за образцы для вновь заимствуемых слов. Новые заимствования из живых языков должны отражать произношение, написание и фонемный состав слов в языках-источниках. Отход от тра-

диционных названий сопряжен во многих случаях со значительной потерей информации. Следовательно, прежде чем официально отказаться от какого бы то ни было традиционного имени, необходимо провести лексикологическое, а также специальное ономастическое обследование заменяемых форм с целью выяснения целесообразности предлагаемых замен. Без этого невозможно принять правильные рекомендации. И хотя в настоящее время предпосылок для создания новых традиционных названий нет, нет основания и для массового отхода от прежних традиций.

Транскрипционные ошибки. Несмотря на то, что уровень профессиональной подготовки переводчиков и транскрипторов постоянно повышается и транскрибирующие пользуются инструкциями, качество которых из года в год улучшают, стремясь к системности передачи, в общей прессе еще нередко встречаются транскрипционные неточности. Они обычно объясняются либо незнанием языковой принадлежности имени, либо незнанием особенностей чтения данного конкретного слова, либо, наконец, незнанием традиций. Отсутствие согласованности в работе отдельных издательств, соблюдение или несоблюдение установленных правил, сохранение или несохранение традиционных форм ведут к разному в транскрипции, а следовательно, и к утере информации транскрибируемых имен.

Незнание языковой принадлежности имени приводит к подмене слов одного языка словами другого языка. Для избежания подобного рода ошибок необходимо привлечение экстралингвистических (биографических, литературных и др.) источников. Только с их помощью можно установить, как в каждом конкретном случае передавать фамилии Storch, Waterman, Buchman, Fuson.

Незнание правил чтения или исключений из них, регулирующих написание и произношение тех или иных групп имен, приводит иной раз к серьезным ошибкам. Так, по-разному в нашей прессе передают английское название Gillis Island — *Земля Гиллиса* (правильно) и *Земля Джиллиса* (ошибочно) — имя читается не по общему правилу.

Незнание традиций остается существенным препятствием в достижении единства в практической транскрипции. Несмотря на то, что в последние десятилетия во мно-

гих странах сложилось резко отрицательное отношение к традиционным именам, особенно к традиционным топонимам (дискуссии на XI и XII Международных ономастических конгрессах, София 1972, Берн 1975), традиционных имен еще очень много. Если в области топонимии число их стремятся сократить, то в других областях ономастики случайно неверно прочитанное кем-либо имя может стать традиционным, попав в печать. Проникая в учебники, энциклопедии, официальные справочники, оно может стать узаконенным, и любая попытка исправления ошибочной транскрипции будет выглядеть как посягательство на «правильную» форму, даже если в основе ее лежит неправильное прочтение иноязычного написания.

Несогласованность и недоговоренность, принятие традиций и отход от них, одновременно проводимые отдельными ведомствами, создают разнобой в подаче одних и тех же имен. Например, чешскую фамилию *Nabovštíak* в различных лингвистических изданиях пишут *Габовштиак* и *Хабовштиак*, фамилию английского лингвиста Jones пишут *Джоунз*, *Джонз* и *Джонс*, фамилию французского лингвиста Martinet — *Мартине* и *Мартинэ*. Без этих и других подобных неточностей можно вполне обойтись, уделяя больше внимания редактированию публикуемых работ.

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что информация, заключенная в передаваемом имени, может быть в значительном объеме сохранена при заимствовании и показана с помощью средств принимающего языка. Утеря информации происходит чаще всего по ряду объективных причин, объясняющихся неадекватностью средств выражения в языках дающем и принимающем. И все же при бережном отношении к передаваемым словам в каждом конкретном случае может быть реализован максимум возможностей.

III Заимствованное слово в принимающем языке

Пройдя через призму фонемно-графемного перекодирования (часть II), заимствованные слова обретают в принимающем языке известные лексические и грамматические характеристики. При этом лексические характеристики задаются языком-источником, а грамматические определяются спецификой принимающего языка. Поскольку заключительный этап транскрибирования — письменная фиксация заимствованных слов, орфографические нормы принимающего языка и допустимые отступления от них оказываются в центре внимания и порой заслоняют прочие проблемы передачи. Так, в России одной из тем орфографических дискуссий XIX—XX вв. была следующая: что предпочесть, показ необычности написания и произношения иноязычного имени в ущерб общепринятым нормам своего языка или точное следование традиционным для принимающего языка написаниям и отказ от передачи своеобразия иноязычного слова. Как бы подводя итог этому, А. А. Реформатский (1965, 10), со ссылкой на Гердера, пишет: «Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного. . . То, что не перечит нормам и возможностям своего языка, пусть сохранится в транскрипции и пусть это выглядит не вполне как свое, . . . так как чужие имена собственные все-таки остаются в той или иной степени «варваризмами» в составе своей лексики, что важно подчеркнуть и в их орфографии».

Орфография заимствованных слов и имен собственных складывается в особую проблему, лишь отчасти связанную с общими орфографическими нормами данного языка прежде всего потому, что и количественно многое для них имеет иной охват, чем для основной лексики данного языка (например, употребление прописных букв, дефиса, апострофа), и качественно могут быть иные правила для написания собственных имен и недавно заимствованных

слов, нежели для нарицательных (исконных или хорошо освоенных или для традиционных собственных имен). Как отмечает А. А. Реформатский (1964), «при установлении правил написания собственных имен следует предусматривать как имена личные (фамилии, имена, отчества, прозвища для людей, животных и прочих объектов), так и географические названия разных типов, отмечая при этом те случаи, когда однородные слова и их сочетания должны писаться по-разному в зависимости от того, являются ли они личными именами или географическими названиями. . . Правила написания собственных имен должны быть едиными для картографов, топографов и географов, с одной стороны, и для библиографов, переводчиков, редакторов, с другой стороны. Нельзя допускать, чтобы для картографов действовали одни правила, а для библиографов — другие. Специфика написаний географических названий и собственных личных имен должна предусматриваться исходя из особенностей объектов, а не потребителя».

Поскольку написание заимствованных слов и собственных имен в принимающем языке — это особая орфография, своды орфографических правил таких языков, как немецкий, сербский, польский и др., предусматривают разделы, посвященные этой проблематике. Указанные разделы совершенно необходимы для редакторов, корректоров, составителей словарей и энциклопедий, географов, картографов, журналистов, полиграфистов и других лиц, работающих со специальной лексикой. К сожалению, правила орфографии русского языка до сих пор подобных разделов не включают, хотя в русской прессе вопрос о написании иноязычных слов дискутировался шире, чем в какой бы то ни было другой, а проекты подобных разделов предлагались для включения в орфографический свод начиная с 30-х годов. Справочники для редакторов и корректоров (Былинский, Добромислов, Никольский, Розенталь и др.) содержат скорее оправдание одного из сосуществующих написаний, нежели выводы, сделанные на основе анализа большого фактического материала и рекомендации, которые можно распространить на многие другие аналогичные случаи.

Вследствие этого вопрос о практической транскрипции иноязычных слов и собственных имен находится у нас до сих пор за рамками орфографических правил, за

пределами орфографической регламентации. Он искусственно отрывается от общих орфографических урегулирований и делается достоянием узковедомственной деятельности, хотя отдельные транскрипционные решения (порой противоречащие друг другу) нередко далеко выходят за пределы ведомств и, «сталкиваясь» друг с другом в прессе или энциклопедии, вызывают нарекания из-за своей непоследовательности.

Ниже мы рассмотрим языковую ситуацию, сложившуюся в России за последние сто лет в результате сознательной деятельности писателей, переводчиков, общественных деятелей и иных специалистов, участвовавших в пополнении лексикона; далее остановимся на проблемах нормализации и стандартизации, особое внимание уделим анализу возможностей русского алфавита для записи заимствованных слов и функционированию заимствованных имен в современном русском языке.

НАПИСАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В силу специфики своего положения Россия играла важную культурно-посредническую роль между Востоком и Западом, что наложило особый отпечаток на «обращение» русского языка с иноязычными словами, которые бережно сохранялись и заимствовались по возможности со всеми своими изначальными особенностями. В русской прессе неоднократно высказывались сожаления относительно неполноты звуко-буквенного состава русского языка, не позволяющей с достаточной степенью точности принимать заимствованные слова, и пожелания относительно пополнения русского алфавита. М. В. Ломоносов (см. 1952, 422) писал об этом следующее: «Ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую, и таково же смешно по правде покажется, есть ли бы для подлинного выговору наших речений, в которых стоит буква «ы», оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо нее новую вымыслили».

Однако попытки расширить русский алфавит путем введения в него новых букв продолжались в течение XVIII и XIX вв. Основной причиной, порождающей их, было желание приблизить русский язык к западным

путем введения в него букв, необходимых для более точной записи иноязычных слов, массовое заимствование которых из этих языков было характерно для того времени.

Давая обзор этих предложений, Я. К. Грот (1876, 221—222) отмечал, что В. К. Тредиаковский (1748), как и В. Е. Аодуров (1731), предлагал ввести букву «голь» г для обозначения звука [g] в иностранных словах. Для [ɣ] оставалась буква г — «глаголь». С. И. Барановский в своих географических пособиях прибегал для изображения звука [ɣ] к знаку греческого густого придыхания ϝ. И. И. Ястребцов ставил этот же знак, но не отдельно перед гласною, а над самой буквой г : *гигиена*. Он же для обозначения английского звука th употреблял, как в греческих именах, фиту. Так же поступали «Московские Ведомости»: *Gatherly* — *Гаверли*. «Тонкое» произношение буквы л И. И. Ястребцов отмечал надстрочным

«ериком»: *Паллас*; наконец, для изображения французского носового (cousin) он сначала писал н' (с апострофом), а потом стал ставить над н букву г : *н̑*. О. Н. Бётлинг (1851) предложил передавать h через б. В. Г. Белинский (1845), Ф. Е. Корш (1902), К. Г. Житомирский (1915), а также участники дискуссии 1862 и 1964 гг. для передачи h рекомендовали букву *h*, что повлекло бы за собой замену прописного *H* через *N* (*Нораций, Николай*). В дискуссии 1962 и 1964 гг. предлагалось также ввести особую букву [дж]. Я. К. Грот (1885) и Ф. Е. Корш (1902) указывали на желательность особой буквы для передачи [ö]. Грот обозначал ее через э : *Элингер, Эжен*, не вводя ее в издавна установившиеся написания *Эдип, Экономия*. К. Г. Житомирский (1915) предлагал использовать для передачи [y] — «ижицу» : *vgo. vбервег*, отмечая, что подобные написания «читали бы правильно или неправильно, но никак уж не *Юбервег* и *Гюго*».

В литературе XIX в. находим и тонкое издевательство над попытками введения в русский алфавит дополнительных знаков. Например, Сенковский, считая «истинным горем русской грамоты отсутствие в ней всякой методы выражать с надлежащею верностью иностранные собственные имена», придумал следующий оригинальный способ поправить эту беду. «Есть у нас, — говорит Брамбеус (так Сенковский подписался под статьей), — одна оборотная буква э. Основание системы положено: нельзя ли дать

ей некоторое развитие, ... распространить круг оборотности? Почему бы обратное *z*, т. е. *ı* не могло выражать у нас немецкого и английского *h*? Почему обратный ерик *ч*, поставленный после *н*, не указывал бы на французское носовое *N* или обратное *ı* — на английское *th*? Французское *[y]* можно было бы удобно выразить посредством того же мягкого знака, поставленного после твердого русского *у* так: *уь*. Глухое *h* хорошо выражается обратным апострофом: фамилия Victor Hugo приняла бы в русской печати вид *Виктор 'уьго*».

Потребность в заимствовании графем может быть реальной и мнимой. Реальная потребность контролируется написанием слов своего языка. Для русского алфавита реально необходимым было введение графем *э* и *е*, что и было осуществлено в XIX в. Мнимой была потребность в прочих знаках, нужных для передачи небольшого числа заимствованных слов, не имевших единого источника. В качестве примеров пополнения других алфавитов можно отметить введение Вуком Караджичем буквы *ј* в сербский алфавит, введение буквы *g* в чешский, букв *g*, *x*, *z* в финский, букв *ф*, *в*, *ц*, *щ* в алфавиты ряда тюркских языков народов СССР. Из конкретной истории каждого народа и языка делается понятным то или иное отношение к заимствованным словам, к способам их записи, к допустимым отклонениям от существующих норм. Были и особые категории слов, так называемые *nomina sacra*, требовавшие особо бережного отношения к ним.

Если введение в алфавит дополнительных знаков не поддерживается достаточно большим количеством слов, то, пройдя фонематический контроль своего языка, заимствованные элементы начинают произноситься так же, как и близкие к ним исконные. В результате возникают дублирующие написание. Так, например, получилось в бирманском языке за счет принятия заимствований из санскрита вместе с соответствующими графемами, которые по прошествии непродолжительного времени стали дублетными обозначениями уже существовавших в языке силлабем. Такими же дублетными в русском языке оказались буквы *Ѣ* и *Ѧ*. Обе они были заимствованы в составе греческих слов, и обе совпали в едином звучании. Если бы реформирование русского написания производилось в XIII—XIV в., то одна из них могла бы быть свободно изъята. Однако исправления церковных книг, проводив-

шиеся в XVII в., размежевали по этимологическому принципу такие слова, как *Теодор* и *Филипп*. Я. К. Грот (1876, 132) отмечал: «То обстоятельство, что для нашего письма служит азбука, изобретенная для другой, хотя и близкой, однакож во многих отношениях своеобразной фонетики, было причиною, что наше правописание приняло преобладающий исторический или этимологический характер».

Многие иноязычные слова долгое время воспринимались на Руси, подобно *popina sacra*, быть может потому, что первоначальный и очень большой пласт заимствований составляли слова, входившие в тексты религиозного содержания. Традиция бережного отношения к ним, тщательной записи и всестороннего объяснения их на полях церковных книг, а позже — в специальных азбуконниках — прообразах нынешних словарей иностранных слов, — очевидно, была перенесена и на другие слои заимствованной лексики, совершенно иного содержания, пришедшие из «новых» языков и в более позднюю эпоху. Отсюда — стремление столь же бережного отношения к ним в ущерб нормам своего языка.

С этой точки зрения интересна рукописная книга «Великая и предивная наука учителя Раймунда Люлия», ВГБиЛ, Ф 247 № 271, очевидно, достаточно широко известная на Руси в XVIII в., поскольку в фондах Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина она представлена несколькими экземплярами. В рукописи № 271 на л. 23 автограф: «Книга кабалистика иеромонаха Павла по реклу». На л. 330 сказано, что книга написана в 1720 г. Раймунд Лулл схоласт и алхимик XIII в. Если принять во внимание, что большинство его сочинений опубликовано в Европе Зальцдингером в 1721—42 гг., то, очевидно, что указанная рукопись — не перевод с печатного текста, но русский вариант его, возможно, восходящий к тому же рукописному источнику. Знаменательно и одновременное обращение к этому автору русских переписчиков и западного издателя.

Приведем примеры некоторых русских транскрипций западноевропейских имен, встречающиеся в этой книге. Во всех просмотренных нами экземплярах они идентичны. Имя автора в им. пад. дается *Раймундус Люлиус*, но в косвенных — *Раймунда Люлия* (л. 1, 1 об., 3), ср. на л. 26 *люлистоуе*, т. е. последователи Люлия. Местожительство

Люлия, согласно рукописи л. 3, город *Маиорика* на острове *Маиорике*, ср. прилагательное *маиориканское* (л. 31 об). В книге перечисляются имена мудрецов: *Ендрик Корнилии*, *Агриппа*, *Иоанн Лавренции*, академии *лугдунския* правитель (л. 1 об.), *Фердинанд Кордуба гишпан* (л. 2), *Раймунд Сабунде*, *Иаков Фабер*, *кроль Бовилии* (л. 2), *Филипп кроль французский*, ср. также в *Парижи*, в *Сарбоне* (так. — А. С.).

В этой же рукописи находим один из наиболее ранних примеров употребления буквы э в таких философских терминах, как *экс* 'единство, само собою стоящее', *эссенция* 'истость', *эссе и натура* 'естества физичные', *эссенциалита*, *энтитас* (л. 15, 17), а также в транскрипции латинской фразы: *рес, энэ, унум, бонум, али квитверун*, из которой, однако, строится кабаллистическое слово *РЕУБАУ* (л. 34).

Графемы в алфавите всегда составляют определенную систему, сбалансированную известными правилами их употребления в определенной последовательности в тех или иных позициях. Введение любого нового знака в алфавит не осталось бы частным фактом. Оно повлекло бы за собой перераспределение функций остальных знаков алфавита, видоизменяя всю систему. Фонемно-графемные соответствия закрепляются правилами орфографии. Звуки слов, заимствованных в русский язык в XVIII—XIX вв., ни в коей мере не могли быть приняты в его состав на правах самостоятельных фонем, и они адаптировались русским языком. Лицам же, ратовавшим за введение в него дополнительных букв, казалось, что русский язык должен сам адаптироваться применительно к иноязычным звучаниям.

В XIX в. многие столь серьезно сожалели о том, что русскими буквами нельзя точно передать «иностранный выговор», что не только оставляли заимствованные слова в русских текстах в написании латинской графикой: с *Lagrange'ем*, *beau mond'a*, но и предлагали перевести русский язык на латинскую графику. К. М. Кодинский составил один из подобных проектов. Критикуя его, В. Г. Белинский (1845) показывал, что общность алфавита не дает еще точности прочтения слов. «Положим, что мы будем писать *Descartes*, *Rabelais*, *Rousseau*, *Shakespeare*. — Что же из этого? Русский человек, не знающий ни французского, ни английского языка, все-таки будет читать

эти имена совсем не так, как читают их французы и англичане, а так, как они написаны, т. е. *Дескартес*, *Рабелаис*, *Роуссеаю*, *Шекспере*... И поэтому писать русским иностранные имена так, как пишутся они на их языке, есть сущая нелепость, которая поведет к анархии произношения». Я. К. Грот назвал такую подачу иноязычных имен в русских текстах вопиющим образчиком грибоедовского «смешения французского с нижегородским».

Аргументом в пользу указанной подачи было то, что во всех западных странах поступают так. Второй аргумент, что книги и газеты читают, как правило, люди образованные, которые знают, как надо произносить иноязычные имена, — не выдерживает критики. Выше было показано, что в результате подобной подачи заимствований *Байрон* превратился в *Бирона*, а *Данте* — в *Данта*. «Странная мысль, — писал Грот (1876), — от каждого русского требовать умения читать на всех европейских языках и уклоняться от труда выражать чужие имена русским письмом. Конечно, они часто не могут быть начертаны удовлетворительно; но в таких случаях не лучше ли к русскому их изображению прилагать в скобках подлинное?».

Займствуясь, иностранное слово становится словом своего языка, частично подчинившись его фонетическим, орфографическим и прочим нормам. Как бы «особо» ни было оно написано, читатель без специального изучения вновь введенных в алфавит знаков и без тренировки в иностранном произношении никогда не прочтет данное слово так, как оно произносится в языке-источнике. У него получится не хорошее иностранное слово, а ломаное свое. В связи с этим при записи иноязычных слов основное — не введение дополнительных знаков в алфавит своего языка, а оптимальное использование уже существующих в нем знаков и их сочетаний, предусматривающее употребление сочетаний нетипичных и даже невозможных при записи слов своего языка.

Число и характер заимствований менялись от эпохи к эпохе, менялось и отношение к ним в принимающем языке. Самые старые заимствования опирались на фонетику принимающего языка и потому сильно искажали облик иноязычного слова. Такова, например, подпись *ANa pъиNa*, т. е. Anna re(g)ina, сделанная дочерью в. кн. Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за короля Франции Генриха I, на грамоте, выданной в 1063 г. от имени ее

малолетнего сына Филиппа I, где *ъ* после *р* указывает на твердый слог, поскольку *ъ*, ближе соответствовавший исходному *e*, указывал бы на смягченное *р* (см.: *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., 1952, с. 16). В историческом документе «Списокъ посолства Ѳедора Писемского да подъячего Неудачи Ховралева какъ ся у нихъ въ Аглинской землѣ государево дѣло дѣлалось, 7090 г.» английская фамилия Richmond передана как *Рычман* (гласный *-ы-* после *р* — попытка изображения твердости *р*), топоним Greenwich — *Гриновичи* и *Греновичи*, в соответствии с русской моделью *Мосты*, *Грачи* (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т. 2, 1581—1604).

«Подгоняя» иноязычное под систему своего языка, пишущий испытывал затруднения. Об этом говорят разные варианты написания заимствованных слов, всегда свидетельствующие о том, что слово ищет свое место в системе принявшего его языка. По свидетельству Я. К. Грота (1876, 334), в русском языке «самым сильным искажением отличаются те греческие и еврейские имена, которые, при введении христианства в Россию, стали при крещении даваться русским людям». В Петровскую эпоху, когда иностранные слова буквально наводнили русскую лексику, появляются заимствования, сделанные с учетом произношения и написания слов в языках-источниках. Многие из них вошли в «Лексикон вокабулам новым» — словарь иностранных слов, составленный самим Петром (см. Н. А. Смирнов 1910), однако устные заимствования, не подкрепленные письменным образом слов, продолжались и при Петре, особенно в ряде специальных подъязыков. Так проникли в русский язык многие термины мореходства: *аврал* из англ. over all, *рынду бей* из англ. ring the bell, *мичман* из англ. midshipman. Петр I называл Амстердам *Астрадамом*, подобно Ивану Грозному, который называл Стокгольм — *Стекольна*.

В XVIII в. появляются и письменные заимствования, сделанные без учета произношения имени в языке-источнике, заимствования книжного характера, не поддерживаемые живой устной речью, нередко из языков отдаленных территорий, с которыми не было непосредственного контакта: *Гвадалквивир*, *Мексика*, *конквистадор*, вместо *Гуадалькибир*, *Мехико*, *конкистадор*. Немаловажную роль

при этом сыграли переводчики, воспитанные на новолатинских и немецких образцах.

Нарастающая волна заимствований из западных языков в период после Петра I, следование западным образцам в области издания периодической и справочной литературы, развитие жанра переводной литературы — все это резко увеличило число иноязычных слов, и в особенности собственных имен, в повседневном употреблении образованных людей России и требовало выработки определенного отношения к ним и, в частности, определенной системы записи. Однако системность могла прийти лишь спустя некоторое время после того, как началось массовое заимствование, ибо обобщения возможны только на основе анализа значительного материала при оценке различных способов написания и произношения заимствований различных типов. Таким периодом аккумуляции материала был XVIII в., век отхода от церковных традиций и значительного расширения сферы светской литературы. Тогда же политические акты и мероприятия перестали быть узкоспециальной сферой деятельности одних лишь дипломатов, а получили широкий резонанс в кругах людей, читающих газеты. Лингвистическим следствием этого оказалось то, что иноязычные имена, лишь писавшиеся в древних актах, теперь стали произноситься, и их частотность в речи возросла.

В Москве с 1703 г. издавалась газета «Русские ведомости». Традиция выпуска периодических изданий с этого времени закрепляется в России. Число изданий и их видов возрастает, названия меняются. В 1737 г. издается «Атлас для юношества». В 1768 г., при Екатерине II, создается специальное «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», просуществовавшее до 1783 г. В 1773 г. в Москве издается первый отечественный географический словарь, выдержавший три издания, в 1787 г. выходят «Сравнительные словари» Палласа, в 1790 г. в Петербурге — «Атлас для народных училищ», в 1793 г. — новый атлас, в 1813 г. — знаменитая библиография В. С. Сопикова, в 1836 г. — «Географический атлас» П. Медникова, в 1843 г. — «Всеобщий атлас» Ф. Поздникова, в 1845 г. — «Краткий географический атлас» Барановского¹.

¹ Необходимо отметить, что эта, высоконаучная для того времени специальная литература, создавалась не на пустом месте и не была всецело навеяна западными образцами. Ей предшествовали много-

Русское историческое общество начиная с конца XIX в. осуществляет издание исторических памятников.

Что касается филологических работ, то вслед за «Разговором об орфографии» В. К. Тредиаковского (1748), «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова (1755), «Российской универсальной грамматикой, или всеобщим писмословием» Н. Курганова (1769), можно отметить «Филологические наблюдения» Г. Павского (1841), «Краткую русскую грамматику» Н. Греча (1854) и ряд других пособий. Необходимо подчеркнуть, что хотя каждый автор высказывался в указанных работах о написании слов своего языка и об отношении к написанию слов иноязычных (см. ниже), всеобщей орфографии с едиными обязательными нормами в те времена еще не было.

Заемствования XVIII и первой половины XIX в. носили ярко выраженный книжный характер. Они были сделаны письменно, в России, без живого общения с людьми, создавшими эти слова или носившими эти имена. Писали *Севилла*, *Бирон*, вместо *Севилья*, *Байрон*, *сир*, вместо *сэр*, и лишь с 40-г гг. прошлого века в заимствованных словах, особенно в именах собственных, начинается, с одной стороны, фонетизация побуквенных заимствований и, с другой стороны — приближение устных заимствований к исходному написанию.

Несмотря на то, что широкий приток иностранных специалистов в Россию в XVIII—XIX вв. создавал известную иноязычную среду, где иностранные имена активно употреблялись в своем оригинальном виде, в общении с русскими эти лица русифицировали свои имена (*Карл Иванович*, *Август Иванович*, *Иван Яковлевич* и т. д.). Следовательно, эта языковая стихия не могла оказать существенного влияния на произношение и написание иноязычных имен русскими. Ездившие за границу лица изучали в основном различные технические науки: кораблестроение, навигацию, фортификацию и т. д. и мало интересовались филологической стороной.

На этом фоне своего рода исключением был Ф. В. Каржавин, много путешествовавший по разным странам и

численные рукописные книги, отошедшие от церковных канонov, но еще не полностью с ними порвавшие, см., например, «Козмографию» из рукописного фонда Ундольского (ф. 310, № 704, ВГБЛ).

отличавшийся тонкостью филологического наблюдения. В своих записках Ф. В. Каржавин намеренно изменил написание многих иностранных названий (в частности, *англишский* язык, т. е. английский), отмечая, что сложившаяся русская передача не соответствует их подлинному звучанию. Вопреки традициям переводчиков, он ратует за передачу иноязычных слов в соответствии с их произношением. Однако его индивидуальное употребление не изменило всеобщей практики.

Тезис о передаче иноязычных слов в соответствии с их произношением — основной в дискуссиях XIX в. Однако понимался он, как представляется, по-разному. Еще В. К. Тредиаковский (1748, 233—241) писал о том, что «заимствованные слова следует передавать по произношению русскими буквами. Состав иностранного слова понятен только ученым». Это последнее добавление заставляет нас воспринимать высказывание В. К. Тредиаковского так, что иностранные слова следует передавать в соответствии с их традиционным обрусевшим произношением, не вникая в их морфологический состав в языке-источнике.

Высказывания о необходимости следовать и н о з ы ч н о м у произношению при передаче заимствованных слов находим у Н. И. Греча (1827)² и И. И. Давыдова (1852), Я. К. Грота (1876, 331). Однако следование произношению языка-источника или языка-посредника возможно лишь до определенной степени. В связи с этим В. Я. Стоюнин (1862) отмечал, что «Слова иностранные... принявшие русские окончания и приставки, должно писать согласно с нашим произношением»³. Таким образом, Стоюнин ратовал за написание заимствованных слов в соответствии с их русифицированным произношением. В частности, он предлагал писать *голанец*, *голанский*, *лапланец*, *финлянец* (без *д*), хотя это стирает на письме связь указанных слов с названиями *Голландия*, *Лапландия*, *Финляндия*. В. Я. Стоюнин считал, что его предложение устраняет пестроту и разноречивость в написании этих слов. Отголоски спора о примате обруселого произношения или иноязыч-

---

² «Имена иностранные пишутся русскими буквами как можно ближе к точному произношению оных на родном языке» (Греч 1827, 84, 149—150, 550, 553, 561).

³ Это предложение В. Я. Стоюнина было принято орфографической комиссией 1862 г.

ного выговора при написании заимствованных слов продолжались и в XX в. Л. В. Щерба (1931) констатировал наличие двух тенденций: писать *Шекспир*, *Бэкон*, *Крузо*, *Чемберлен* (то есть так, «как привыкло к ним русское ухо») и *Шейкспир*, *Бэйкон*, *Крузоу*, *Чеймберлейн* (в соответствии с произношением в языке-источнике).

Однако в XIX в. был нащупан и иной путь передачи иноязычных заимствований. В. В. Григорьев (1850) писал о том, что основой должно быть и не написание, и не произношение, а стремление к передаче слов как определенных целостных единиц. Превращение у местного населения названия *Шлиссельбург* в *Шлюшин*, *Херсонес* в *Корсунь* или слов *франки* во *фряги*, а *норманны* в *мурманы* или *урмяне* — «топорная работа», на первый взгляд, но работа, отражающая языковые процессы, отражающая восприятие непонятных чужезычных комплексов и перестройку их в заимствующем языке, при этом — «работа всегда систематическая». С этим замечанием В. В. Григорьева перекликается высказывание И. И. Давыдова (1852) о заимствованных нарицательных именах: «Некоторые из иностранных слов изменились в произношении и в правописании, потому что каждый народ оставляет на заимствованных у других народов словах свой собственный выговор. Так изменилось произношение, вместе с тем и правописание, в словах: *биржа* (Börse, bourse), *кирка* (Kirche), *мачта* (Mast), *пластырь* (Pflaster), *тарелка* (Teller), *слесарь* (Schlosser), *футляр* (Futtermal), *салфетка* (Serviette), *табакерка* (tabatière), *шлюпка* (chaloupe). От этих слов образовались производные: *мачтовый*, *салфеточный*, *слесарный*, *шлюпочный*; а потому они уже не могут быть возвращены к произношению, более близкому к подлинникам».

Таким образом, в процессе освоения иноязычных заимствований в русском языке сложились определенные традиционные типы слов, которые сейчас едва ли целесообразно ломать в угоду произношению в языке-источнике. Тем не менее, как явствует из высказываний различных авторов (ср. Грот 1876, 334), при заимствовании новых слов не нужно следовать старым образцам; необходимо стремиться к максимальной близости заимствования к иноязычному оригиналу.

В начале XX в. возникла Орфографическая комиссия Академии наук под председательством Ф. Ф. Фортунатова,

которая обсуждала вопросы, оставшиеся на повестке дня и ныне и входившие также в круг вопросов, разбиравшихся различными орфографическими комиссиями 30—40-х гг. XX в. (Главнаука, Наркомпрос, АН СССР, ГУГК, БСАМ, Морской атлас, редакции энциклопедий, издательства и т. д.)

Параллельно с Фортунатовской комиссией была организована специальная комиссия при Географическом обществе под председательством Ю. М. Шокальского, в задачи которой входило упорядочение написания географических названий. Комиссия работала в 1904—1907 гг. Она объединяла крупнейших лингвистов и географов того времени. Комиссией был составлен список из 438 нарицательных родовых определяемых слов, употребляющихся в составе географических названий. В числе вопросов, обсуждавшихся в комиссии Ю. М. Шокальского, были: передача *h* в различных иноязычных названиях, дифтонгов с *i*-глайдами, гласных типа *ö*, *ü*, польских сочетаний *le* и *te*, употребление удвоенных гласных и согласных и т. д. В задачи комиссии входило составление инструкций по русской передаче географических названий различных стран и территорий, при этом допускалась различная подача названия на карте атласа и в указателе к нему, поскольку указатель рассматривался как своего рода географический словарь, где можно было приводить различные диалектные формы названий, выявленные при полевом сборе материала, а также формы, более близкие к подлинному произношению в случае традиционных названий, или формы, свойственные обоим языкам двуязычной территории, а не только какому-нибудь одному, с которого ведется передача. Разумеется формы, помещенные на картах, должны были при этом особо выделяться, а от форм, не нанесенных на карту, делаться соответствующие отсылки. См. Шокальский 1904—1907.

Большинство этих начинаний, к сожалению, не было проведено в жизнь ⁴. Вновь к этим вопросам вернулись лишь в 30-е гг., когда было создано Главное управление геодезии и картографии, приступившее к выпуску инструкций по передаче географических названий различных

⁴ После 1907 г. отметим лишь работу Ф. В. Езерского, посвященную принципам транскрипции (1911), основной идеей которой является объединение алфавитов латинского и русского в единый алфавит для Запада и Востока.

стран и территорий. Характерной для эпохи 30—40-х гг. была фонетизация транскрипции, резкий отход от традиционного написания и произношения, даже в ущерб фонематической структуре слова. Таким образом, тенденция, наметившаяся в 30-е гг. прошлого века, была реализована лишь в 30-е гг. нынешнего. И поскольку осуществление ее готовилось столь долго, эта тенденция проявилась слишком резко. Поэтому в 50-е гг. XX в. начинается новый этап развития практической транскрипции — критический пересмотр инструкций первых выпусков, включение в них теоретико-лингвистических обоснований, построенных на последних достижениях теоретической и прикладной лингвистики. Пересмотр этот оказался особенно необходимым в связи с тем, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. ряд вопросов, касающихся написания иноязычных слов и, в частности, географических названий, получил неудовлетворительное решение, не устраивающее ни лингвистов, ни географов, ни библиографов. С этой целью при Отделении литературы и языка АН СССР была организована Комиссия по упорядочению написания и произношения собственных имен, действовавшая с 1961 по 1963 г. Комиссией выпущены сборники «Топономастика и транскрипция» (М., 1964), «Принципы топономики» (М., 1964), «Орфография собственных имен» (М., 1965). В 1962 г. была организована орфографическая комиссия АН СССР, активно действовавшая до 1965 г. В заседаниях комиссии участвовали также географы, картографы, транскрипторы; ставились вопросы о написании собственных имен. Результаты работы комиссии опубликованы в виде отдельных разработок и статей в сборниках Института русского языка АН СССР.

Разнобой в практической транскрипции, к которому привела изолированная работа организаций, занимающихся транскрипцией, частичная подмена транскрипции транслитерацией, соблюдение и несоблюдение традиций и реальная возможность по-разному изображать одно и то же в связи с условным характером транскрипции осложняет редакционно-издательскую практику, библиографическую и картографическую работу, было и остается актуальной проблемой.

Расширяющееся с каждым годом международное общение, заграничные поездки, издание реферативных жур-

налов и проч. увеличивают количество иностранных имен собственных, заимствующихся в языки нашей страны. Часто при более тесном общении с представителями отдельных стран старые традиции приходят в столкновение с языковой реальностью и отмирают, вытесняясь новыми формами имен.

Большие политические и экономические преобразования, происходящие в мире, в особенности в Африке и в Азии, очень быстро меняют политическую карту мира. Наши официальные органы следят за этим и вносят соответствующие коррективы в географические, картографические и политические издания. Однако литературный язык не успевает аккумулировать их, ср. несоответствие имен собственных и образованных от них традиционных словосочетаний: *гулльский инцидент* и измененное название города *Гулль—Халл*, *ангорские козы* и изменение *Ангоры* в *Анкару*, *карлсбадская соль* и изменение названия *Карлсбад* на *Карловы Вары*, откуда новое название той же соли *карловарская*.

Национальный литературный язык живет традициями. В этом его отличие от языка официальной документации, который меняется значительно быстрее. Ломку традиции и преемственности русской культуры создает также отказ от традиционности названий, уже объявленных традиционными, как, например, *Виндзор*, *Гувер*, *Гаттерас*, которые стали *Уинсор*, *Хувер*, *Хаттерас* (хотя остаются *«Веселые виндзорские кумушки»*, сенатор зовется *Гувером*, а капитан — *Гаттерасом*). *Порт-Артур* и *Дальний* зовутся теперь *Люйшунь* и *Людда*, при сохранении названия романа А. Степанова *«Порт Артур»*.

Для упорядочения вопросов практической транскрипции в Москве была создана постоянно действующая Межведомственная комиссия по передаче географических названий. При Международном комитете славистов образована транскрипционная комиссия, занимающаяся передачей имен неславянских языков с помощью средств языков славянских, а также передачей имен одних славянских языков на другие.

К числу наиболее необходимых практических мероприятий в этой области относится создание постоянно действующей Всесоюзной комиссии, которая ведала бы всеми сферами применения транскрипции и транслитерации и решения которой были бы обязательны для всех

печатных изданий Союза. В задачи комиссии должно входить установление правил и норм передачи имен собственных как с иностранных языков на русский язык и на языки народов СССР, так и с русского языка на языки народов СССР и обратно, а также унификация уже имеющихся транскрипций имен собственных и терминов и устранение разнобоя в транскрипции. Немаловажное значение имеет при этом и разграничение сфер применения практической транскрипции и транслитерации и создание специальных дополнений к основным правилам русской орфографии.

Практически эта унификация должна выражаться в том, чтобы наладить выпуск словарей транскрипции имен собственных различных типов. Словари эти могут быть аналогичными орфографическим словарям, унифицирующим написание имен нарицательных. Кроме того, в словарях должно быть помечено ударение, обеспечивающее правильное произношение имен собственных. Первым шагом в этом направлении можно считать словари, выпускаемые Главным управлением геодезии и картографии, но это лишь начало, требующее дальнейшего очень интенсивного развития. Поскольку в издательской практике по разным причинам установление правильной транскрипции часто бывает затруднено, словари эти должны предвосхищать ее запросы и давать не только уже встретившиеся имена, но и те имена, которые могут встретиться в будущем.

В Организации Объединенных Наций начата работа по стандартизации географических названий. См. Комков 1976, Литвин 1976. См. также следующий раздел.

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТИЗАЦИИ

Вопрос о передаче иноязычных слов средствами своего языка возникает в каждой стране и получает различное решение в зависимости от графических возможностей государственного языка данной страны. Например, в таком крупном географическом регионе, как Юго-Восточная Азия, для обеспечения точности работы почты пришлось ввести систему написания адресов с помощью латинского алфавита, поскольку пересылка корреспонденции из Индии, в соседнюю Бирму, пользующуюся своей оригинальной системой письма, без какой-либо общей графической основы для обозначения адресов

была бы практически невозможной. При различных возможностях латинской передачи собственных имен этих языков один из способов утверждается правительством в качестве официально принятого государственного стандарта. В настоящее время подобные стандарты имеются далеко не во всех странах.

В последние годы в международных организациях ставится вопрос о стандартизации написания географических названий, т. е. о подыскании для них единой международной формы (Bärsan 1974, Dorion 1975). Проблема эта осложняется вследствие различия алфавитов, различия традиционных форм, принятых в отдельных странах для обозначения хорошо известных объектов, и в связи с наличием многонациональных государств, где географическая номенклатура употребляется в формах, свойственных двум или нескольким различным языкам.

Стандартизация может проводиться на основе какого-либо национального языка или на основе искусственно созданной системы. Например, в географических справочниках и газеттирах, издаваемых в США, названия неанглоязычных территорий передаются в практической транскрипции (в их терминологии — транслитерации), ориентированной на правила чтения в английском языке (ch — [ч], sh — [ш] и т. д.). Свои газеттиры американцы предлагают в качестве международных списков стандартизированных названий.

Вопрос о международной стандартизации возникает и в ряде других наук. Например, международные конгрессы, посвященные стандартизации анатомической, гистологической и др. номенклатур, рассматривали проекты, составленные на основе латыни как международного языка науки, несколько искусственного, но абсолютно нейтрального, а также на основе английского языка. Последнее по существу означало бы отказ от международной и принятие одного из национальных вариантов названия в качестве международного стандарта.

Существуют различные подходы к стандартизации и различное понимание этого термина (который, кстати, признается не всеми).

Прежде всего стандартизованы могут быть лишь строго определенные группы слов: термины и номенклатура различных областей знания, в том числе географические.

Фамилии, как слова в высшей степени индивидуальные, не могут быть стандартизованы. В противном случае они потеряют свою индивидуальную закреплённость за отдельными семьями и перестанут выполнять свою юридическую функцию. Принципиально вне стандартизации находятся товарные знаки — строго индивидуальные метки отдельных товаров и услуг.

По отношению к личным именам и именам нарицательным следует скорее говорить о кодификации, т. е. о принятии одной из существующих форм имени в качестве основной, ведущей. Стандартизироваться могут и должны научные понятия и их дефиниции в национальном и международном употреблении.

Возникшая в 30-е и преобразованная в 50-е гг. Международная организация стандартов (ISO) в своих рекомендациях разъясняет: «Цели [рекомендации ИСО «Принципы номинации»] — обеспечить лиц, занимающихся терминологией, рядом принципов, предназначенных для того, чтобы помочь им унифицировать и стандартизировать существующие или создать новые понятия и термины» (ISO R 704, 1968).

Можно стандартизировать не только условную закреплённость известных имен за определёнными объектами, но и способы их передачи средствами другого языка или какой-либо искусственной системы. С этой целью ISO приняла специальные стандарты по транслитерации. Эти стандарты могут распространяться на имена любых типов, потому что касаются не самих имен, а только способов их письменной фиксации (см. библиографию).

Помимо стандартизации понятий, слов и способов их передачи, существует и стандартизация промышленной продукции — многочисленные технические стандарты, предписывающие точные размеры, вес, объём отдельных деталей и целых конструкций, сортовые и товарные свойства отдельных веществ, процент содержания компонентов в сплавах, смесях, пищевых концентратах и т. д. Между указанными стандартами имеется принципиальная разница: если стандарты на промышленную продукцию обязательны, обязательны и несоблюдение их карается, то стандарты на понятия, слова и способы их передачи называются рекомендациями. Их не навязывают, а предлагают, прекрасно понимая, что несоблюдение их может свидетельствовать не о злонамерении, а о каком-

либо недостатке самого стандарта. В связи с этим стандарты-рекомендации периодически пересматриваются. Рекомендации рассчитаны прежде всего на сознательность лиц, их применяющих, на то, что каждый понимает, что при едином обозначении вещей взаимопонимание будет достигнуто скорее.

Возможно двоякое понимание стандартизации применительно к географическим названиям: 1) закрепление за каждым объектом строго фиксированной формы обозначения в национальном языке и в международных публикациях; 2) написание названий отечественных географических объектов в строгом соответствии с их произношением, а зарубежных — в соответствии с правилами национальной и международной транслитерации. Этой точки зрения придерживается, например, А. Бэрсан (1974), считая, что в силу своей интернациональности собственные имена обязаны иметь международную стандартизованную форму. Он высказывается за графическую унификацию географических названий в мировом масштабе. За основу предлагает брать официальное национальное написание для стран, пользующихся латинским алфавитом, и официально принятую или традиционную международную транслитерацию.

А. Дорион (1975) считает, что стандартизация географических названий должна проводиться в несколько этапов и на различных уровнях: локальном, национальном, региональном и интернациональном. Первая проводится в рамках города или деревни, вторая — в рамках государства, третья — одновременно несколькими соседними государствами и, наконец, четвертая — международными организациями.

Наличие так называемых экзонимов (не слишком удачный термин Оруссо, вошедший, однако, в широкое употребление в международных организациях), т. е. традиционных форм иноязычных топонимов, пишущихся и произносящихся в данном языке вопреки их национальному написанию и произношению, мешает последовательному осуществлению как первого, так и второго подхода к стандартизации географических названий. К числу экзонимов относятся, например, русские традиционные *Рим*, *Париж*, *Вена*, славянское название итальянской реки *По* — *Пад* (Pad), немецкое название озера *Балатон* — Plattensee и др.

Если за каждым объектом закреплять строго фиксированную форму названия, то какую форму избрать в качестве эталона в международных публикациях при первом подходе? Национальная форма экзонимов нередко бывает менее известной, чем «неправильная» традиционная. Если же идти вторым путем, то исправление традиций и приведение их в соответствие с правилами транслитерации также вызовет возражения, поскольку в обновленном виде имя будет лишено своей общеизвестной информации.

В любом случае стандартизованная номенклатура окажется особой системой, стоящей особняком от народного национального употребления, поскольку идея стандартизации противоречит основному условию существования собственных имен в живом языке, потому что естественное развитие их немыслимо без варьирования и вне варьирования. Стандартизация же предполагает жесткую застывшую систему, запрещающую какие бы то ни было отклонения. Если считать, что имя реально живет в речевых ситуациях, то стандартизированное имя либо не будет в них включаться, оставаясь лишь в деловых бумагах, либо будет неизбежно подвергаться изменениям в речи, вследствие чего произойдет расщепление их на официальные и неофициальные географические названия (как сейчас различаются официальные и неофициальные личные имена), а основополагающая идея, что основная форма географического названия — это форма его в устах местного населения, окажется попорченной.

Безусловно, стандартизацию легче провести там, где общегосударственный язык один — США. Многочисленные представители других народов (французы, итальянцы, литовцы, испанцы и др.) занимают там ограниченные территории, не имеют своей государственности и активно вовлекаются в «американизацию», натурализуясь в США. Наши республики, обладающие своей государственностью, идут по другому пути. Стандартизация их топонимов, которая могла бы быть проведена на базе общегосударственного русского языка, привела бы к большому разрыву национального и стандартизированного, т. е. не изжила бы положения, при котором существует двойная номенклатура.

Положение в нашей стране исторически складывалось как раз наоборот. В конце XIX—начале XX в. у нас

была более или менее единая географическая номенклатура, которую можно было бы назвать стандартизированной русской номенклатурой. Она легко могла бы послужить основой международного стандарта, но была очень далека от местного произношения топонимов. А поскольку в России издавна основополагающим был тезис, что правильное произношение топонима — это его местное произношение, то в XX в. отчетливо проявилась тенденция дезинтеграции традиционных стандартизированных форм, придания географическим названиям их местно колорита и национальной специфики. Начиная с работы И. А. Бодуэна де Куртенэ в комиссии Ю. М. Шокальского (1905) и до современных работ Отдела географических названий ЦНИИГАИК все усилия были направлены к отказу от русских традиций в пользу национального написания и произношения. Особенно отчетливо ощущалось это в тюркских языках, близких друг другу и фонетически, и по лексическому составу слов. В связи с этим ставился вопрос о возможности возвращения к старым традиционным этимологическим формам названий. Так, предлагалось, например, свести формы *Кизыл-Арват* и *Гызыларбат* к исторической форме *Кызыл-Рабат*. Однако от этого отказались, и каждый национальный язык пошел по пути развития своей национальной географической номенклатуры на основе живых форм национальных языков, т. е. по пути, в известном смысле противоположному проводимой на Западе «стандартизации».

В связи с тем, что за последние годы в Международных организациях ставится вопрос о стандартизации названий, по-новому рассматривается и вопрос о названиях традиционных.

Большую работу по стандартизации географических названий в течение последнего десятилетия проводит Организация Объединенных Наций. Состоялись три (1967, 1972 и 1977) международные конференции. В документах проведенных конференций даются рекомендации относительно различных типов стандартизации и относительно того, какие формы названий в каких типах документов употреблять. При этом предполагается, что каждым этапом стандартизации будет заниматься компетентный орган. См. UNO 1967a, 2; 1972d, 13.

В соответствии с продолжающейся работой группы экспертов ООН по стандартизации географических названий II конференция рекомендовала следующую дефиницию: «Международная стандартизация географических названий есть деятельность, направленная на фиксацию одной или нескольких графических форм, хорошо определенных для каждого географического названия на земле и для топографических объектов других тел солнечной системы посредством стандартизации на национальном уровне и/или посредством международного соглашения при одновременном установлении соответствий между различными системами письма» (UNO 1972i, 60, перевод мой. — А. С.).

Работа экспертов ООН включает множество вопросов как чисто лингвистических, так и административных и технических. К их числу относятся, например: определение локальной формы топонимов, употребление диакритических значков, транслитерация, случаи перевода топонимов, написание имен бесписьменных языков, топонимы в многоязычных областях, названия объектов, расположенных в морях, включая подводные объекты, наименование объектов за пределами земного шара и мн. др. При этом отмечается тенденция к ликвидации экзонимов, гибридных и омонимичных имен, ненужных переименований. По каждому из этих вопросов на Лондонской конференции (1972) были представлены сотни документов.

Большая работа в области транскрипции иноязычных имен, в особенности географических названий, проводится за последнее время в Болгарии (см. Андрейчин 1974). Болгарский язык пользуется, как и русский, кириллическим письмом, использует те же принципы передачи, но не имеет столь давних и прочных традиций, как русский язык, в особенности язык русской художественной литературы. В связи с этим болгары более ригористично, чем эксперты ООН, настроены в отношении традиционных имен. Например, М. Данева (1972) отмечает, что большинство традиционных географических названий в мире возникло в результате применения в прошлом различных форм транскрипции, которые Международный комитет стандартизации (ИСО) в настоящее время не рекомендует. Кроме того, среди них есть произвольно сложившиеся старые и целенаправленно

заимствованные новые. Она считает, что в настоящее время нет предпосылок для возникновения новых традиционных названий, но употребление уже существующих противоречит тенденции международной стандартизации, тормозит общение представителей разных стран. Она предлагает искоренять традиционные названия, оставляя на картах лишь самые устойчивые из них, да и то в качестве вторых, в скобках.

Такая постановка вопроса означает отказ от национального, в частности, от традиций национальных литературных языков. Полагаю, что подобная стандартизация возможна в служебных списках типа международных почтовых справочников, но не в живых национальных литературных языках.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАКОВ РУССКОГО АЛФАВИТА ДЛЯ ЗАПИСИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Как было показано выше, при записи иноязычных слов главное внимание должно быть сосредоточено на оптимальном использовании знаков, имеющихся в алфавите своего языка, и их сочетаний, а не на пополнении своего алфавита новыми знаками, ненужными при написании слов своего языка. Об этом писали Н. И. Греч (1834, 561), Г. П. Павский (1850), отмечая, что «для иноземных слов дозволительно сочетание вовсе несродное нашему языку» и что при этом «не обращается внимания на несочетаемость некоторых букв» (*Пакье, Кялта, Кюмень, Жюльен, Ришельё*).

Пределы сочетаемости непривычных для нашего языка последовательностей графем не регламентируются правилами его орфографии, поскольку при передаче слов различных языков они могут быть каждый раз особыми, вытекающими из свойств системы последнего и из специфики того, как вписываются они в систему принимающего языка. Анализ материала показывает, что возможности сочетаемости знаков русского алфавита далеко не исчерпаны, а изучение этих возможностей едва начинается.

Параллельно с вопросом о пределах взаимной сочетаемости знаков русского алфавита ставится и вопрос о правомерности расширения функций отдельных букв, т. е. о допустимости их употребления для показа таких звучаний или отношений, которые им обычно в системе русского языка не свойственны (см. ниже об *э* и *ъ*).

Фонемный состав заимствованных слов (нарицательных и собственных имен) в русском языке обуславливается их фонемным составом в языках-источниках. Однако в связи с возможностью различным образом передавать одни и те же иноязычные фонемы средствами русского языка, а также в связи с тем, что по отношению к иноязычным словам у нас издавна сосуществовали две тенденции: а) передавать их ближе к иноязычной графике, б) передавать их в соответствии с их произношением (иноязычным или русифицированным) — многие иноязычные слова или морфемы попадали в русский язык в нескольких вариантах и имели непостоянный, колеблющийся фонемный состав.

Утвердившееся в настоящее время русское написание заимствованных слов в известной мере есть следствие деятельности отдельных орфографистов и орфографических комиссий. Еще раз подчеркнем, что заимствованные слова, и в том числе номены, термины и имена собственные, — та сфера лексики, где планомерное и сознательное воздействие орфографа возможно в максимальной степени. Сохраняющееся до настоящего времени варьирующее написание ряда заимствованных слов отражает разный фонемный состав по существу одних и тех же лексем в русском языке. Предложения относительно изменения написания иноязычных слов встречаются в русской общей и специальной литературе в течение по крайней мере последних двухсот лет. В отличие от общих орфографических предложений, носящих более или менее общий характер, предложения относительно усовершенствования транскрипции или исправления уже существующих написаний заимствованных слов носят частный характер, затрагивая отдельные явления, наблюдающиеся в тех или иных группах иноязычных слов и не свойственные русскому языку в целом.

Для того, чтобы иметь возможность судить о правомерности определенных написаний, нами была составлена выборка из наиболее часто употребляющихся в русском языке иностранных слов, куда вошли основные заимствования, встречающиеся в литературном языке, а также общеизвестные термины и номенклатурные обозначения ряда наук и областей техники. Слова были взяты из различных словарей, в том числе орфографических, терминологических, словарей иностранных слов. Обзор,

сделанный на основе этой выборки, показывает, что проблемы, обсуждавшиеся орфографистами прошлого века, не потеряли своей актуальности и что колебания, наблюдавшиеся в течение длительного времени в написании многих заимствованных слов, в ряде случаев оказались узаконенными. Так появились равноправные орфографические варианты многих заимствованных слов.

Всего рассмотрено 11 745 заимствованных слов. Из них вариативное написание, вытекающее из различных возможностей передачи гласных и согласных, имеют 355 слов, кроме того, в различного рода уточнениях нуждаются 43 слова, в унификации с написанием родственных слов нуждаются 45 словообразовательных гнезд. Если же включить сюда и проблему принятия или непринятия написания удвоенных согласных, то окажется, что 1545 заимствованных нарицательных имен все еще нуждаются во вмешательстве орфографистов.

Нередко варьирующее написание свидетельствует о том, что интересующее нас слово заимствовано дважды (из разных источников или в разное время из одного и того же языка-источника), вследствие чего оно было записано в соответствии с разными правилами; или, наконец, это может свидетельствовать о специализации слова в отдельных подсистемах русского языка (у моряков, химиков и т. д.). Попытка унификации двойных написаний иноязычных слов в орфографическом словаре 1956 г. не решила проблемы, поскольку в одних случаях оба варианта написания даны без указания, которое предпочтительнее (*траулер* и *тралер*), в других случаях унификация была проведена без консультации со специалистами (например, за основу было принято бытовое *камфара*, в то время как в системе номенов фармации слово это поддерживается латинским соответствием *samphora*). Ряд слов с колеблющимся написанием вообще не вошел в словарь 1956 г., а отраслевые словари и словарь иностранных слов дают подчас разноречивые рекомендации относительно их написания (*эвкомия* и *эйкомия*, *аутопсия* и *автопсия*, *вади* и *уади* и т. д.)⁵.

---

⁵ В Орфографическом словаре 1974 г. проводится размежевание: *траулер* (рыболовное судно), *тралер* (тральщик); кодифицируются оба варианта: *камфара* и *камфора*; дается *эвкомия*; слов *аутопсия* и *вади* нет.

Отметим также отсутствие единства в «гнездах» слов, свидетельствующее о том, что гнездо еще не «сцементировалось»: *аккомпанемент—аккомпаниатор, дискуссия—дискутировать, диффузия—диффундировать, мюльтиль—мультипликация, перкуссия—перкутировать, прогноз—прогностика; алевролит и алейрометр; телевидение—телевизионный, инъекция—инъецировать, инфекция—инфицировать, трансмиссия—трансмисстер, форзейль, но топсель, формула, но формуляр, эмфаза—эмфатический, эпилепсия—эпилептик, тангенс, тангенсоида, но тангенциальный, эмергенцы, но эмерждентный* и т. д. Здесь гнездо основывается на понятийной связи заимствованных слов. В качестве словообразовательных средств в них использованы не русские, а иноязычные аффиксы, поскольку русским языком заимствовалась не какая-либо одна лексема, ставшая основой гнезда, а отдельно иноязычное существительное, прилагательное и глагол, каждое слово со свойственными ему в языке-источнике или в языках-источниках аффиксами и чередованиями.

Следование иноязычному написанию и произношению при заимствовании слов возможно лишь до известного предела, определяющегося фонетико-орфографическими требованиями заимствующего языка. Чем они строже, тем ограниченнее возможности следования оригинальному произношению и написанию. Нестрогие в данном случае нормы русского языка приводят к указанной непоследовательности. Таким образом, стремление точно следовать произношению и написанию оригинала при передаче имен нарицательных противоречит одному из принципов русской орфографии — единому написанию одних и тех же морфем в составе родственных слов и проверке безударных гласных ударными.

Ниже мы подробно остановимся на тех случаях, когда специфика русской графики и орфографии препятствует однозначной записи заимствованных слов. Как правило, это типовые проблемы, единообразное решение которых не могло быть установлено веками.

Использование гласных букв

Из проанализированных нами 11 745 слов 127 испытывают разнообразные колебания гласных, являющиеся следствием прочтения одних и тех же греческих слов по Эразму и Рейхлину, заимствования из разных языков, попыток подгонки под русские словообразовательные модели и т. д.: *сульфадимезин/сульфодимезин, рекогносцировка/рекогносцировка, визирь/везирь, григорианский/грегорианский, катехизис/катихизис, камфора/камфара, конвертер/конвертор, тахиметр/тахеометр, мадаполам/мадеполам, метампсихоз/метемпсихоз, сантимент/сентимент, бейсбол/бесбол, пальмейра/пальмира; туннель/тоннель, скунс/сконс, бунгало/бенгало, зюйд/зюд, ойкумена/эйкумена, ср. экуменизм; ойкология/экология, кизик/кязик, пуансон/пуңсон, рейсмас/рейсмус и т. д.* Остановимся на отдельных типах варьирования.

Буква э после гласных и согласных. В словах русского языка эта буква означает нейотированное [э] в начале слова и после гласных: *это, поэтому*. Употребление ее после согласных русскому языку несвойственно. Букву э более столетия пытались вообще не пустить в русский алфавит, хотя она была введена в нашу печать вскоре после установления гражданской азбуки (1708 г.). Ее отрицали вслед за Крижаничем Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. Паллас в своих «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1786—1787) не употреблял э. Полноправное гражданство обрела эта буква лишь в начале XIX в., но и в XX в. иногда встречаются написания *Есфирь, Езон* и т. п. Вскоре после того, как она все-таки вошла в алфавит, появились предложения исключить ее, продолжавшиеся до 30-х гг. XX в. В XIX в. ее продолжали игнорировать Державин, Крылов, Калайдович. Обобщая доводы за и против э, Я. К. Грот (1876, 313—316) писал: «Несмотря на продолжительные гонения, буква э как знак, отвечающий действительной потребности, удержался в нашей грамоте. Но, как бы в вознаграждение за стеснение прав буквы э в начале слогов, в последнее десятилетие стали все более и более давать ей такое назначение, о котором первоначально вводившие ее вовсе и не думали, т. е. употреблять ее после согласных. Многие пишут... *мэр, тэма, Жэрвэ*. Правило такого употребления нигде не высказано, и мы можем

только догадываться, что так пишут для изображения иностранного открытого звука (фр. è, нем. ä, англ. ai, au) и для означения, что предыдущая согласная должна произноситься без отончения.

Различные современные словари отмечают колебания в написании *э/е*. Так, после гласных и в начале слова встречаются колебания типа *алое/алоз*, *миелит/мизлит*, *пиетет/пизет*, *есаул/эсаул*, *Есфирь/Эсфирь*, *Еразм/Эразм*, *Ераст/Эраст* и т. д.

В «Правилах» 1956 г. была сделана попытка регламентации написания *э/е* после гласных. Исходя из того, что в одних случаях принято было писать *э* (как отражение основного принципа русской орфографии), а в других случаях *е* (если в языке-источнике имелся *j*), орфографическая комиссия решила унифицировать подобные случаи, установив правило, согласно которому после всех гласных, кроме *и*, следует писать *э*, а после *и* — *е*. Это правило продиктовано не структурой слова в языке-источнике, а фонетическими особенностями русского языка, в соответствии с которыми после [и] раствор гласного [э] несколько уже, чем после других гласных или в изолированной позиции.

Следует, однако, отметить разницу между именами нарицательными в общем употреблении и именами специальными (нарицательными и собственными), где сочетания *ие* и *из* могут служить различителями. И если в нарицательных именах, тем более в обиходных, указанное правило в какой-то степени может быть оправдано, в собственных именах включение несуществующего йота в такие антропонимы, как *Даниэль*, *Генриэтта*, *Мариэтта* или топоним *Беллиэла* едва ли оправдано. Ср. современные записи актов гражданского состояния, где указанные имена по требованию родителей пишутся с *э*⁶.

К числу наиболее актуальных и дискуссионных орфографических вопросов относится возможность написания *э*

---

⁶ В других странах, например в ГДР, родители не могут требовать той или иной записи имени в документах своего ребенка. У них кодифицированы строго определенные написания, отступления от которых практически невозможны. В нашей практике в настоящее время столь строгая кодификация отсутствует и по ряду обстоятельств едва ли может быть принята.

после согласных, чтобы показать несмягченное произношение (*мэр*).

Желание писать *э* после согласных наблюдается чаще всего в словах, заимствованных из английского языка, но и французское открытое *э* также нередко пытаются передавать русским *э*. До сих пор отмечаются колебания в написании таких слов, как *кеб/кэб*, *леди/лэди*, *бежон/бэжон* (ср. фамилию *Бэжон*), *метр/мэтр* (с разными значениями), *плед/плэд*, *смеи/смэйи*, *тейлоризм/тэйлоризм*, *хандбол/хэндбол*, ср. новые *мэгэзин*, *диспэч* в названиях английских и американских журналов.

Я. К. Грот (1876, 314—316), М. В. Сергиевский (1929, 214) справедливо указывали на то, что употребление *э* после согласных не достигает своей цели (показа исключительно широкого произношения иностранного [e], поскольку в ряде позиций русский гласный [э] произносится достаточно узко: *эти* и показа отсутствия смягчения предшествующего ему согласного, поскольку звуков [бэ], [тэ], [нэ] вовсе не знает русская фонетика). Если же и допустить такое употребление, то как быть со словами, уже заимствованными? Не переделывать же *партер* на *партэр*, *Сена* на *Сэна* и т. д. Все равно этим путем не достигается абсолютная точность в воспроизведении иностранного. Однако в ряде случаев Я. К. Грот допускал употребление *э*: *пэр*, *мэр*, *сэр*, где возможна омография с русскими *пер*, *мер*, *сер*, а также в тех заимствованных словах, где, по его мнению, *е* не должно превращаться в *ё*: *доктринэр*, *партнэр* (фр. *doctrinaire*, англ. *partner*). Характерно, что превращение это все-таки произошло, ср. современные *доктринёр*, *партнёр*.

Противоположную позицию занимал Л. В. Щерба (1931, 192—193), считавший, что «прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения» иноязычных слов и, опираясь на русские просодические явления типа *от этого*, *с этим*, *под этим*, ратовал за написание *тэ*, *дэ*, *нэ*, *сэ*, *зэ*, *рэ* и т. д. в заимствованных словах.

Безусловно, в русском языке могут быть найдены позиционные варианты, в которых фонема <э> звучит очень близко к различного типа [e] в иностранных языках. Однако, поскольку они не фонологизованы, в потоке речи они обычно ускользают от внимания говорящего

и выявляются лишь фонетистами, специально занимающимися этим вопросом. Поэтому чисто фонетический подход к тому, что может быть, но регулярно не воспроизводится, в данном случае ошибочен.

Поскольку основное при бинарной конфронтации контактирующих языков — выявление системы языка-источника и системное же перекодирование ее в знаки принимающего языка, принципиальным оказывается выявление числа фонем, похожих на наше <э> в языке-источнике, а не пристальное внимание к фонетическим свойствам единственной русской фонемы ряда [e]. Лишь после этого можно окончательно решить вопрос о способе передачи. Например, и в японском, и в русском языках имеется по одной фонеме <е>. Следовательно, при транскрипции их можно считать эквивалентами и, переводя японское <е> в наше <э>, изображать его в начале слова и после гласных как э, а после согласных как е. Некоторые японоведы не соглашались с этим и передают японское <е> во всех позициях через русское э, потому что «в японском языке нет е» (!). См., например, «Словарь японских имен и фамилий Е. А. Фолькман (М., 1953).

Такой чисто акустический подход в практической транскрипции неуместен. Верно, что японскому <е> предшествуют непалатализованные согласные. Но палатализация в фонологическом смысле японскому языку вообще не свойственна. Поэтому для языка японского безразлично, передаются ли слоги, содержащие [e], русским е или э, а в русском языке е и э репрезентируют одну фонему. В результате практикуемой сейчас передачи получается неверное восприятие японского слова русским читателем, для которого написание э сигнализирует о начале слова или его компонента. Доказательством этого может служить, например, перенос «*Так-эмотодза*» — названия средневекового японского театра («За рубежом» 16 авг. 1973 г., № 17), поскольку слог *кэ*, понятный для лингвистов, не воспринимается массовым читателем как нормальный слог внутри переданного по-русски слова.

Иногда в специальных текстах (топонимы, антропонимы) обращаются к помощи русского э для передачи особых фонем, не похожих на фонемы русского языка, используя эту букву как дополнительную возможность размежевания того, что следует различать. Например, при передаче имен монгольских языков русское э исполь-

зуется для показа фонемы, не эквивалентной русской фонеме <э>: *Дэмбэн, Ешэ, Жэмбаа, Пэгэлэй, Цындэбэ* и т. д. Русское э последовательно применяется при передаче китайских имен, где разграничиваются такие пары, как *Се—Сэ, Ме—Мэ*.

Особую проблему составляет возможность написания э после согласных на стыке морфем: *анестезия, панестезия, гиперестезия, барестезиометр*, ср. *эстезиометр; уремия*, но *токсэмия; тонзиллектомия*, ср. *эктомия*. Колебания отмечаются в слове *адекватный/адэкуватный*. Это опять-таки связано с вопросом о единстве написания морфемы и с вопросом о выделяемости морфем в сложных словах. Относится это прежде всего к терминологической речи. Быть может, для терминологической речи целесообразнее написание э, которое позволит легче членить слова на морфемы и осмысливать их, а для нетерминологической речи важнее сохранить единство правил о ненаписании э после согласных⁷.

То же касается написания собственных имен: норв. *Dalelv—Дальэльв* или *Далельв*, при *Гёта-Эльв*; нем. *Eisenerz—Эйзенэрц* или *Эйзенерц*, при *Эрц, Lichteneske—Лихтенэкке* и *Лихтенекке*, *Gerstäcker—Герстэккер* и *Герстеккер*. Здесь к вопросу о написании э или е добавляется еще вопрос о слитных или раздельных написаниях (см. ниже).

В некоторых новых русских, заимствованных или сконструированных именах пишется э после согласных: *Мартэн, Анэлла, Ирэн, Лорэс, Ленэра, Рэм*. В последнем случае очевидно влияние сложносокращенных слов и аббревиатур, ср. *Главэлектросбыт, Совэксспортфильм, Главжээнерго, нэп, БСЭ*. Таких имен много, но частотность их чрезвычайно низка.

Буква ё. Как отмечает А. А. Реформатский (1964б), потребность в особой букве для передачи [о] после мягких согласных возникла в русском письме в связи с переходом [e] в [o] под ударением не перед мягким согласным. В XVIII в. употребляли для этого лигатуру *іо* с «крышечкой» (Адодуров, Ломоносов, Барсов). В 1797 г. Ка-

⁷ Кстати, по законам русского слога деления перенос подобных терминов должен быть: *то-наи-лек-то-мия* или *тон-зил-лек-то-мия*. Написание термина через э исключает возможность переноса, нарушающего структуру термина.

рамзин вместо этой лигатуры предложил писать *е* с двумя надстрочными точками (диакритическим значком тремá). В ту эпоху было важно показать на письме отличие русских словоформ от соответствующих церковнославянских (*времѣн—времен, пленѣнный—пленный*). В XIX в. существенным было показать отличие русского от иноязычного (*одѣр—Одер, гольѣм—Гильом, гумѣн—гамен* и т. п.). Таким образом, «борьба за ё» была звеном в движении за утверждение национального самосознания применительно к письменной форме русской речи.

И. А. Бодуэн де Куртене (1912, 84) считал, что для современного ему языкового мышления значительно важнее различать *е* и *ѣ*, чем *е* и *ѣ* (ср. также Ф. Е. Корш 1902, 29; Постановление орфографической подкомиссии по докладу Ф. Ф. Фортунатова, май 1912, VI, 4—5). Подкомиссия признала употребление буквы *ѣ* желательным, но необязательным. Та же формулировка отразилась в Протоколе Подкомиссии от 11 (24) мая 1917 г., п. 5, стр. 204 и перешла в первую публикацию Декрета о введении нового правописания (Газета Временного рабочего и крестьянского правительства 23 декабря 1917 г., № 40, п. 5: «Признать желательным, но не обязательным употребление буквы *ѣ—пѣс, вѣл, всѣ*»). При вторичной публикации Декрета 10 октября 1918 г. этот пункт был опущен. В декабре 1942 г. приказом Наркомпроса РСФСР было введено обязательное употребление буквы *ѣ* в школьной практике, однако вскоре это было отменено.

В орфографических правилах русского языка 1956 г. (§ 10, стр. 11) буква *ѣ* рассматривается как факультативная, необязательная, поскольку считается разновидностью буквы *е*, отличающейся от нее лишь надстрочным значком «тремá». Однако в фонологической системе русского языка [’o] (на письме *ѣ*) коррелирует с [o]. Именно это свойство буквы *ѣ* используется при транскрибировании иноязычных имен, где с его помощью изображается совсем не [e]. Поэтому написание *ѣ* в заимствованных словах и именах обязательно. В орфографических правилах допускается возможность написания *ѣ* в специальных текстах, однако не дается разъяснения о том, что специальные тексты — это словари, справочники, географические карты и атласы, а также отдельные транскрибированные слова, включенные в общий текст.

Буква *ё* нужна и употребляется для передачи иноязычных собственных имен (*Кёльн, Гёте, Кёрёш, Ба-бёф*⁸, а также для своих малоизвестных слов (*тёша, Мстёра*) и некоторых специальных терминов (*фён, бёёф*). Буква *ё* фактически имеется в русской письменности и печати. Следует лишь регламентировать ее употребление. В частности, в географических названиях желательнее повсеместное употребление ее даже в самых знакомых словах (*Чёрное море, р. Чёрная* и т. п.). Доводов в пользу таких написаний несколько. Во-первых, потребитель ждет от карты максимальной информации и полной досказанности (без каких бы то ни было догадок) — в книге или газете контекст показывает, надо ли читать *щёки* или *щеки* и т. п. Во-вторых, каждая топонимическая система складывается не только из имен своего языка, новых и понятных, но и из многих непонятных старых названий. Новые названия, попадая в общую систему, переосмысливаются в ней, и наличие по соседству таких названий, как например, *Черна, Черны*, может спровоцировать прочтение русского названия *р. Чёрная* как *Чёрная* или *Черная*. Тем более необходимо написание *ё* в топонимах иноязычных: *Чёрмоз, Олёкма, Очёр, Вьёвиль* и др.

Буква *ы*. Ряд положений, касающихся написания *ы* после шипящих и *ц*, аналогичен тем, которые возникают при написании *э* после согласных. Так, поскольку в русском языке буквы *и* и *ы* изображают одну и ту же фонему <и> (*i mutabile*, по И. А. Бодуэну де Куртенэ, см. табл. 8), естественное распределение этих букв: *и* после мягких согласных, после гласных и в начале слова, *ы* — после твердых согласных. Наличие непарно-мягких согласных не позволяет этому орфографическому правилу достигать полной симметрии: в русских словах невозможны сочетания *кы, гы, хы* (кроме некоторых

⁸ В начальном положении звука типа [ö] в словах, заимствованных из западных языков, передаются через *э*: нем. *Ortel*—*Эртель*, а в словах, заимствованных из языков восточных — через *о*: тур. *Ödemiş*—*Одемиш*. Аналогичным образом для передачи узкого гласного типа [ü] после согласных используется *ю*: фр. *Mulhouse* — *Мюлуз*, в начале слова — *у* для тюркских языков, тур. *Üsküdar* — *Ускюдар*; *ю* или *и* для языков Европы: фр. *Huber* — *Юбер*, *Huaz* — *Юар*, *Huisne* — *Юин*, *Coüard* — *Коюар*, *Ussel* — *Иссель*, нем. *Überweg* — *Юбервег* или *Ибервег*.

Таблица 8 Редукция русских гласных *

Высший уровень	и	о а	е	i _m **
Средний уровень	й	я	ё	i _m
Низший уровень	й		ө	

* См. И. А. Бодуэн де Куртене. Введение в языковедение, 4-е изд. СПб., 1913/14 уч. год, стр. 111.

** i_m, т. е. i mutabile 'подвижное' обозначает свойство русского [и] менять свое качество в зависимости от положения в слове; от звука [ы] после твердых согласных до очень закрытого [и] после палатализованных и палатальных согласных.

звукотрадиционных). Согласные ш, ж, ц в русском языке только твердые, а ч, щ — только мягкие. Но не принято писать по-русски жы, шы, а цы пишется лишь в ограниченном числе слов (цыц, цыпленок). Эта исторически сложившаяся орфография отражает систему фонем русского языка, а не его фонетику.

В русском языке нет слов, начинающихся с ы, однако среди географических названий РСФСР такие имена встречаются: р. Ыгытта (приток Вилюя), Ытык-Кюль (селение в Якутии), Ыджидпарма (северо-западный отрог Уральских гор). Очевидно, написание ы в начале заимствованных слов вполне допустимо для сохранения системности передачи имен тюркских и ряда других языков. Ср., однако, мнение Г. К. Конкашпаева, который считает, что казахское ы в начале слова «в целях благозвучия» следует передавать через русское и: каз. Ыбрай — рус. Ибрай, хотя в середине слова после шипящих он допускает написание ы: Жыланды.

Написание ы в начале слова приемлемо, потому что оно не создает условного употребления знаков русского алфавита, а лишь необычное сочетание их. Очевидно, следует признать не только возможность, но и необходимость написания ы после шипящих в заимствованиях из тюркских языков, где сингармонизм требует, чтобы слово включало либо все слоги переднего ряда, либо все слоги заднего ряда, и где слоги типа шы—ши, жы—жи оказываются фонематически противопоставленными друг другу. См. об этом А. А. Реформатский 1964.

Наконец, могут встретиться случаи, где русское ы используется для изображения особых фонем, которые не относятся к ряду и—ы, но лишь имеют с ним некоторое,

самое отдаленное сходство. Например, болг. [ъ], акустически приближающийся к русскому [а], условно передается через *ы*, поскольку буква эта в передаче болгарских слов практически не используется для передачи других явлений: *Вълко*—*Вылко*, *Търново*—*Тырново*. Чтобы быть последовательным, здесь придется допустить написание *ы* после шипящих: *Жълтичък*, *Шътаница*, *Цървулан*—*Жылтичык* (с морфемной заменой *Жылтичек* или *Желтичек*), *Шытаница*, *Цырвулан*.

Следует отметить, что на картах, издаваемых для иностранцев, болгары передают *ъ* через *â*: *Târnovo*. Поляки передают болг. *ъ* через *у*: *Tugnovo*, в югославских изданиях болгарская река *Искър* обозначается *Iskr*, на наших картах — *Искыр*. В то же время болгары рус. *ы* передают через *и*: *Крим*, *Рибакoв*, так что обратная транскрипция болг. *Тырново* как *Търново*, а не *Тирново* будет основываться на знании языковой принадлежности имени и его денотативной соотнесенности.

Таким же образом эст. *õ* находит себе подмену в русской транскрипции через букву *ы*, которая в данном случае мыслится как особая единица, не сопряженная с русской фонемой <и> и выступающая лишь как условный репрезентант. В связи с этим не следует переносить на этот случай правила фонетического распределения сллабем русского языка. Эта условная замена должна передаваться как *ы* во всех положениях: эст. *Kõiver*—*Кыйвер*, *jõgi*—*йыги*, *Jõhvi*—*Йыхви*.

Такое же условное употребление буквы *ы* находим в транскрипции кит. *ô*: *Fông*—*Фын* (см. также Мацаев 1966).

В польском языке [y], как и в русском [ы], — вариант фонемы <и>. Но распределение их по позициям не вполне одинаково. В тех случаях, когда оно не совпадает, можно: 1) исходя из того, что в русском и польском сочетания *жы*—*жи*, *шы*—*ши*, *чы*—*чи*, *щы*—*щи* фонологически не противопоставлены, передать польские имена средствами русской графики так, как было бы естественнее для русской записи: *Szymborski*—*Шимборский*, *Jerzy*—*Ежи*, *Leszczyński*—*Лещиньский*, *Sobczyk*—*Собчик*; 2) передавать польские имена ближе к их оригинальному звучанию и написанию, сохраняя национальный колорит: *Шымборски*, *Ежы*, *Лещыньски*, *Собчык*. Фонемы <р>, <т>, <з> в русском языке имеют мягкие соответствия, а в польском — не имеют. Следовательно,

передача польск. Gryszkiewicz как *Гришкевич* или *Грышкевич*, Zygmund как *Зигмунд* или *Зыгмунд*, Trybuna как «*Трибуна*» или «*Трыбуна*» фонематически безразлична. Обычно предпочитается передача, более «естественная» для русского языка, т. е. через *и*.

Буквы *ы, ё, ю, я* после шипящих и ц. А. А. Реформатский (1947, 136) пишет: «Поскольку в русском языке фонемы <ж>, <ш>, <ч>, <щ> непарные по твердости и мягкости, после них нечего употреблять дублетные буквы, выбирать же всегда следует основные: то есть не *я*, а *а*, не *ё*, а *о*, не *ю*, а *у*, не *ы*, а *и*, как это ни странно, надо бы *э*, а не *е*». Отступления от этого правила находим в написании нескольких нарицательных (*брошюра, жюри*) и многих собственных имен (*Жюль, Сен-Жюст* и др.). Предложения относительно изменения русского написания указанных и подобных слов и, в частности, пожелание подвести заимствованные нарицательные имена под общее правило русского языка см. в Обзоре предложений 1965 г., Обзоре поступивших в редакцию корреспонденций 1955 г., Обзоре статей и писем 1964 г.

Относительно написания собственных имен мнения расходятся. В. Орехов предлагает распространить общий принцип «не писать ни в каких случаях *ы, я, ю* после *ж, ч, ш, щ, ц*» и на собственные имена: *Цурих, Лисицин*. Г. М. Лев считает возможным сохранить написания *Дюрих, Жюль, шюцкор* (как особое, терминологическое). В. А. Зотов думает, что пора перевести согласные *ж, ч, ш, щ, ц* на общее положение, принятое в русском языке для прочих согласных, не делая для них указанного А. А. Реформатским исключения. Тогда после твердых шипящих будут писаться «твёрдые» гласные, а после мягких — «мягкие», т. е. *жыл, шыло, чюдо, чяй, пощяда, щюка, плечё, свечёй, ножом, шалашом, чюжой, хорошо, горячё, шол, чюлкá, чёрт, шолк, чёрный, сушоный*. Слова *жюри, брошюра, пишут, парашют* должны писаться в соответствии с произношением (а большинство произносит здесь твёрдый шипящий) — через *у*. Написание после *ж, ш, ц* — *ы*, а после *ч, щ* — *ю, я* означало бы фонетизацию нашего письма. Подобная фонетизация проведена, например, в польском языке.

В однозначном решении этого вопроса заинтересована также собственно русская ономастика, не являющаяся

специальным объектом настоящего обзора. Разнобой в написании фамильных суффиксов *Бульчов—Бульчѣв, Ершов*, но *Чернышѣв* и др. создают большие трудности в практической работе паспортистов, почтовых, финансовых работников и большие неудобства для лиц, если в разные документы их фамилии попадают в разном написании. Тем не менее ни А. Б. Шапиро (Рус. яз. в шк., 1954.4.40), ни Е. А. Сидоров (Рус. яз. в шк. 1955.2.29) не считали такую унификацию нужной именно из-за лингвистических (юридических) причин. Такая же унификация нужна и в написании некоторых географических названий, поскольку различие, основанное лишь на запоминании (написано *о* или *ѣ*), обременяет память, ср.: *Лукашовка* или *Лукашевка*, *Сычовка* или *Сычевка* и др., см. К. И. Былинский. О названиях типа *Сычовка* (РЯШ, 1954, № 5).

Коренное реформирование этого пункта давно назрело. Оно избавило бы юридическую и прочую практику от многих ненужных хлопот и облегчило бы передачу русских имен на многие иностранные языки. Робкие шаги в этом направлении делают географы, принявшие за основные формы типа *Вышний Волочок*.

Шипящие *ж, щ, ч, џ* и *џ* имеют в русской орфографии и другие ограничения. Например, в словах исконных после них не пишутся *ю, я* и ограничено написание *о*. Как и в случае с *ы*, — это отражение исторической картины, когда *ж* и *ш* были в русском языке мягкими и написание *жи, ши* отражало их произношение, а *жа, ша, жу, шу* — основной вид фонемы при невозможности произносить эти слоги иначе. Для записи собственно русских слов нет необходимости менять орфографию, поскольку по-русски все равно иначе не произнесешь. Употребление написаний типа *чя, щы* в литературных произведениях возможно как частичная транскрипция, отражающая индивидуальную манеру говорения персонажей.

Что же касается последовательной передачи иноязычных имен средствами русского языка, то, решая вопрос о написании *я, ю, ѣ* (как и *ы*), необходимо сопоставить систему языка-источника с русской. Поскольку «транскрипция иноязычных слов и собственных имен должна максимально различаться» (А. А. Реформатский), специальными инструкциями должно предусматриваться

написание слогов *жя, жю, шя, шю* и т. п. там, где они системно противопоставлены слогам *жа, жу, ша, шу*, ср., например, лит. Šiauliai—*Шяуляй*, Mažiulis—*Мажюлис*, Žiugžda—*Жюгжда*, Čiurlionis—*Чюрлёните* или заимствованные из французского языка слова *брошюра, парашют, пиют, жюри*, из немецкого — *шюцкор*, ср. в именах собственных: *Жюль, Жюльен, Жюльетта, Сен-Жюст*.

Современные орфографические правила, регулирующие написание *о* и *ё* после шипящих и *ц*, очень сложны. Они строятся не так, как прочие орфографические правила, где безударный гласный проверяется ударным (носý—но́с). Наоборот, если под ударением слышится [o], изображение его на письме через *о* или *ё* проверяется по безударной позиции: *пчелá* — значит *пчёлка, шелкá* — *шёлк, щека*—*щёки, желудбóвый*—*жёлудь*. Иногда поиски безударного варианта осложнены: *челó* — значит и *чёлка*.

Заемствованные слова подчиняются другому, систематически проводимому правилу русской орфографии: в них под ударением пишется *о*; *крюшóн, мажóр, шóры, шóж, шóмпол, пижóн, джóкер, анчóбус, харчó, Чóсер, Джóуль*. Также *о* пишется в русских диалектных словах, не имеющих этимологически близких лексэм с безударным *о*: *жостер* (крушина), *шорка* (шлея), *жор, ужо, чомга* (водоплавающая птица), *цогла* (рыбья щека). В заимствованных и диалектных словах возможно и *о* в безударной позиции: *шоколад, жокей, шофёр, шоссе, жонглёр, чонок* (птица), *жолница* (желтуха), *чонзол* (растение), *чокур* (рыба), *жоховатый* (от *жох*), *Шопен, Жорес*; возможно также и *ё* под ударением: *Очёр, Чёрмоз, Шёгрэн, Шёнефельд, дрочёна*, и *ё* в безударном положении фр. Jeumont—*Жёмон*, Geulinx—*Жёленкс* и т. п.

Удвоенные гласные. В русских словах удвоенные гласные встречаются лишь на стыке морфем (*воочи́ю, сообща́*), при этом каждая буква читается отдельно, ср. в специальной лексике *зоомикон*. В ряде языков удвоение гласных обозначает их долготу, которая может быть и фонематической. Для системности русской передачи в этих случаях бывает необходимо показать удвоения гласных: финск. Ivaagit—*Иваарит*, эст. Tartumaa—*Тартумаа*, тув. Кызыл-оол, кирг. Алатоо. Такая передача указанных названий способствует обратимости транскрипции

и сохранению информации имен. Подробнее см. Супе-ранская 1971.

Имена языков, где долгота гласных не фонологизована или фонологизована, но не имеет регулярных способов выражения, передаются с одним русским гласным: нидерл. *Naarston*—*Харстон*, нем. *Tiergarten*—*Тиргартен*, *Ehre*—*Эре*. Ср. ставшие традиционными *Гаага*, *Маас*, *Шпрее*, *Аахен*, *Саар* и нек. др. Они вошли в русский литературный язык в своей издавна принятой форме, и, хотя на географических картах неоднократно пытались сократить в них число гласных, в литературе они употребляются с удвоенными гласными, например, в книге Г. де Бройна «Буриданов осел» (М., 1970 перевод Е. Кацевой и Т. Иллеш) регулярно пишется *Шпрее*, а не *Шпре*, потому что такое написание для русского читателя более информативно.

Дифтонги и дwoегласные сочетания. Дифтонги и дwoегласные сочетания — явление, почти не представленное в русской орфоэпии. Во многих иностранных языках может употребляться подряд несколько гласных. Для русского языка это нетипично. Поэтому при заимствовании иностранных слов, особенно в более старые времена, была тенденция устранить зияние. В современных словарях нам встретилось 45 слов, колебание в написании которых объясняется различным способом русской передачи слов с дwoегласными написаниями в языке-источнике. В большинстве своем это варьирование *i/j*: *маниак/маньяк*, *фиорд/фьорд*, *фортепиано/фортепьяно*, *бриллиант/брильянт*, *иод/йод*, *ион/йон*, *иота/йота* и др., причем очень давние варьирования.

Анализ этих орфограмм нуждается в дифференцированном подходе. Прежде всего выделяются слова, имевшие в языке-источнике дифтонги с *i*-глайдом или сочетания гласного с *j* или *ï* неслоговым.

В русском языке фонема <*j*> по фонематическому распределению является согласной, а для ее нормального существования необходимо соседство гласного. По своим акустическим данным рус. [*j*] очень близок к [*ï*] ряда языков Европы, почему его нередко называют «полугласным». В отличие от таких языков, как английский, немецкий, где сочетания гласного с *i* образуют целостный элемент (дифтонг), русские сочетания *j* с гласным всегда бифонемны, что выявляется при словоизменении, ср. рус.

тай — таять, таёт [tai̯ — taji̯t' taji̯t] и англ. tie [tai̯], tying ['tai̯ɪŋ], tier [tai̯ə] с неизменным дифтонгом. Подробнее о русском j см. Еськова 1957.

При заимствовании иноязычных слов, содержащих i/j, до 1917 г. обычно использовали букву i, графическое распределение которой по позициям в русских словах во многих случаях совпадало с фонетическим распределением i/j. После исключения буквы i из русского алфавита ее функции взяли на себя: и (*дивизионъ — дивизион*), й (*вайя — вайя*), а также сочетания ъ + гласный (*арьергардъ — арьергард*), где j оказывается в составе «мягкого» гласного, а знак ъ служит разделителем, препятствующим чтению сочетания *рѣ* как [p'э].

Многочисленность и многообразность иноязычных элементов, включающих i или j, и различные способы и возможности «наложения» их на систему русских звуко-буквенных отношений привели к тому, что некоторые слова не имели устойчивой орфограммы столетиями, при этом были периоды, когда их произношение влияло на написание и, наоборот, написание влияло на произношение. В зависимости от положения этого элемента в слове (начальное, конечное, срединное) и от позиции i/j по отношению к основному (слоговому) гласному слова, содержащие указанные дифтонги или сочетания, принимаются в русский язык по-разному.

К о н е ч н ы е и н о я з ы ч н ы е -ia, -io, -ea, -ua обычно морфологизуются, соотнося заимствованное слово с одним из типов склонения русских существительных. Так, Греч (1834, 554) и Давыдов (1852, 418—419) отмечали, что иноязычные слова, оканчивающиеся на указанные сочетания, изменяют свои окончания на -ия, -ея, -уя: *linia — линия, idea — идея, definitio — дефиниция, statua — статуя*. Правда, Н. И. Греч придерживался мнения, что в названиях городов *Генуа, Мантуя, Падуа* конечное *уа* не меняется. Однако Я. К. Грот по этому поводу писал: «Географические имена на -уа (*Генуа, Капуа*) склоняются так: *Генуи, Генуе, Геную*. Отсюда следует, что согласнее с русской фонетикой было бы писать и в именительном падеже *Генуя, Капуя* (как нарицательное *статуя*)» (1876, 345; 1885, II 390). Правило сохраняется до наших дней. Отступления единичны. Например, название новой столицы Бразилии было передано по-русски как *Бразилиа*, чтобы отличать его от названия страны.

Так же на *-ия* оканчиваются заимствованные личные имена: *Мария, Патриция, Порция, Лукреция* и др. Но это не распространяется на мужские имена, оканчивающиеся на *-еа, -іо*, ср. *Андреа, Сильвио, Марио*, хотя *Мария* как мужское имя передается, подобно женскому, с конечным *-ия* (*Эрик-Мария Ремарк, Райнер-Мария Рильке*).

Колебания отмечаются в передаче грузинских фамилий, оканчивающихся на *-иа, -уа*. В русском языке имелаась сильная тенденция превращения их в склоняемый тип слов, для чего необходима замена конечного *-а*, на *-я*: *Гулия, Гагуя*. Так делалось в русском литературном языке XIX в. В настоящее время сильна противоположная тенденция — не заменять *-а* на *-я*: *Бичиа, Хучуа*, в результате чего эти фамилии теряют способность склоняться в русском языке.

Есть две возможности показа *j/i* в начальном положении: синтетически, в составе русских букв *е, ё, ю, я*, и аналитически, через *й* + соответствующий гласный: *йе, йо, йу, йа*. В истории заимствований можно найти любое из указанных написаний. В настоящее время наиболее типична передача первых двух через *йе, йо*, а двух последних — через *ю, я*.

Передача иноязычного *[je]* русским *йе* на первый взгляд кажется неубедительной и избыточной: *[jje]* или *[ijə]*. Она сложилась в те времена, когда в русском алфавите была буква *і*, которая достаточно точно передавала, например, норв. *Jens* как *Іенс*, тем более, как мы видели выше, до XIX в. буква *э* не была общепризнанной, а буква *е* не всегда содержала достаточно ясно указание на *[j]*, ср. написание *Еней, Есфирь, Еразм*, которые, возможно, не всеми произносилось с *[j]*, т. е. буква *е* служила для обозначения *е* и *э*. Именно поэтому не писали *Іенс*. В XX в. написания *йе* распространились на новые заимствования: англ. *Yellowston* — *Йеллоустон* и др. Несмотря на указанную избыточность, эти написания в настоящее время едины и поэтому нет смысла изменять их в каком-либо направлении с целью упрощения или приведения в соответствие с фонематикой. Наоборот, традиционное *Іена* (*Иена*) стала писаться *Йена*, выравниваясь под общепринятое.

Неслоговое *[j]* перед *[o]* в начале слова, согласно современным нормам литературного языка, изображается через

й : йон, йод. До революции писалось *ion*, *iод*. Вследствие механической замены *i* на *и* первое время после реформы орфографии 1917 г. писалось *ион*, *иод*, но не всякое *i* равно *и*. Написание через *и* было лишь временным отражением механизма перестройки различных систем записи, не имеющим поддержки в орфоэпических нормах русского языка. Тем не менее призыв к написанию *иод*, *ион* находим, например, у В. С. Шайдунова (1955, 28). Теоретически возможные написания *ёд*, *ён*, *ёрк* едва ли нужны. Они объединяют иноязычные слова со своими типа *ёлка*, *ёжик*, где орфографическое *ё* чередуется с *е* (*ель*, *ежиха*). Подобные чередования возможны и в хорошо освоенных иноязычных словах в повседневном употреблении (*помажь едкой*), но в научных текстах появление вариантов типа *еносфера* нежелательно. Написание *йо* гарантирует целостность морфемы: *йоносфера*, *йодистый* и не допускает смешения заимствованных морфем с русскими, ср.: с *Йолкией* и с *ёлки ей*.

В собственных именах и в новых заимствованиях сочетание [jo] однозначно передается через *йо*: англ. *York* — *Йорк*, нем. *Joseph* — *Йозеф*. Однако в своих традиционных, давно заимствованных именах сохраняется *и*: *Иосиф*, *Иосаф*, *Иов*, *Иона*, *Иоанн*.

Я. К. Грот (1885, II. 390; 1876, II. 345) писал: «Звук *iу* в именах, перешедших к нам путем церковной письменности, не сокращается в *ю*, а изображается *iу*: *Иуда*, *Иудея*, иногда с излишней йотацией: *июнь*, *июль*. Мирские личные имена, соответствующие этим названиям, — пишутся *Юдин*, *Юлий*. В середине слова этот звук передается правильным начертанием: *тиун*, *фриул*, *Миус*, *радиус*. Когда буква *i* была упразднена, ее всюду заменила буква *и*, дающая четкое указание на слоговость. Именно вследствие этого новые заимствования передаются через *ю*: нем. *Jungfrau* — *Юнгфрау*, англ. *United* — *Юнайтед*. Сочетания [j + a] в настоящее время во всех случаях передаются через *я*: польск. *Jan* — *Ян*, англ. *Yarmouth* — *Ярмут*. Исключение допускается для библейского *Иакова*, имя которого пишется так, чтобы отличать его от всех прочих *Яковов*.

Неслоговое *i* или *j* перед *и* показать трудно, поскольку в русском языке есть тенденция к вокализации его в этом положении. Житомирский (1915, 94) писал: «Мы могли бы отличить: я вижу *иx* и *iix* (йих) брата». Однако буква *ї* не

утвердилась в русском языке, поскольку функции ее распределились между другими буквами и нагрузка на нее была бы минимальной. Такое *i* было бы полезно для передачи некоторых иноязычных слов, например, чешских имен *Jiřy*, *Jirasek*, *Їржи*, *Їрасек*. При существующем составе букв эту функцию берет на себя *й*: *Йиржи*, *Йирасек*.

Максимальные трудности представляют сочетания *i/j* с гласными в серединном положении. Дело осложняется тем, что орфограммы многих слов складывались в русском языке под влиянием их русского произношения, которое не было единым. Хорошее знание иностранных языков многими образованными людьми XIX в. привело к выработке особого «интеллигентного» произношения многих слов, содержащих *i/j* (эту особую подсистему произношения иногда также называли петербургской): *интелигенция* [-цја], *революціонный* [-цјо], *дивизионъ* [-з'јон]. Указанная подсистема произношения не была всеобщей, поскольку согласно нормам общерусской, или московской, орфоэпии в двогласных сочетаниях читаются оба гласных, образуя два слога: *революція* [-ци-ја] *дивизионъ* [-зи-он]. В связи с этим А. А. Хованский (1860, 56) отмечал, что может быть три варианта произношения и написания слов, содержащих *-ия-*: *провинциальный*, *провинциальньй*, *провинцьальный*; *материальный*, *материяльный*, *матерьяльный*; *италианский*, *италиянский*, *итальянский*, ср. также *пьянист*, *варьяция*, но *фиалка*. Н. И. Греч (1834, 508) считал, что *я* сохраняется и в производных словах: *Италия*, *италиянский*, *материя*, *материяльный*, *Россия*, *Россиянин*. Но: *христианский*, *арианский*.

В. Я. Стоюнин предлагал чисто словарные разграничения: «С буквой *а* следует писать следующие иностранные слова: *специалист*, *специальный*, *официальный*, *провиант* и др.» (по произношению). Также в соответствии с русским произношением он предлагал писать с буквой *я* слова *итальянский*, *матерьяльный*, *христианство*, *христиане*, *фамильярный*, *пьянист*, *варьяция* (см. Третье и четвертое совещания... 1862, 266). Многое из предложенного В. Я. Стоюниным остается нормой и в наши дни.

Во многих словах, заимствованных из французского, мультивованное *l* передано через *ль*, что соответствовало французскому произношению XVII в.: *billiard*—*бильярд*, *milliard*—*милъярд*, *brilliant*—*брильянт* — ср. последующие изменения *миллиард*, *бриллиант* в результате парал-

лельной записи этих слов через *i*, которое затем получило самостоятельное чтение. Более или менее однозначно в результате всех указанных поисков обозначилось следующее правило графемного распределения: после *и* (не в окончании *ия*) пишется гласный *а*, а после *ь* — *я*: *вариация* — *варьяция*. С остальными гласными проведение подобной регламентации затруднено. Ср. рус. *пью* и *пиу* (не *пиу*) и ит. *più* — *пиу*, которое не превращается в рус. *пью*.

Еще сложнее было с сочетанием [iɔ], разные изображения которого наметились задолго до 1917 г. Неслоговое [i] перед [o] подвергалось в русском языке двоякого рода изменениям: превращалось в [и] слоговое *майор* или в [j] и тогда на письме входило в состав последующей гласной буквы: *маёр*. Орфографическая комиссия 1862 г. приняла решение писать *маёр* вместо *майор* или *майёр*, так как буква *ё* здесь вполне соответствует произношению (Третье и четвертое совещания... 1862, 610). Но Я. К. Грот писал: «Употребительные начертания *майор*, *Байонна* точнее прежних *маior*, *Баionна* и заслуживали бы предпочтения, если бы мы всегда держались этого способа изображения звука [j] перед гласной и не писали бы *Гена*, *Иосиф* и т. п. (1876, 344; 1885, II. 389). Написание *майор* восходит к Карамзину (Вестн. Евр. 1803, № 14 «Рыцарь нашего времени»), который имел и другие соображения относительно передачи [i] неслогового и [j]. Он писал *Монтескью*, *Йонга*, *Йокке*, *Оверныйский*, *гильйотинада*, см. Грот 1876, 344, ср. Еськова 1957.

Написание и произношение *маёр* [ma'jor] точно соответствовало произношению языка-источника. После закрепления орфограммы *майор* произношение слова изменилось в русском языке под влиянием его нового написания: [ma'jor]. В последнем случае графическое *й* как бы раскладывается на [й] + [j], т. е. *май-ёр*. Окациональное произношение [маио́р], ср. [раио́н] остается за пределами литературной нормы.

Я. К. Грот отмечал, что принятые написания *батальон*, *почтальон*, *компаньон* не совсем верны, но предпочтительны по своей простоте. В последнем случае мы имеем дело с передачей «мультированных» *l* и *n*, ср. выше о слове *бульон*. Интересно, что в этих словах [j] в русском написании вообще отсутствует, однако, в соответствии с нормами литературного языка произносится: [кэмпли'jón], [бул'j óн]. Наблюдается, однако, и просторечное произно-

шение [бул'он], [кэмпан'он], сложившееся скорее в результате некоторого влияния русского написания на произношение, нежели как отражение мульированного звука французского языка. Фонетически и фонематически более точным было бы написание *бульён, компаньён*, однако оно совершенно не практикуется, возможно, из-за неустойчивости, факультативности буквы *ё* в русских текстах.

Перенесение правила изображения иноязычного *йо* на слова русского языка столь же нежелательно, ср. *край—крайов, займка—зайом* (вместо *краёв, заём*), потому что при этом создаются необычные для русского языка орфограммы, сигнализирующие скорее о том, что перед нами заимствование из близкородственного языка, ср. *Крайова Рада Народова* (Польша) или польские фамилии *Зайонц, Зайончковский*. Аналогичные примеры находим среди вновь заимствованных собственных имен, где иногда по традиции передают русским *и*: ит. *Filacchione* — *Филаккионе*, а иногда ищут более точной передачи: *Филаккьоне*, *Chioschi* — *Киоски* и *Къоски*, при этом написание *Къёски, Филаккьёне*, где на месте ит. неслогового *i* оказывается рус. фонема [j], избегается. По традиции англ. *trade-union* [treɪd'junjən] передается как рус. *тред-юнион*, вследствие чего нарушается структура и ударение английского слова, ср. более правильное, но не практикуемое *трейд-юньон*.

Дифтонги и диграфы, неслоговую часть которых составляет *и-глайд*, не столь многочисленны, как дифтонги с *и-глайдом*, и не представляют столь существенных трудностей, хотя ряд непоследовательностей отмечается и в их передаче. Так, *и-глайд*, консонантизируясь, в старых заимствованиях превращался в *в* (греч. *αὐτο-* — *авто-*). В ряде новых заимствований есть тенденция передавать эту морфему без консонантизации через *у*, откуда варианты *автописия/аутописия*. Кроме того, поскольку наиболее типичный способ преодоления зияния — это замена неслогового элемента дифтонга через *й*, иногда *й* проникает и в дифтонги с *и-глайдом*. Ср. *эвфония/эйфония, неврит/нейрит*. Всего современные словари фиксируют 17 случаев колебания написания слов, содержащих в исходных языках дифтонги этого типа. Еще Греч (1834, 553—554) и Давыдов (1852, 418—419) отмечали, что при переходе латинских слов в наш язык *au* и *eu* меняются на *ав* и *ев*: *Аврора, Европа, Август*, ср. русское *завтра* <

за утро. Но они отмечали сохранение гласного у в словах *аудитория, аудиенция, аудитор, аукцион*. И сейчас, особенно в области специальных слов и собственных имен, латинизмы, грецизмы, англизмы представляют немало подобных колебаний.

Интересно, что насколько в древний и средневековый период дифтонги и дwoегласные сочетания были чужды русскому языку, настолько в период сознательной нормализации языка и письменных заимствований отмечается излишнее стремление к дwoегласным написаниям. Например, многие новые русские имена содержат различные дwoегласные сочетания: *Велиор, Диана, Даира, Авиоль*. С помощью гласного у передается фр. *ou consonantique* и англ. *w*: фр. *тротуар, ампула, Пуатье*; англ. *Уэствуд*; ср. более старую передачу: *рояль, Пале-рояль, Вествуд*. Поскольку немецкий язык выступал в качестве посредника при заимствовании ряда французских слов, а по-немецки это же французское звучание воспринималось как [oa], в русском языке есть непоследовательность и при передаче этого сочетания: *троакар* (инструмент) и *труакар* (дамский костюм), ср. современное *Буало* при устаревшем *Боало*. Аналогичный французский звук [y] в сочетании с [i] не был воспринят немцами как дифтонг, откуда нем. *Swite* и рус. *свита*, ср. при непосредственном заимствовании из французского *Suite* — *сюита*. Ср. также *Gargantua* [gargātua] — *Гаргантюа*, см. Грот 1876, 347; Томашевский 1972, 287.

Варьирование гласного с нулем. В современной русской орфографии заимствованных слов известные трудности представляют случаи, когда, заимствуясь из разных источников (или через разное посредство), одни и те же слова пишутся то с гласным, то без него. В проанализированной нами выборке из словарей оказалось 25 таких слов, например, *дейтерон/дейтрон, мамелюк/мамлюк, бивуак/бивак, меджилис/меджлис, сольфеджио/сольфеджо* и т. д. Здесь представлены разные случаи.

Заимствование разных форм. Варьирование *меджлис* — *меджилис* отражает заимствование этого слова в форме единственного и множественного числа (арабск., перс.). В турецком языке это слово представлено только в форме *meclis*. В личных именах формы *Насыр* и *Наср* отражают кодификацию разных арабских форм (причастия и существительного).

Монгольско-калмыцкие дублеты *Насун* и *Насн*, *Галсан* и *Галсн* отражают формы разных языков. Если в нарицательных именах желательнo устранение подобных колебаний, то в собственных можно и нужно показать особенности национального произношения имен, сохранив информацию об их национальной принадлежности. Возможно, что колебания *фаблио/фабльо* также отражают два варианта произношения этого слова во французском языке: *fabliau* [fabljɔ] и [fablijɔ].

Р е д у ц и р о в а н н ы е и с л а б ы е г л а с н ы е. Известны, например, следующие написания армянской фамилии: *Мкртчан*, *Макртчан*, *Макартчан*, *Макартичан* при имени *Макартич*; *Хачатрян* и *Хачатурян* при имени *Хачатур*, т. е. случаи фонетического и фонематического написания. При энергичном произношении конечного ударного слога безударные гласные начальных слогов редуцируются почти до нуля. Фонематический подход дает единство написания имени и фамилии, фонетический — расхождение между ними.

Многочисленные чередования гласного с нулем дает так называемое *e caduc* — *e*-«беглое» французского языка. Оно всегда безударно и в ряде случаев не произносится совсем. В соответствии с давней традицией русского языка оно передается во всех положениях: *souvenir* — *сувенир* (произносится [suvnir]), *Collerie*, *Bellenot* — *Коллери*, *Беллено*. Такая передача облегчает ретранскрипцию, но искажает фонемный состав слов (*Кольри*, *Бельно*). Здесь приходится выбирать, что важнее, фонемный состав или графика. Поскольку во французском языке вообще очень большой разрыв между написанием и произношением, сохранение в транскрипции произносимого *e* мало спасет положение, поэтому лучше во вновь заимствованных словах не передавать его там, где оно не произносится, памятуя о «законе трех согласных» (Grammon 1920); *Vonnegut* — *Вонгю*, *Bonneville* — *Бонвилль*, *Dalleman* — *Дальман*, *L'Allemagne* — *Л'Альмань*, *Bellefeuille* — *Бельфёй*. В тех случаях, где [ə] во французском произношении не выпадает, в частности в группах согласных, его надо передавать в русской транскрипции: *Chatellerault* — *Шательро*, но *Chatterie* — *Шатри*, *Chastellux* — *Шатлю*. См. также Щерба 1912, 103.

Аналогичный произносимый гласный имеется в английском языке, например, в суффиксе причастия прошед-

шего времени -ed. Но в некоторых словах е перед d звучит: Wicked—*Уиккед*, Ragged—*Рэггед*. Это е звучит также, когда оно следует за ударным слогом и стоит перед суффиксами -ly, -ness: Marked—*Маркд*, но Markedly—*Маркедли*. В таких случаях е следует передавать в транскрипции.

Беглое е может быть в германских языках перед сонорными согласными, когда последние берут на себя функцию слогообразования, а гласные редуцируются до нуля.

Русский язык слоговые согласные «терпит», поэтому есть тенденция никаких гласных в транскрипции подобных слов не писать: англ. Corporation—*Корпорейшн*, Wessel—*Уэссл*, international—*интернашнл*, Kennel—*Кеннл*. Но в таком случае в русской транскрипции получатся совершенно невозможные с точки зрения русского произношения группы согласных: *йшн*, *йшнл*, *рнл*, и т. д. Такие группы могут быть произнесены по-русски только с добавлением в них каких-либо гласных, что и делается в произношении. Обратим, однако, внимание на морфологию: в подобных случаях часто оказывается иноязычный суффикс прилагательных -al: chemical, professional и т. д. Этот суффикс целесообразно передавать с сохранением гласного: *кемикал*, *профешнал*. Также с гласным целесообразно передавать морфему -son в фамилиях, хотя гласный о испытывает сильную редукцию: Johnson—*Джонсон*. На этом фоне предпочтительной оказывается передача путем транслитерации гласного элемента при слогообразующем согласном, если на письме он изображен одной буквой: Kernel—*Кернел*, Gambel—*Гамбел*. Если гласный элемент изображен несколькими буквами (international) или немым е на конце (Seattle), его передавать не следует: *интернашнал*, *Сиэттл*. Немецкие слова передаются в русской транскрипции обычно так, как будто гласный е в них произносится: Apfel—*Апфель*, Reden—*Реден*. Нередко пишут е и в топониме Nürnberg—*Нюренберг*, хотя в немецком написании этого слова е отсутствует.

Слоговые согласные чешского, словацкого, сербского, хорватского языков обычно передаются без помощи гласных: Brno, Drda, Trnka, Vltava, Mrkvička — *Брно*, *Дрда*, *Трнка*, *Влтава*, *Мрквичка*. Исключение допускается лишь для некоторых традиционных географических

названий: Србија—Сербия, Hrvatska—Хорватия и для фамилий некоторых лиц, ср. Ян Дрда, но Нина Дорда.

«Диакритические» гласные. Это преимущественно случаи заимствования из итальянского языка: *сольфеджио*—*сольфеджо*, *Джиованни*—*Джованни*, *Джиоконда*—*Джоконда*, *Джиорджоне*—*Джорджоне*. В итальянском языке *i* перед гласными *a*, *o*, *u* употребляется как диакритический знак, указывая, что предшествующий *s*, *g*, *sc* надо читать как [tʃ], [dʒ], [ʃ]. В связи с тем, что русскому языку такие диакритические буквы не свойственны, а также в связи с тем, что многие итальянские слова приходили к нам через немецкое посредство с произносимым *i*, в русском языке появился ряд традиционных слов с *и* перед гласными. Особенно часто это встречается в музыкальных терминах, например: *арпеджио*, *сольфеджио*, *адажио*. «Непоследовательность сказывается и в том, что в собственных именах в настоящее время закрепилось написание соответствующего слова без *и*: *Боккаччо*, *Петруччо*, *Джованни*» (Розенталь 1962, 32); ср. у Грота (1876, II, 349; 1885, II 394): «Итальянские *scia*, *gia*, *sce* следует передавать *ша* (а не *шиа*), *джа* (а не *джиа*), *ш* (а не *ич*): *Бреша* (Brescia), *Джакомо* (Giacomo), *крещендо* (crescendo)». В орфографическом словаре кодифицируются два варианта: *крещендо* и *крещендо*.

Носовые гласные. Русский язык не имеет носовых гласных. Из носовых согласных в нем представлены лишь две: [м] и [н]. Поэтому для передачи иноязычных носовых гласных в нем используются немногие средства, порой позволяющие лишь очень приблизительно показать специфику заимствуемого слова. Я. К. Грот (1876, 347) констатировал, что при передаче французских носовых гласных мы ориентируемся то на их произношение во французском языке, то на их написание, то на произношение или написание в языке-посреднике, откуда *ресторан*, *интриган*, но *негоциант*, *презент*, ср. также двойные формы *сентиментальный* и *сантиментальный* (первую Грот считал лучше). Он отмечал также, что для передачи фр. носового [ɛ̃] (на письме *in*, *ain*) применяется рус. *-ен*, *-ень*: *Сен*, *Вильмен*, *бюллетень*, *Роллень*. «Эти начертания далеки от настоящего выговора, но они лучше других, например, *-ян*, *-янь*, и могут быть удержаны как наиболее установившиеся».

Французские носовые гласные изображаются в языке-источнике на письме с помощью сочетаний гласных с последующими *n* или *m*. Пишется *m*, если за ним следуют губные согласные *b*, *p*. На произношение носовых гласных это написание не влияет: *Caen*—*Кан*, *D'Alambert*—*Д'Аламбер*, но при русской передаче, которая в данном случае ориентируется на французское написание, перед губными пишут *м*; *Campragne*—*Кампань*. Если французское сочетание гласного с *m* находится на конце слова, его обычно передают русским *н*: *Campr*—*Кан*, *Champ*—*Шан*.

В связи с наличием в русском языке губной ассимиляции, наблюдается она и в таких заимствованных словах, как *конфюрка*, *бонбоньерка*, которые часто произносятся с согласным [м] перед губным. Орфографисты отмечают, что слово *конфюрка* не имеет отношения к слову *комфюрт*, а в слове *bonbonier* по-французски пишется *n*, а не *m* и что в связи с этим не следует писать их через *м* (С. И. Ожегов 1955, 225; Розенталь 1962, 33).

Во французском языке чередование носового гласного с сочетанием «чистый гласный + носовой согласный» имеет немаловажное значение в морфологии: [bõ]—[bõn]. Если в транскрипции носовой гласный передан сочетанием гласного с *n*, для передачи сочетания чистого гласного с носовым согласным должно быть, видимо, использовано что-то другое. На помощь приходит графика. В последнем случае в русской транскрипции передается удвоенная французская согласная: *bõn*—*бон*, *bonne*—*бонн*. См. Томашевский 1972, 287.

Носовые гласные других языков также обычно передаются сочетанием русских чистых гласных с *n* и *м*: польск. *Siękowski*—*Сенковский*, *Dąbowski*—*Домбовский*; порт. *Maçã*—*Масан*, *Capitães*—*Капитайнс*, *Lições*—*Лисойнс*, *Viagem*—*Вьяжен*, *Nomens*—*Оменс*, *Tambem*—*Тамбен*.

Португальские носовые дифтонги можно передавать сочетанием русских чистых гласных с носовым согласным *n*: *Pão*—*Паон*, *São*—*Саон*. В официальной географической транскрипции в целях экономии места на картах показывают лишь одну черту этих дифтонгов — их назальность: *Сан*, *Пан*, не различая их от простых гласных.

Использование согласных букв

В современной русской орфографии варьирование согласных в корне отмечается в 80 заимствованных словах: *гироскоп/жироскоп; акант/аканф; центавр/кентавр, амброзия/амврозия; имбирь/инбирь; гашиш/хашиш, дирзем/дирзем, фогт/фохт; каперса/каперца, пацифизм/пацифизм; песета/пезета, альпака/альпага, букля/пукля; сандал/сантал; дискутировать/дискуссировать, аннексировать/аннектировать, лицензия/лицензия, лаццарони/ладзарони; крешендо/крещендо/кресчендо; рамадан/рамазан; равендук/равентух, калиф/халиф, шхуна/шжуна; синто/шинто, смальта/шмальта; шизофрения/схизофрения; цеце/тсе-тсе и др.⁹*

Кроме того, в 32 словах согласный варьирует с нулем: *бушприт/бушприт, конквистадор//конкистадор, сагиб/саиб, секстант/секстан, бьюик/бюик, гелоты/илоты, шпатель/шпатель* и т. д. Здесь, как и в разделе о гласных, выделяются разные случаи. Остановимся на самых сложных.

Как известно, согласные русского языка образуют 12 пар, противопоставленных по твердости/мягкости:

б	в	д	з	л	м	н	п	р	с	т	ф
б'	в'	д'	з'	л'	м'	н'	п'	р'	с'	т'	ф'

Кроме того, имеются 4 непарно твердых г, к, х и ц, которые на конце слова не бывают мягкими, две непарно мягкие — ч, й, которые не имеют твердого соответствия, две твердых фонемы — ж и ш и мягкие долгие согласные *ж̄* и *ш̄*. Помимо этих 34 согласных фонем, имеются мягкие г', к', х' как не полностью фонологизованные варианты г, к, х, и позиционные варианты дз как звонкое соответствие ц (*отец бы*) и *γ* как стилистическая реализация г и х в ряде позиций (*бога, мох бы*). В качестве дифференциальных признаков согласных выступают, помимо твердости—мягкости, также глухость—звонкость, взрывность—фрикативность, шумность—сонорность, оральность—назальность.

⁹ Ср. в разных терминологических полях: *акцелератор* (медиц.), но *акселератор* (техн.); ср. в однокоренных словах: *десорбция*, но *резорбция*.

Перечисленный инвентарь практически невелик по сравнению с тем многообразием согласных звуков, какие представлены в языках восточных и западных, имена которых заимствуются в русский язык. При соблюдении принципа максимального различения фонем языка-источника и максимального использования возможностей языка-приемника, основное внимание сосредоточивается на том, одна или несколько согласных составляют тот или иной ряд в языке-источнике. Если одна, принципиально неважно, применяются ли для передачи русские твердые или мягкие согласные, если в ряду две или более единиц, приходится изыскивать способы дополнительного различения.

Европейское среднее l. Двойная возможность передачи иноязычных согласных русскими мягкими и твердыми, а также повторное заимствование одних и тех же слов в разные периоды привели к тому, что до сих пор в 45 словах орфографические словари фиксируют разнописания. Это касается преимущественно согласной *л*¹⁰, особенно там, где иноязычное *л* находится перед гласным: *аблатив/аблятив*, *инфлуэнца/инфлюэнца* и т. д., а также перед согласным или на конце слова: *валкирия/валькирия*, *гомрул/гомруль* и др. Ср. также различия в однокоренных словах: *альфа*, но *алфавит*, *невралгия*, но *ностальгия*, *флюорит*, но *флуоресценция*, ср. в собственных именах *Гренландия*, но *Финляндия*.

Среднее европейское *l* фонетически ближе к русскому мягкому [л']. Поэтому в XIX в. его обычно передавали через *ль* на конце слов и перед согласными и в сочетании с мягкими гласными: *ля*, *лю*. «Французские имена собственные, кончающиеся на *l*, *le*, принимают в русском языке *ь*» (Греч. 1834, 561). «Латинские буквы *a* и *u* после *l* превращаются в *я*, *ю*: *relatio—реляция*, *plus—плюс*. (Там же, 555). «В некоторых собственных именах *a* после *l* превращается в *я*: *Финляндия*, *Лифляндия*, *Эстляндия*, *Курляндия*. В других не изменяется: *Шотландия*, *Зеландия*» (Там же, 560—561). Стремясь к унификации, Орфографическая Комиссия 1862 г. согласилась с пред-

---

¹⁰ Отметим зафиксированные словарями колебания *пультман/пюльман*, *дуралюминий/дюралюминий*, получившиеся в результате заимствования непосредственно из языка-источника и через французское посредство.

ложением Стоюнина передавать иностранное *la* русским *ля*: *Лягарн, Ляморисьер* (Третье и четвертое совещания. . . 1862, 610).

Я. К. Грот (1876, 346) писал: «При передаче *l* нужно следовать преобладающему обычаю. С одной стороны: *астролябия, популярный, полярный; канцелярия, аппеляция; лютеранин, плюс, Люцифер, салютовать, иллюминация, флюс*. С другой стороны: *Николай, фистула, салат, шеколад, класс, планисфера; луна, луна, блуза, клуб, Лузитания, Луиза*. . . В начале слов гораздо употребительнее *ла*: *лаборатория, лампасы, латынь, Лара*. Напротив слог *лу-* вместо *лю-* в заимствованных словах довольно редок. Буква *о* после *l* произносится твердо и в *ё* не переделывается. (Редкий случай — *флёр*)».

В то же время Я. К. Грот отмечал, что некоторые слова употребляются и с *-л-* и с *-ль-*: *Белгия—Бельгия*. Второе удобнее для произношения и потому предпочтительно (1876, II, 346; 1885, II 391). «Слова *алфавит, алфавитный* пишутся с *л* вопреки названию буквы *альфа*» (Там же). «*l* в конце слога и слова переходит к нам двояко: *Перикл, Алкивиад, Карл, перл, канал, бал, стул, палтус; Вольтер, Даль, хрусталь, Бельведер*» (Там же).

Указанные случаи настолько традиционны, что Д. Э. Розенталь (1962, 33) констатировал не только сохранение указанного положения, но и распространение указанной непоследовательности на некоторые новые слова, заимствованные в течение столетия, прошедшего после работы комиссии 1862 г.

Поскольку при передаче иноязычных слов надо стремиться к фонематичности, очевидно, что среднее *l* лучше передавать русским твердым, сохранив *ль* для передачи *л* мульированного (*эмаль, портфель*, см. также Грот 1876, 342—343)¹¹. Тем не менее традиционность передачи среднего *l* через *ль* мешает последовательному проведению этого принципа. Поэтому представляется рациональным не переносить эту традицию на слова и имена собственные таких языков, как венгерский, чешский, не имеющих столь прочной традиции: чеш. *Dobežal—Добежал*. В то же время едва ли следует менять в настоящее время традиционные слова и имена собственные, заимствованные

¹¹ Французское мульированное *p* (gne) последовательно передается русским *нь*: *Шампань, Бретань* (см. также Грот 1885, II, 391).

из немецкого, французского, итальянского и ряда других языков.

Западноевропейское h. Традиция русской передачи заимствованного h через г сложилась потому, что в транскрипции этого звука русский язык испытал на себе влияние другого языка, пусть близко родственного. Н. В. Юшманов (1942, 800) писал: «Латинское h принято передавать через г, потому что знакомство с латынью впервые произошло через юг Украины, где [h] заменяет [г] севера». Следом за латинскими словами и другие иностранные слова, содержащие h, стали передаваться с русским г. Однако русский [г], взрывной, звонкий, совершенно не соответствует иностранному [h], глухому, фрикативному. Сторонники передачи h через г говорят о том, что место образования русского согласного [x] не соответствует месту образования иностранного [h]. Но русское [г] образуется там же, где и [x], фрикативно же, подобно украинскому [h], русское г не произносится, в то время как [x] артикулярно-акустически значительно ближе к [h].

Традиция передачи h через г закрепились у нас в связи с тем, что в XVIII—XIX вв., когда делались массовые заимствования из языков западных, русской орфоэпической нормой было фрикативное произношение г [ɣ] в иноязычных словах, в русских словах «высокого штиля», а также при чтении стихов. Я. К. Грот по поводу передачи иностранного h через г писал: «Из согласных звуков только один, собственно говоря, не имеет соответственной буквы; это тот звук г, который слышится в слове *благо* и др. Всякий раз, когда речь заходила о недостатках русской азбуки, он обращал на себя всего более внимания и вызывал попытки пополнения ее. Это происходило главным образом от чувствуемой всеми несообразности русской транскрипции иностранных слов с буквой h при помощи нашего г, которая по своему господствующему произношению отвечает совсем другой латинской букве (g). Но эта транскрипция уже так утвердилась, что она отразилась на самом произношении многих слов и собственных имен; следовательно, теперь дело уже едва ли поправимо. . . . Что касается собственно русских слов, где звук [г] произносится близко к латинскому [h], то, конечно, желательно было бы иметь знак для отличения такого [г], но здесь недостаток буквы менее чувствуется

от того, что немногие слова, в которых этот звук встречается, далеко не всеми русскими произносятся» (1876, II, 133—134).

В настоящее время учреждения, занимающиеся транскрипцией, последовательно и безжалостно ломают эту традицию, приближая русскую передачу собственных имен к подлинному произношению и делая ее более фонематически точной. Изменения эти едва ли коснутся имен нарицательных (*гауптвахта, гармония, герой* и т. п.), поскольку так они вошли в русский язык и давно перестали ассоциироваться со своими иноязычными прообразами. Не распространяются они и на традиционные собственные имена, ср. сказки *Гобмана* и фигурист *Ян Хоффман*.

К традиционным именам, где сохраняется передача *h* через *г*, относят также *Гайавата, Галифакс, Гамильтон, Гаррис, Гаттерас, Гейне, Гендерсон, Генри, Герман, Говард, Голливуд, Гомер, Гурон* и мн. др., а также нем. суф. *-heim* в фамилиях типа *Oppenheim—Оппенгейм*. Список этих традиционных имен достаточно велик, но, очевидно, в будущем он сократится.

В ряде языков имеется так называемое «немое» *h*, сохранившееся в написании от предыдущих эпох, когда оно произносилось. Его не следует передавать в русской транскрипции: дат. *Hjelmslev—Ельмслев*, шведск. *Hjälper—Ельпер*. Не следует передавать в транскрипции и оба французские *h*: *h muet* и *h aspiré*: *Hâte—Ат, Honore—Оноре*, ср. нарицательное *идальго*, которое в прошлом веке писалось *гидальго*; ср. традиционное *Гавана*, которое до сих пор не изменили на *Абана*.

Удвоенные согласные. К числу давно дискутируемых относится вопрос о правомерности и необходимости написания удвоенных согласных в заимствованных словах и собственных именах. В настоящее время удвоенные согласные пишутся в 10% заимствованных слов (1103 слова из проанализированной нами выборки в 11745 слов). В 43 словах написание колеблется; в 25 группах родственных слов узаконено разное написание. Под воздействием слов, где написание удвоенных согласных правомерно, появляются удвоения там, где они не обоснованы. В русских словах удвоенные согласные встречаются, как правило, на стыках морфем: *рассмотреть, законный*. В иностранных языках удвоенный согласный

может свидетельствовать о его долгом произношении (итальянский, шведский, финский), о краткости предшествующего ему гласного (немецкий, нидерландский), об особом качестве предшествующего ему гласного (английский, французский), о морфологическом шве (латинский, германские), о традиции этимологического или исторического написания (германские) и т. д. При заимствовании в русский язык все эти разнородные удвоенные согласные превращаются в простые графические удвоения, не наделенные специальными орфографическими или морфологическими функциями, однако играющие важную роль в различении слов и их форм. Поскольку заимствованные слова чаще отличаются друг от друга всем своим обликом, а не одной какой-либо фонемой (resp. буквой), удвоенные согласные способствуют формированию облика иноязычных слов в литературном языке, а в специальных подъязыках науки и техники способствуют лучшему пониманию морфем, составляющих термины и номенклатурные обозначения.

В длившейся свыше ста лет дискуссии относительно того, следует ли сохранять в русской транскрипции удвоенные согласные в тех словах, где они пишутся в языках-источниках, спорящие стороны исходили преимущественно из фонетических аргументов (см., например, Грот 1876, 338—341). Исходя из того, что в старых заимствованиях удвоенные согласные исчезали (*грамота, офицер, батарея, атака*), некоторые предлагали писать *Пруссия, Одесса, комиссия* и т. д., приводя и более новые заимствования в соответствие с общеславянской традицией, хотя с XVII в. в одной группе русских слов наметилась прямо противоположная тенденция. Речь идет о календарных именах, подвергшихся исправлению в результате пересмотра церковных книг. В частности, в них были восстановлены удвоенные согласные языков-источников: *Аполлинария, Филипп, Иоанн*. Однако уже в XVIII в. удвоения распространяются на имена, не писавшиеся в языках-источниках с удвоенными согласными. Этому способствуют ложная аналогия и ложная этимология, а иногда и чисто фонетический принцип (в русском литературном языке согласный звучит долго в интервокальном положении после ударного гласного: *ванна, касса*). Приводимая ниже небольшая сопоставительная таблица написания личных имен в ряде источников показывает,

что в XIX—XX вв. не только не было общепринятых норм написания личных имен, но и что каждый редактор, издатель и просто переписчик писал их по-своему (см. табл. 9). Сопоставление с более старыми изданиями календарей синодальной церкви дает еще более пеструю картину. Удвоенный тем больше, чем более поздний календарь, ср. появившиеся в XIX—XX вв. написания *Неонилла*, *Илларион*. Очень много удвоенных согласных в новых русских именах, частично заимствованных, частично сконструированных по известным антропонимическим моделям (*Апполина*, *Лузетта*, *Ростелла*, *Туллий*, *Гаррис*). Это говорит о наличии живой тенденции к созданию слов с удвоениями в русском литературном языке и о том, что безболезненно изъять из него все удвоения не представляется возможным. Указанные факты свидетельствуют о том, что русский литературный язык развивается по иным законам, нежели другие славянские языки, а следовательно, ориентироваться при заимствовании иностранных слов на практику последних едва ли целесообразно.

Как отмечает ряд исследователей, в русском литературном языке образовалась особая, «фонетически сильная» позиция для долгих согласных: после ударного гласного в интервокальном положении. При этом в указанной позиции согласный может на письме изображаться только одной буквой (*Гавана*, *драма*). Наоборот, удвоенный на письме согласный может не иметь долгого произношения, если он в речи попадает в иные позиции (*финн*, *Филипп*). Поэтому всегда была и будет диспропорция между реальным произношением и внутренней структурой таких слов. В связи с этим А. А. Реформатский (1966, 2—3) считает, что фонетические аргументы для решения вопроса о написании двойных согласных не могут быть в достаточной мере доказательны. «Во-первых, каждый говорящий может в данных случаях в своем произношении и соблюдать долготу, и ее редуцировать (но не прибавлять в таких, например, случаях, как *юнн*ый, *кожан*ый, что обличает морфологическую неграмотность), . . . во-вторых, утверждение, что имеющие место в русском произношении долгие согласные (*касса*, *масса*, *ванна*, *Анна*, *Алла*, *группа*, *брутто*, *новелла* . . . и мн. др.) следует признать отдельными долгими фонемами, а не сочетаниями согласных (Гловинская, 1964), неправильно.

Варьирование написания удвоенных согласных в некоторых русских именах *

Западнорусский месечеслов	Жития всех святых	Календарь крестовый	Украинско-русский словарь		Старообряд- ческий календарь
			русское написание	украинское написание	
Агафангел **	Агафангел	Агафангел	Агафангел	Агафангел, Ага- тангел	Агафангел
Агрипина	Агрипина	Агрипина	Агрипина	Агрипина	Агрипина
Аполлинария	Аполлинария	Аполлинария	Аполлинария	Аполлинарія	Аполлинария
Василисса	Василисса	Василисса	Василисса	(Василина)	Василиса
Виссарион	Виссарион	Виссарион	Виссарион	Віссаріон	Висарион
Кирилл	Кирилл	Кирилл	Кирилл, Кирилла	Кирило	Кирил
Маркел	Маркелл	Маркелл	Маркелл	Маркел, Маркело	Маркел
Наркис	Наркисс	Наркис	Наркисс	Наркис	Наркис
Неонила	Неонила	Неонила	Неонила	Неоніла	Неонила
Савва	Савва	Савва	Савва	Сава	Сава

* В таблице приводится материал из следующих источников: 1) Западнорусский месечеслов на 1867 г.; 2) Бухарев И. Жития всех святых. М., 1915; 3) Календарь крестовый на 1916 г. Под ред. А. А. Гатцука; 4) Украинско-русский и русско-украинский словарь собственных имен людей. Киев, 1954; 5) Старообрядческий церковный календарь на 1955 г.

** Буква ѿ в таблице не учитывается.

Дело здесь не в противопоставлении краткой и долгой согласной, а в том, что долгая согласная и сочетание двух кратких не могут различаться, так как возникает нейтрализация в долгом звуке; поэтому любой произносимый долгий согласный звук (вплоть до йота!) надо считать не монофонемным звуком, а бифонемным сочетанием; в-третьих, применение к данным случаям понятий сильной и слабой позиции — неправомерно, это лишь неудачная аналогия. . .».

Тенденция или, скорее, мода удваивать согласные, о которой писал еще Я. К. Грот, продолжала развиваться, захватывая все новые и новые слова. Коснулась она и географических названий. Начавшись с таких вполне оправданных исправлений транскрипции зарубежных названий, как *Ардены—Арденны*, *Брокен—Броккен*, *Драмен—Драммен*, где в подлинном написании согласные буквы удвоены, она захватила и такие названия, где в языке-источнике нет удвоения — *Бруса*. Стремление писать интервокальный и конечный согласный удвоенно распространилось и на русские географические названия: станция *Ессаульская* (Челябинская обл.), *Черкассы* (Укр. ССР), но *Черкасы* (Саратовская обл.), *Муццы* (Новгородская обл.) — здесь удваивается даже неинтервокальное *с*. Особенно часто без надобности удваивается конечное *с*, очевидно, не без влияния прилагательного на *-ский* с морфологическим удвоением *с*: *Миас-ский*. На новейших картах название города и реки пишутся *Миасс*. Такая же судьба постигла названия *Мелекесс*, *Таласс*, *Алексино-Туголесс* и даже слово *спас* в названиях *Спасс-Слободка*, *Спасс-Угол*, *Спасс-Каменский*, *Спасс* (Московская обл.)¹².

Мода удваивать согласный в интервокальном и конечном положении касается как собственных, так и нарицательных имен. Возникшая под влиянием «обычных в нашей орфографии написаний двойных согласных в тех заимствованных словах, где это оправдано этимологически» (ср. М. М. Гухман 1955, 225), она распространилась и на другие слова, где она может быть объяснена либо

¹² Некоторым аргументом, объясняющим, но не оправдывающим написание *сс*, может служить немецкая традиция в русской картографии. Однако объяснять все удвоения влиянием немцев, служивших в картосоставительных организациях, было бы неверно.

аналогией, либо стремлением писать «грамотнее» и предположением, что писать слово с двумя согласными правильнее, чем с одним, хотя это предположение ложное.

Удвоение согласных без надобности не способствует улучшению орфографии, поэтому с излишними, неоправданными удвоениями надо бороться, не допуская их распространения на те случаи, где их нет в языках-источниках. Там же, где удвоение подкреплено формой слова в языке-источнике, отражение его в русской транскрипции будет способствовать единству русского и иноязычного написания, простоте обратной транскрипции, а также информативности передаваемого слова. Наибольшее количество удвоенных согласных встречается в научных и технических текстах (в собственных именах, терминах, а также в специальных образованиях от имен собственных: *ватт, гаусс, цеппелин*). Информация термина или номенклатурного обозначения будет лучше донесена до читателя, если его написание будет передано точнее, ср. медицинские *транссудат, экссудат, аффект* и т. п.

Как отмечает А. А. Реформатский (1965, 5), возможности графики в обеспечении максимальной передачи информации в некоторых случаях большие, чем в устной речи — различение на письме омофонов, различение омоимичных нарицательных и собственных, различение разных отношений, составляющихся путем слитного, раздельного и дефисного написания, особые пунктуационные приёмы и т. д. «Особенно это важно в тех случаях, когда письмо имеет дело с морфемно организованными «умными» словами (а не с опрошенными и деэтимологизованными лексемами). Такова специальная лексика, к которой относится терминология. Для терминов — это прежде всего осмысленность написания, отражающая поморфемный состав термина, где преследуется строгая систематичность. . . Упразднение написания двойных согласных в подобных случаях ведет к обесмысливанию термина и может базироваться только на нежелании показать терминологию как особый пласт или раздел лексики с его специфическими качествами». Поскольку классические языки (латинский и греческий) служат единым международным источником научных и технических терминов, наш долг передавать слова и отдельные морфемы этих языков как можно ближе к подлинному, продолжая издавна сложившуюся традицию, согласно

которой русская письменность хранила и продолжает хранить в более правильном виде, чем письменность многих других языков, достояние международной терминологии и мировой запас имен собственных, добываясь максимальной дифференцированности и осмысленности (см. Реформатский 1966).

В заимствованных собственных именах в целях приближения их русского написания к иноязычному удвоенные согласные сохраняются. Это не создает больших фонетических неудобств и облегчает запись имен, способствует их узнаваемости, ретранскрипции, в то же время сохраняя максимум информации имени (о языковой принадлежности, о лексическом значении основ и т. д.). Действующее в настоящее время при передаче географических названий механическое правило сохранять удвоенные согласные в интервокальном положении и на конце слов неудобно, так как оно игнорирует живую ткань языка и приводит к различному написанию одних и тех же морфем, ср. англ. *Fall, Falls*—*Фолл, Фолс*; шведск. *Svensson*—*Свенсон* — исчезает второе *s*, указывающее на то, что первая часть фамилии стоит в родительном падеже (подробнее см. Суперанская 1971). Кроме того, это механическое правило игнорирует случаи, когда в языке-источнике имеется две фонемы, сближаемые в транскрипции лишь с одной фонемой заимствующего языка. Ср. фонемы *г* и *гг* в испанском и албанском, *l* и *ll* в валлийском и албанском и т. п. В русском языке нет иных средств, кроме чисто графических, для изображения второго члена каждой из представленных пар, при этом последние следует передавать русскими *рр* и *лл* в любом положении, иначе теряется впечатление их «особости», а вместе с тем и информативность транскрибируемых слов.

Удвоенные согласные сохраняются в прилагательных, образованных от собственных имен, в которых пишутся удвоенные согласные: *Бонн*—*боннский*, *Дьепп*—*дьеппский*, *Кайенна*—*кайеннский*.

Использование вспомогательных букв

В русском алфавите имеются две буквы особого назначения: *ъ* и *ь*, которые сами не обозначают никаких звуков, но, подобно диакритическим значкам, меняют чте-

ние предшествующих или следующих за ними букв. До реформы 1917 г. каждый из них выполнял по две функции: во-первых, *ъ* показывал твердость, а *ь* — мягкость предшествующих согласных, во-вторых, *ъ* играл роль разделительного знака после приставок перед *я, ю, е, ё* (*подъезд*), в сложных словах после компонентов *двух-, трех-, четырех-* (*двухъярусный*), а также в немногих иноязычных словах (*изъян, адъюнкт, адъютант, конъюнктив*), а *ь* — внутри корня (*обезьяна*) и на стыке основы и окончания (*пью, щучьего*), см. Аванесов, Сидоров 1945, 1; когда *ъ*, указывающий на твердость предшествующего ему согласного, был упразднен, разделительный *ъ* стал дублетом разделительного *ь* в указанных позициях, при этом фонетического различия слов, в которых пишется *ъ* или *ь*, практически нет; в словах *побьем* и *объем* *б* произносится одинаково полумягко.

Употребление в транскрибированных словах буквы *ь* как знака мягкости не вызывает затруднений. В соответствии с общим положением, допускающим в заимствованных словах сочетания букв, не свойственные словам русского языка, возможны написания *Косць, Цъмелюв, Маньчжурия, Наньчан, Кобылянский* и т. п. В прилагательных, образованных от польских, китайских и нек. др. топонимов, иногда сохраняется *ь*: *Познаньский, Пномпеньский, Тайваньский, Саньский, Аньский* и т. д., чтобы отличать их от *Санский, Анский* и т. п. (*Сань* и *Сан* — разные слова), ср. *Рязанский, Медынский* без *ь*.

При передаче собственных имен языков народов СССР в последнее время снова пытаются использовать *ъ* как знак твердости, что не согласуется с правилами современной русской орфографии. Происходит это прежде всего от непосредственного перенесения имен языков народов СССР в их национальной орфографии в русские тексты, а также от попыток расширить функции твердого знака в русском написании. Способствует этому и отсутствие специальных правил написания собственных имен в своде орфографических правил русского языка, вследствие чего отдельные ведомства вынуждены их сами для себя разрабатывать. Например, при русской передаче географических названий «буква *ъ* пишется обычно перед *е, ю, я* в пишущихся слитно иноязычных географических названиях, если первое слово оканчивается на твердый согласный: *Агъегуш* (азерб.), *Акъяр* (башк.),

Кызылъялдуз (кирг.), *Язъяван* (узб.), *Лиелъямпрад* (лтш.), *Пиелисъярви* (финск.). В простых названиях, а также на стыке слов, оканчивающихся на мягкие согласные, в сложных иноязычных названиях ставиться *ь*: *Дюнья*, *Кёльяп* (туркм.), *Видзю* (коми)», см. Общую инструкцию § 15, п. 3. В этом случае *ъ* указывает не на приставку, но на конец морфемы и морфологический шов. А. А. Реформатский возражает против указанного употребления *ъ* как далеко выходящего за нормы современного русского языка и воскрешающего упраздненную функцию *ъ* — указывать на твердое произношение предшествующего ему согласного¹³.

Потребность в обращении к этому устаревшему значению *ъ* появилась в результате нового решения вопроса о слитном написании иноязычных топонимов, заимствованных в русский язык. Например, в пермских топонимах компоненты *ю* 'река', *яг* 'сосновый лес', 'сухое место' пишутся отдельно. В русской транскрипции их пишут слитно, следовательно, появляется необходимость в разделителе. Поскольку предшествующий им компонент может оканчиваться как на мягкий, так и на твердый согласный, в русской передаче используются *ъ* и *ь*: *Шоръяг*, *Косью*. Таким же образом оба разделителя, *ъ* и *ь*, используются при передаче китайских названий: *Янъань*, *Янъян*, *Янъюань*, *Янъю*, *Аньи*, *Аньюз*, *Аньюань*, *Яньань*. Согласно навыкам русского чтения при тенденции к открытым слогам внутри слова слогораздел здесь не будет проходить через разделители *ъ* или *ь*, а наоборот, будет слитное произношение не там, где это требуется по условиям языка-источника. И *ъ*, и *ь* в этих случаях свидетельствуют лишь о том, что следующую за ними гласную надо предварять йотом, т. е. получается [jл-'нан'], [jл-'нjan], [jл-нју-'ан'], [л-н'ју-'э] и т. д. Следовательно, написание типа *Янъань*, *Янъю* вообще не имеют смысла. Для русского это то же, что *Янань*, *Яну*, а то, что сейчас передается как *Янъян*, *Янъюань*, должно писаться *Ян-Ян*, *Ян-Юань*. Такое написание дает безупречное следование структуре языка-источника,

¹³ В ряде случаев *ъ* в национальной орфографии указывает на особое качество предшествующего согласного: кумыкск. *Умакъ*, *Акъай*, *Къыс*. Полагаю, что перенесение подобных написаний в русские тексты недопустимо.

но создает новую проблему: что писать с прописной и что со строчной буквы (см. следующий раздел). В принятом в настоящее время написании китайских и некоторых других слов ъ заменяет дефис и сигнализирует о том, что стоящие справа и слева от него компоненты составляют одно слово. Хотя транскрипция иноязычных слов и допускает необычные сочетания букв, но графические приёмы и орфографические навыки, а также навыки чтения принимающего языка должны сохраняться. Иначе транскрибированное слово нельзя будет прочесть. Следовательно, в указанных и подобных случаях ъ необходимо заменить на дефис. При написании через дефис обеспечивается единая передача одних и тех же компонентов во всех позициях, сохраняется целостность примарных слогов (слов) даже в самых сложных случаях, ср. китайск. *фанань* 'затянуть скандал' и *фан-ань* 'проект'¹⁴.

Аналитическая передача йотированного гласного, следующего за твердым согласным, предпочтительна там, где и в других позициях этот гласный показан аналитически, т. е. это относится главным образом к сочетанию *jо*, ср. *Йод*, *Йорк* и *Кызылйол*, *Олдйорк*. В прочих случаях этот способ нарушает целостность морфемы: эст. *Väinjärve*—*Вяйнйарве*, норв. *Storjord*—*Стурйурд*, нем. *Großeser*—*Гросйезер*, англ. *Wainyard*—*Уэйнйард*; ср. *Ярд*, *Ярве*. Инструкции ГУГК и Справочник Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина предусматривают в этих случаях написание ъ.

Употребление в этих случаях ъ по законам современного распределения знаков русского алфавита не должно давать смягчения предшествующего согласного, ср. разделительный ъ в корне и на стыке корня и аффикса в таких словах, как *воробья*, *ружьё*, *копьём*, *бьют*, *вьюн*, где согласный перед ъ в индивидуальном произношении отдельных лиц может быть довольно твердым. Практически всегда мягким бывает только *л*, если пишется *ль*: *льяносы*, *льют*, *ателье*. Поэтому вполне приемлемой можно считать передачу *Уэйнйард*, *Вяйнйарве* так же, как и датск. *Viærke*—*Бьярке*, тем более, что в языках-источниках согласные (за очень небольшим исключением)

---

¹⁴ Об использовании ъ для передачи арабского «айна» см. в разделе «Апостроф».

представлены в одном, «среднем» варианте. Следовательно, такая передача не будет мешать обратной транскрипции и не приведет к нарушению фонематичности передачи.

Сложность могут вызвать случаи типа англ. *Pullew* ['pulju:], где слогораздел проходит через согласный *l*. Рус. *л* перед разделительным *ь* всегда мягкое, а двойное *л* дает один долгий звук. Поэтому переданная как *Пуल्लीю* эта фамилия может быть прочитана по-русски как ['пул'ju], а не ['пул-л'ju]. Но передача *Пуल्लीю* была бы совершенно неуместна. В связи с тем, что фонематичность не нарушится при записи *Пуल्लीю*, специалист это слово узнает. Ср. русское слово *поллитровка*, где двойное *л* получается на морфемном шве и произносится так, как должно произноситься в данном английском слове.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем особое разделение функций между «диакритическими» буквами *ъ* и *ь* в собственно русских словах. Очевидно, это распределение необходимо сохранить и в словах заимствованных, не восстанавливая отжившей функции *ъ* — указывать на твердость предшествующего согласного.

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Род. Число. Склонение

Становясь словами нового языка, транскрибированные единицы должны прежде всего получить признаки определенной части речи, к которой они присоединяются, и способность функционировать в речи, подобно прочим словам данной лексической категории. Поскольку в подавляющей массе заимствуются существительные, они должны обрести в русском языке категории рода, числа и падежа, способность склоняться или хотя бы согласовываться в предложении или фразе.

Я. К. Грот (1876, 349—358) отмечал, что русский язык по-разному «распоряжается» окончаниями принимаемых слов. При заимствовании существительных практикуется три главных способа:

1) если окончание иноязычного слова не противоречит законам нашей фонетики и словообразования, имя принимается в русский язык целиком: *доктор, вексель, экипаж*, иногда с некоторым изменением конечных элементов для

приведения их в соответствие с грамматическим родом: *дама, армия*;

2) если окончание иностранного слова звучит несколько чуждо для нашего слуха или оказывается слишком длинным, то мы его видоизменяем или сокращаем: *монастырь* из *μοναστήριον*, *келья* (нов. греч. *κελλεῖον*). Франц. *-tion, -sion* обращается в *-ция, -сия, -зия*: *нация, претензия, пенсия*; *-ium* — в *-ия*: *collegium—коллегия, gymnasium—гимназия, seminarium—семинария*.

3) для дальнейших «второобразных словосоставлений» служат различные суффиксы. Например, для перевода в русскую форму многих иностранных названий женского рода служит суфф. *-ка*: *табакерка, салфетка, этажерка, брюнетка*.

Для того чтобы стать полноценными словами русского языка, заимствованные слова должны получить все лексические и грамматические характеристики, которыми обладают русские слова. Среди них немаловажное значение имеют категории рода и числа, позволяющие именам, употребляющимся в русском тексте, изменяться по падежам (склоняться). Если оформленное средствами русского языка заимствованное слово оканчивается на твердый согласный, оно присоединяется к классу существительных мужского рода (*апартамент*), если оно оканчивается на *-а*, то становится словом женского рода (*софа*), если оканчивается на *-о (-е)*, — словом среднего рода (*соло*). Однако из этого общего правила имеется ряд исключений, обусловленных ударением слов и их морфологией в языке-источнике. Особенно часто это наблюдается в собственных именах, где денотативная соотнесенность может препятствовать чисто грамматическим связям (см. Суперанская 1965 в.).

Так, иноязычные географические названия *Берлин, Рейн, Париж* — мужского рода, *Генуя, Тирана* — женского, *Сараево, Елхово* — среднего. Но конечные элементы многих иноязычных топонимов не соответствуют наиболее типичным окончаниям русских топонимов, и это осложняет их приспособление к русским грамматическим категориям. Ряд названий лишь условно соотносится с тем или иным русским грамматическим родом. Например, названия городов *Триполи, Хакодате, Чарджоу* — мужского рода, потому что мужского рода слово *город*. По той же причине названия горы *Юнгфрау* и реки

Янцзы — женского рода, хотя в литературе встречается и согласование последнего названия с определением мужского рода (*вечный Янцзы*), название озера *Эри* — среднего рода. Ср. нарицательные типа *депо*, *боа*, *какаду*, *колибри*, род которых также определяется лишь условно по грамматическому роду ближайшего родового определяемого и отчасти связан с категорией одушевленности: *какаду* м. род, *колибри* (самец — он, а самка — она), *боа* змея м. род, горжет — ср. род., но у Пушкина *боа пушистый* — м. род.

Было бы неверно полагать, что род заимствованных имен в русском языке определяется их грамматическим родом в языке-источнике. Могут быть лишь отдельные совпадения: *Рейн*, *Майн* — мужского рода и в немецком и в русском языках, *la Seine*, *la Loire* женского рода и во французском, и в русском языках. Но основной критерий установления родовой принадлежности топонимов все же морфологический — соответствие их конечных элементов определенным топонимическим моделям русского языка. При этом ряд топонимов перестраивается в русском языке по его моделям: фр. *le Rhône* — *Рона* — река. Родовую соотношенность в русском языке получают также имена, заимствованные из тех языков, где категории рода нет: тюркск. *Караганда* — жен. род, *Чатырдаг* — м. род.

В ряде случаев, когда в составе географического названия имеется переведенное определение, затруднение вызывает его согласование с определяемым: *Заалтайская Гоби*, *Западная Сьерра-Мадре*, *Западное Самоа*. В таких случаях обычно опираются на родовую отнесенность слова, обозначающего категорию объекта: *пустыня*, *гора* — ж. рода, *государство* — ср. рода. Ср., однако, *Западный Уайт-Ривер*, где родовая соотношенность осуществляется в соответствии с конечным твердым согласным слова *Ривер*, а не со словом *река*.

У слов, оканчивающихся на мягкий согласный, родовая принадлежность часто бывает неясна: *ворвань*, *шампунь*, *канифоль*, *картель*. Зафиксировано немало слов, сменивших свой род и парадигму склонения в русском литературном языке (*рояль*, *портфель*, в XIX в. — ж. род, в XX в. — м. род). Следует отметить и тенденции литературного языка последнего столетия — к увеличению числа слов мужского рода за счет сокращения числа

слов женского и особенно среднего рода. См. Суперанская 1965в.

Что касается географических названий, то у них нередко родовое обозначение именуемого объекта как бы передает свой род собственному имени: *Версаль* — городок — он (хотя во времена Пушкина *Версаль* — она). Географический термин среднего рода *озеро* не может помочь установлению родовой принадлежности топонима *Ильмень* (м. род.). В топонимах, оканчивающихся на *-ань*, родовая принадлежность может установиться вопреки термину: *Нахичевань* — она, хотя и город. Кроме того, в русском языке существуют традиции особого восприятия и употребления имен отдельных стран и территорий. Например, китайские топонимы, оканчивающиеся на *-ань*, *-янь*, *-инь*, *-унь*, *юнь*, *-энь*, в китайских изданиях на русском языке склоняются по парадигме женского рода, а в советских изданиях преобладает их склонение по парадигме мужского рода, поскольку в русской литературной традиции названия населенных пунктов этого типа тяготеют к мужскому роду.

Славянские названия, оканчивающиеся на *-ань*, преимущественно относятся к женскому роду (*Познань*, *Любань*), а на *-ень* — к мужскому (*Коростень*, *Пльзень*); названия, оканчивающиеся на *-унь*, испытывают колебания в роде (*Торунь*, *Корсунь*) с преобладанием мужского рода.

Топонимы, оканчивающиеся на *-поль*, *-виль*, *-славль*, *-мысль*, *-мышль*, относятся к мужскому роду. Топонимы с финалью *-ль*, не подкрепленной какой-либо конкретной морфемой, стремятся к мужскому роду. Но среди них есть и слова женского рода — *Ларошель*, возможно под влиянием нарицательного *крепость*, а возможно, и в связи с тенденцией отнесения заимствованных нарицательных с финалью *-ель* к женскому роду.

Топонимы с финалью *-рь* принадлежат преимущественно мужскому роду. Однако на отдельных территориях, где наличествуют топонимы и с твердым, и с мягким *р*, они могут вступать в бинарную оппозицию и тогда топонимы на *-рь* относятся к женскому роду, ср. *Свирь*, *Тверь*, *Уверь* как противопоставленные топонимам типа *Селигер*.

Только множественное число имеют географические названия объектов, состоящих более, чем из одного «предмета». Обычно это названия архипелагов, горных

массивов и некоторых стран: *Андаманские о-ва, Альпы, Кордильеры, Рейнские Сланцевые горы, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды*. Множественное число их выражено грамматическими средствами русского языка.

Некоторые названия городов также употребляются в русском языке только во множественном числе. Объясняется это либо переосмыслением иностранного окончания в русском языке, либо прибавлением к иностранному названию окончания *-и (-ы)*, которого оно не имело, либо, наконец, оформлением иноязычного названия, имеющего форму множественного числа в исходном языке, русским суффиксом множественного числа: *Афины, Салоники, Чебоксары, Сочи, Гагры, Яссы*.

Иностранные фамилии, оканчивающиеся на гласный, соотносятся с мужским или женским родом только по денотату: *вошел Папандопуло; пришла Костанди; «пленительный Россини»*. В фамилиях, оканчивающихся на согласный, род в именительном падеже единственного числа грамматически не выражен: *Пурвер, Круус, Сибелиус*. В косвенных падежах эти фамилии по родам различаются, склоняясь, если они принадлежат мужчинам, и оставаясь несклоняемыми, если они принадлежат женщинам: *Послали приветствия Шалену и Якобсон*.

Некоторые фамилии в языках, близкородственных русскому, имеют окончания, функционально и материально аналогичные русским: польск. *Kurczyński, Terlikowska*. Такие фамилии часто передаются на русский язык с русскими фамильными суффиксами: *Купчиньский, Терликовская*. Это сразу же соотносит их с фамилиями мужского и женского рода русского языка и делает их склоняемыми, хотя и несколько нивелирует национальные особенности их. Есть и другой способ заимствования подобных фамилий в русский язык, при котором стремятся к наибольшей фонетической точности: *Купчиньски, Терликовска*. Однако он менее удобен, поскольку при нем получается сушлетьивная парадигма: в именительном падеже они подобны несклоняемым словам, а в косвенных — склоняются, как если бы оканчивались на *-ий, -ая*: *Купчиньского, Терликовской*.

Окончания фамилий *Бевин, Чельпин, Хультин, Плантин, Дарвин, Кронин* как будто бы совпадают с русским фамильным суффиксом *-ин* мужского рода (ср. *Аннушкин*). Но это фамилии языков, имеющих одну форму имени

собственного как для мужского, так и для женского рода. Поэтому при заимствовании подобных фамилий, принадлежащих женщинам, нельзя прибавлять к ним русское окончание женского рода *-а*: *Ingrid Plantin* — *Ингрид Плантин*, а не *Плантина*. И склоняются эти фамилии только у мужчин, получая в творительном падеже окончание *-ом*, а не *-ым*: с *Дарвином* (хотя с *Дарыным*).

Женские личные имена, оканчивающиеся на *-а*, *-ия*, при заимствовании в русский язык становятся именами женского рода не только лексически, но и грамматически: исп. *Lucía* — *Лусия*, ит. *Speranza* — *Сперанца*. В женских именах, оканчивающихся на другие гласные: *Мимй*, *Марб*, *Лакме* род — чисто лексическая категория, определяющаяся денотативной связью имени. Многие женские имена оканчиваются как в языке-источнике, так и в русской передаче, на согласный: *Кармен*, *Элен*, *Ирен*, *Соледад*, *Долорес*. Род таких имен также категория чисто лексическая. «Раньше в русском (и еще ранее в церковнославянском) книжном языке все заимствованные собственные имена женщин, кончающиеся на согласный, снабжались признаком *-ь* (как «*тень*, *дочь*»), например, *Esther* — *Эсфирь*. Позже русские переводчики применяли *-а*, например, фр. *Cendrillon* (Золушка) — *Сандрильона* (Юшманов 1942, 817). В такой переделке есть резон, поскольку она сразу облачает иностранное имя в русскую «грамматическую одежду», ставит его в один ряд с русскими именами женского рода. Однако, такие переделки, порой, сильно искажают первоначальный облик имени, и в последнее время стала заметной тенденция избегать их: *Мариэтт*, *Флоренс*, *Флёр*. Это дает довольно точное соответствие исходной форме, но делает имя несклоняемым и часто непонятным без поддержки контекста.

Таким образом, в настоящее время в русском языке сложилось два направления передачи подобных имен: с окончанием *-а* и без него. В первом случае имя легко входит в русский язык, склоняется, хотя и несколько отличается от своего иностранного прообраза. Во втором случае оно довольно точно соответствует звучанию в иностранном языке, хотя употребление его в русском языке встречает некоторые затруднения, так как имя нуждается в постоянной контекстной поддержке. Представляется, что наиболее рациональным будет дифференцированный подход к заимствуемым именам и передача старых, давно

известных в русском языке имен в соответствии с установившейся традицией (т. е. с окончанием *-а*), а имен, вновь вводимых в русский язык, — в соответствии с новой тенденцией (без окончания *-а*). Подробнее см. Суперанская 1961.

Поскольку конечный мягкий согласный не дает однозначного указания на то, что это женские имена (ср. мужские *Гамаль*, *Ковель*, *Мишель*, *Лу Синь*), в последнее время не прибегают к специальному смягчению конечных согласных как средству соотнесения имени с женским родом, что практиковалось раньше в именах *Юдифь*, *Рахиль*, *Эсфирь*, а передают конечный согласный с помощью русского мягкого согласного лишь там, где иначе передать нельзя: *Цинь-Линь*, *Лянь-Шань*, *Николь* и т. д. Об особенностях склонения заимствованных слов и собственных имен см. Лабунько 1963, Суперанская 1965, Еськова 1968, Калакуцкая, Сталтмане 1969, Даниленко 1968.

Прописные и строчные буквы

Как отмечает А. А. Реформатский (1938), вопрос о строчных и прописных буквах не связан с остальными орфографическими нормами и может решаться независимо от других правил орфографии. В современном русском языке прописные буквы наделены тремя функциями: 1) выделяющей (начало текста, абзаца, фразы); 2) стилистической (символической, патетической), передающей возвышенное отношение к обозначаемому; 3) десемантизирующей, сигнализирующей о превращении имени нарицательного в собственное. Оставляя в стороне выделительную функцию прописных букв как не относящуюся к данной теме, остановимся на функции десемантизирующей и отчасти на стилистической, поскольку они могут представлять трудности для транскрибирующего.

Прописные буквы в собственных именах появились только в позднейших полууставных рукописях. В древнейших уставных письменах собственные имена ничем не отличались от прочих слов и потому выделение их из контекста было порой затруднено (см. Буслаев 1863, 341—342). Прописные буквы «при беглом чтении... дают глазу точки опоры, облегчают ему отыскание нужного» (Грот 1876, 359; 1885, II, 403). Поскольку лексемы, из

которых состоят собственные имена, семантически не связаны с контекстом, выделение их (в частности, с помощью прописных букв) из общего повествования очень важно. Оно способствует лучшему пониманию текста, особенно в случае омонимичных собственных и нарицательных имен.

Выявление и уточнение разрядов слов, пишущихся с прописной буквы, тесно связано с развитием взглядов на имя собственное как на особую лингвистическую категорию. При этом слова, в которых прописные буквы используются в стилистических целях, иногда ошибочно относят к именам собственным.

Стилистические прописные буквы. В XIX в., возможно под влиянием некоторых западных образцов, в русской практике сложилась традиция написания ряда слов с прописной буквы для соблюдения «некоторых условных приличий» (см. Третье и четвертое совещания... 1862, 403). А. И. Соболевский (1904, 813) подчеркивал, что, обращаясь в какое-нибудь учреждение или к должностному лицу, мы должны писать его название или титул с прописной буквы. Буслаев (1863, 341) приводил в качестве примеров таких слов *Государь*, *Сенат*, *Господин*, *Госпожа* перед собственным именем, обращения в письмах *Вы*, *Ваш* и проч. О том же писали Греч (1834, 545), Давыдов (1852) и др. А. Х. Востоков (1839) отмечал, что с прописной буквы следует писать слова, обозначающие титулы, чины и должности лиц разного звания, включая самые низшие степени: *Солдат*, *Матрос*, а также *Дворянство*, *Купечество*, *Духовенство*. Круг таких слов для каждой эпохи и каждой социальной группы различен. Отдельным людям достойными уважения кажутся иноязычные слова, и они готовы любое заимствование писать с прописной буквы. «Было время, — замечает Я. К. Грот (1876, II, 358; 1885, II, 402), — когда всякое иностранное слово писали с большой буквы. Карамзин писал *Автор*, *Литтература*. Так же писали звания, должности, учреждения, титулы, независимо от происхождения слов: *Генерал*, *Профессор*, *Департамент*, *Землеописание*. Но вскоре после Карамзина эта привычка стала изменяться».

Интересно, что в результате более или менее длительного написания с прописной буквы некоторые слова начинают считаться за собственные. Чувствуя, что это лишь дань традиции, многие выдвигают предложение «умень-

шить количество прописных букв» (Сумароков, Сенковский, Куницкий, Брандт, Хованский, Добролюбов и др.). Соболевский (1904, 812—813) предлагал решать сомнения в пользу нарицательного имени, т. е. в пользу употребления малой буквы. Стоюнин (1862, 402) писал, что «под определение собственного имени не подойдут названия чинов, титулов, разных гражданских ведомств, названия родовые и видовые, хотя они и происходят от собственных имен: *киевский житель*, *московский университет*, *петербургская академия наук*». О том же писал Грот (1885, II, 404—405).

К. Г. Житомирский (1915) отмечал, что «выражать посредством заглавных букв уважение лицам и учреждениям слишком наивно». Тем не менее иногда прописным и строчным буквам приписываются такие функции, которыми они в действительности не обладают, а именно, указание на положительные или отрицательные качества, нравственную и прочую оценку. Согласно этой предпосылке, пишут со строчной буквы *ли сын маны*, *гитлеры*, *квислинги* и с прописной — *Космодемьянские*, со строчной *средневековье* и с прописной — *Возрождение*. В перечисленных примерах не может употребляться стилистическая прописная буква, потому что перед нами не нарицательные, а собственные имена. Написание со строчной буквы слова *гитлеры* характеризует отнюдь не наше презрение или ненависть к ним, а превращение слова в нарицательное, обретение им связи с понятием или понятиями «жестокие властители», «неудавшиеся завоеватели», «фашисты» и т. п. Если же имеются в виду личности, подобные Гитлеру, *Гитлеры* надо писать с прописной, и в этом не уважение или почтение, а закономерное употребление прописной буквы.

Несколько иначе обстоит дело с названиями *средневековье* и *возрождение*, которые могут употребляться в качестве нарицательных и тогда будут писаться со строчной буквы. Употребленные в качестве собственных названий определенных исторических периодов, они пишутся с прописной буквы, которая не означает уважения или почтения, а лишь свидетельствует о превращении обозначения в собственное имя.

Десемантизирующие прописные буквы. Употребление прописных букв — своеобразная идеография. В подавляющем большинстве случаев это указание на то, что

перед нами имя собственное. Как отмечает Ю. А. Карпенко (1969, 23), употребление прописной буквы в собственных именах — следствие, а не причина того, что это собственное имя. Он пишет (1969, 26), что нет переходных случаев между собственными и нарицательными именами, хотя одни легко переходят в другие. Но нет слов, обладающих отчасти свойствами одних и отчасти других. К сожалению, в наши дни, как и во времена Грота, нет достаточно чёткого определения круга слов, которые следует относить к собственным именам. Так, помимо общепризнанных категорий, Грот относил к числу собственных имена народов и населений, Буслаев — наименования наук и художеств, Греч — названия людей, исповедывающих какую-либо веру, и прилагательные от них. На орфографической комиссии 1862—63 гг. обсуждалось, можно ли отнести к собственным именам названия месяцев и дней недели. Житомирский (1915, 250), считая их собственными, предлагал писать *Апрель*, *Четверг*. Смешения стилистической и десемантизирующей функций, а также оглядка на орфографии других языков создают иллюзии, что это собственные имена.

Я. К. Грот колебался, к нарицательным или собственным относить названия народов (1876, 364). Он писал, что относить их к нарицательным не вполне справедливо. «Если название страны, местности и т. д. считается именем собственным, то почему не признавать таким же название населения. Когда название нации служит только определением другого имени, то следует писать малую букву: *англичанин Диккенс*... Если требовать единообразия, то следует предпочесть большую букву». Ср. однако его же (1885, II, 405—406), где он пересматривает свои взгляды. «Имена племен, народов, населений, имена исповеданий или учений и последователей их, названия орден, полков, учебных заведений и лиц, именуемых по полкам или заведениям, пишутся с малой буквы: *славянин, чехи, москвичи, европейцы; христиане, христианство; ислам; классическая гимназия, кадетский корпус; студент, правовед, кадет; измайловский полк, преображенец, гусар, улан; аннинская лента, alexандровский кавалер*».

Эта более поздняя формулировка базируется на типологии лексики и отвечает логике. Эта же линия продолжена Комиссией Ушакова: «Названия народностей, физи-

ческие единицы и понятия, химические элементы, системы оружия, виды и формы одежды, породы животных, виды машин, аппаратов, орудий, сорта растений, плодов и семян, термины исторических наук, медицинские, шахматные термины пишутся со строчной буквы». Таким образом, в результате почти столетней практики отшлифовывалось определение собственного имени и уточнялся круг слов, которые следует писать с прописной буквы.

Категории слов, относящихся к собственным именам, очень неоднородны по своему составу. Эта неоднородность отражается и на письме. Среди них есть однословные и многословные имена, есть типы, выделяемые и не выделяемые кавычками, типы, в которых с прописной буквы пишется только первое слово и в которых с прописных пишутся все слова. В настоящее время различия между этими типами обозначились достаточно чётко, однако и до наших дней встречаются предложения уравнивать в написании все имена и писать с прописной буквы лишь первое слово любого собственного имени, состоящего из нескольких слов, или, наоборот, — все слова в составе любого имени писать с прописной буквы.

Можно выделить группу разрядов собственных имен, составляющих ядро ономастической лексики, основное назначение которых прежде всего быть собственным именем. В них с прописной буквы пишутся все знаменательные слова. Это индивидуальные обозначения реальных людей (*Джон-Стюарт Милл*), героев литературных и сценических произведений, эпоса и фольклора (*Харальд Косматый*, *Дама с Озера*), имена типичных представителей определенных национальных или социальных групп (*Джон Буль*), индивидуальные клички реальных или сказочных животных (*Чеширский Кот*), индивидуальные обозначения географических объектов (улица *Королевская Миля*, о-ва *Арктического Института*), стилистически значимые прозвищные обозначения географических объектов (*Северные Афины* — *Эдинбург*), названия за пределами земного шара (*Большая Медведица*), имена мифических объектов (*Афина Паллада*).

Не решен вопрос о написании обозначений титулов, званий, должностей и т. п. в составе географических и астрономических названий. В географической традиции первое слово названия должно писаться с прописной буквы: *мост Лейтенанта Шмидта*, *звезда Эрцгерцога*

Карла, остров Святой Елены, острова Королевы Шарлотты. Происходит десемантизация подобных обозначений, превращение их из титулов в простые «наполнители» данной модели, ср. перифразы: *на Святой Елене, возле Лейтенанта Шмидта*, подтверждающие прочность вхождения указанных компонентов в состав названия. Против написания титулов в топонимах с прописной буквы возражает А. А. Реформатский (Приложения к Правилам 1951, 130; Орф. диск. 1964).

Другую группу разрядов собственных имен составляют обозначения, построенные на словах, перенесенных в ономастическую лексику из других лексических пластов. Это или нарицательные имена, закрепленные в результате акта онимизации и специализации их функций только за одним индивидуальным объектом, или названия, построенные на базе других, более типичных собственных имен. Тем не менее по своему назначению и роли в языке все они относятся к ономастике. С прописной буквы пишется первое слово таких названий, а также входящие в их состав собственные имена других категорий. Они характеризуются тем, что, как правило, в какой-то мере отражают характер (свойства, качества, местонахождение, образ деятельности и т. п.) именуемых объектов и при передаче на другие языки частично или полностью переводятся. Сюда относятся образные географические названия (с яркой мотивировкой): *Дорога паломников, Мост вздохов, Долина смерти* ¹⁵; названия зданий, монументов, интерьеров: *Дом радиовещания, Королевский павильон*; индивидуальные названия растений: *сосна Самолет*; названия дат: *День победы, День шахтера*; названия исторических событий: *Флодденское сражение*; названия политических и экономических законов, договоров, соглашений и т. п.: *Акт об охране государства, Закон о заключении пари*; обозначения органов государственной власти и

¹⁵ Эти названия (обычно полуофициальные) не могут писаться по общему правилу: *дорога Паломников, мост Вздохов*, потому что их первый компонент (хотя он и указывает на род объекта) не может быть выделен из их состава: нельзя написать *Паломников дорога, Вздохов мост* или *м. Вздохов*. Все название представляет целостную фразу. Нельзя писать и *Мост Вздохов*, потому что не происходит десемантизации смыслонесущего элемента. В противном случае *Вздохов* может быть принято за притяжательное прилагательное от имени собственного *Вздох*, ср. *Тучков мост*.

местного самоуправления, институтов, партий, союзов, обществ и т. п.: *Королевский суд, Лондонский ботанический музей, Пони-клуб, Полиция Лондонского сити*; названия орденов, медалей, премий, а также уникальных вещей: *Приз королевы Елизаветы; орден Британской империи I степени, Коронационное кресло*. Типы собственных имен, пишущиеся с прописной буквы и выделяемые кавычками, перечислены в разделе «Кавычки».

Правило о написании притяжательных прилагательных от имен собственных было сформулировано Я. К. Гротом. Основные положения его подтверждены в приложении к «Правилам» 1951, 129: «С большой буквы пишутся притяжательные прилагательные, образованные от личных имен посредством окончаний *-ов* и *-ин*: *Петрово время, Екатеринин век*. Прилагательные относительные на *-ский* и *-кий*, образованные как от личных имен, так и от имен народов и местностей, только тогда пишутся с большой буквы, когда входят в состав названия и могут считаться собственными именами: *Тульская губерния, Французская академия*. Во всех других случаях такие прилагательные пишутся с малой буквы: *ломоносовский слог, шведская нация, тамбовский губернатор, донецкий уголь*» (1885, II, 406—407). А. А. Реформатский (1938, 99) считает, что отантропонимические прилагательные должны писаться с прописной буквы, если обозначают принадлежность денотату антропонима.

Превращение собственных имен в нарицательные сопровождается изменением их написания: они пишутся со строчной буквы. Однако уловить сам факт перехода не всегда представляется возможным: возникают спорные случаи, сопровождающиеся колебаниями написания. «В случае сомнения, стало ли данное слово нарицательным родовым или нет, следует поставить его в качестве родового определяемого к безусловному собственному имени, и если это сочетание возможно — писать со строчной буквы, если невозможно — с прописной (*ловелас* — можно, *Петроний* — нельзя)» — Материалы орфографической комиссии Д. Н. Ушакова. Подробно о всех случаях написания прописных и строчных букв см. Протченко, Суперанская 1964, Суперанская 1965а.

Дефис

Как отмечал Б. В. Томашевский (1959, 14), источник слова дефис — нем. *Divis*, происходящее от лат. *divisum* 'для разделения'. А. А. Реформатский (1964а) пишет, что дефис как знак переноса противопоставлен нулю в конце строки и является техническим знаком связи разорванного строкоделением слова. В иных случаях он может быть противопоставлен пробелу и контакту, т. е. раздельному и слитному написанию. В случае противопоставления пробелу — знаку пунктуационному — и дефис следовало бы отнести к пунктуационным знакам; в случае же противопоставления дефиса контакту, т. е. слитному написанию слов, пришлось бы отнести его к орфографическим знакам. В противоположность пробелу дефис соединительный знак, в противоположность контакту — раздельный.

Дефис употребляется во всех случаях, когда надо соединить в одно целое два слова или два иных элемента для обозначения одного объекта: 1) при повторении слова в неизменном виде, с его дериватом или с синонимом или антонимом: *едва-едва*, *мало-мальски*, *тихо-мирно*, *купля-продажа*; 2) при сочетании двух слов, обозначающих параллельные понятия: *грибы-ягоды*, *кафе-ресторан* или где первое является определением второго: *премьер-министр*, *дизель-электроход*; то же с постпозитивным определением: *Аника-воин*, *Маша-резвушка*, *инженер-механик*, при сочетании иноязычных частиц: *контр-адмирал*, *унтер-офицер*, *штаб-квартира*.

Из рассмотренных нами 11745 заимствованных слов 150 пишутся через дефис, при этом некоторые обнаруживают колебания в написании (слитно или через дефис, а слово *аkonto* — раздельно или через дефис). Отметим также разнописание, казалось бы, аналогичных слов: *бери-бери*, *киви-киви*, *пинг-понг*, ср. рус. *тик-так* и *там-там*, *триктрак*, *щец*. Несовпадение написания основного слова и производных отмечается в таких гнездах, как *сальто-мортале* — *сальтоморталист*, *шахер-мажер* — *шахермажерский*, но *яхт-клуб* — *яхт-клубовец*, *приват-доцент* — *приват-доцентура*.

Отметим некоторые противоречия в словах, пишущихся через дефис: *блок-аппарат*, *блок-пост*, но *блокзауз*, *блокнот*, *блочкиф*; *брамсель*, но *брам-стенъга*; *камер-*

лакей, камер-паж, камер-фрау, но камердинер, камергер. Ср. также в орфографическом словаре *донжуан, донкихот, женьшень, камер-фрейлина, кафешантан, сенбернар*, и в словаре иностранных слов: *дон-жуан, дон-кихот, женьшень, камерфрейлина, кафе-шантан, сен-бернар*.

Орфографические правила 1956 г. дают неудовлетворительные рекомендации относительно дефисных написаний: для учащихся они не нужны, а для редакторов — недостаточны. Несколько обширный материал нуждается в уточнении в отношении слитного или дефисного написания явствует из того, что Б. З. Бучиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой при участии В. Э. Сталтмане был составлен значительный по объёму словарь, регламентирующий написание общих и терминологических слов (1972). По свидетельству составителей, многое приходилось уточнять совместно со специалистами в области различных дисциплин, так как логика построения слова нередко вытекает из знания реального соотношения вещей в той или иной сфере науки, техники, хозяйства.

Для русского языка основные принципы следующие: сочетания равноценных элементов соединяются дефисом: *посуда и хозяйство — посудо-хозяйственный*; сочетания элементов, из которых один определяет другой, соединяются без дефиса слитно: *стеклянная тара — стеклотара*.

Правилами русского языка допускаются раздельные или слитные написания некоторых слов в зависимости от замысла пишущего: если одно из слов определяет другое и связано с ним известными синтаксическими отношениями, они пишутся раздельно: *мало художественный* (мало — наречие, обстоятельство меры и степени); *место жительства* (жительства — существительное, дополнение, ср. *место отдыха, стоянки, кормления животных*), но *малохудожественный, местожительство* как обозначения единых целых понятий.

Те же принципы определяют в русском языке и написание собственных имен: фамилии *Мамин-Сибиряк, Салтыков-Щедрин*; мыс *Сердце-Камень*, город *Орехово-Зуево*, государство *Австро-Венгрия*. Ср. однако *Чехословакия* — название, образованное по той же модели: *Чехия и Словакия*, но здесь, очевидно, оказывает влияние написание (слитное) этого названия в исходном языке: *Československo*. Слитно пишутся русские топонимы, образованные при помощи соединительных гласных из сочетаний с под-

чинительной связью компонентов: *Стародуб, Петро-
заводск, Чернолучье, Малоархангельск* (подробнее см.
Суперанская 1964). Слитно пишутся топонимы, образова-
нные путем конфикации (суффиксация с префиксацией):
Заозерная, Прилучье, а также сложения, включающие
косвенный падеж числительного и существительное:
Семипалатинск, Пятихатки, Трехозерная.

Особую важность приобретают дефисы при русском
оформлении иноязычных имен. В русской традиции
записи заимствованных слов издавна отмечалось две тен-
денции. Одна — передавать иноязычные многословные
названия, соблюдая четкие границы слов. Чтобы показать
связь компонентов между собой, их соединяют дефисом:
Чатыр-Даг, Янги-Курган и т. д. Другая тенденция исхо-
дит из положения, что все компоненты имени объединя-
ются в одно целое, а следовательно, оправдывается слит-
ное написание иноязычных многокомпонентных слов.
Например, Н. П. Архангельский, обсуждая проблемы рус-
ской передачи тюркских топонимов, писал, что за основу
лучше брать узбекскую орфографию со слитным написа-
нием: *Иссыккуль, Амударья, Кургантюбе*, нежели кир-
гизскую с раздельным написанием подобных слов, пояс-
няя, что *Амударья* — это то же самое, что *Ленинград,
Новгород* (1935, 5).

Поскольку топонимы каждой территории образуют
свою топонимическую систему, то естественно, что для
одних систем будут более характерны дефисные, а для
других — слитные написания. Например, в настоящее
время для территории СССР чаще применяется слитное
написание (*Эмайыги*), а в зарубежных названиях дефис-
ные написания постепенно заменяются слитными:
Пюхляюки, Кюрёнюки. Пересмотр и переделка географи-
ческой номенклатуры, проводившиеся в разное время
для разных территорий, привели к тому, что стали по-
разному писаться не только одинаковые названия не-
скольких объектов (*Кара-Даг* в Крыму, *Карадаг* на Кав-
казе), но и названия одних и тех же объектов (р. *Ак-Су*
на территории Киргизии; она же *Аксу* на территории
Казахстана).

Для языков с небуквенными системами письма обычно
предпочитается бездефисное написание топонимов, в одно
слово, поскольку это лучше показывает их цельнооформ-
ленность. В языках с силлабической структурой (вьет-

намский, бирманский), где грамматические отношения отнюдь не соответствуют грамматике русского языка, дефисное написание может быть в известной мере более информативным. Увлекаясь слитным написанием, географы сливают в одно целое даже то, что противоречит нормам и традициям русского языка. Подробнее см. Суперанская 1971.

У географов существует и такое мнение, что желательно «помочь естественному процессу перетирания каждого сложного топонима и превращения его в простой топоним (одно слово)». См. Маракуев 1954, 69. Дефисы этому процессу мешают. Поэтому во втором издании БСЭ многие топонимы, ранее писавшиеся через дефис, даны слитно. Той же тенденции придерживается Морской атлас.

Заметим, что в практике орфографии в различные периоды в разных языках складывалось резко отрицательное отношение к дефисам, в результате чего написание значительных лексических пластов могло вдруг резко измениться на слитное. Когда «запрет» проходил, практика языка снова обращалась к дефису как нужному средству графики и орфографии.

Д. К. Зеленин (1947) считал, что в географических названиях употребляется излишнее количество дефисов, называл это «модой», которая постепенно изглаживается, но не вообще, а только в отдельных именах.

Стремление избегать дефисы доходит до крайности у Г. М. Мамаева (1949, 522): «Мы решили знак дефис, заменяющий паузу между фрагментами слова при арабском алфавите и не свойственный азербайджанскому языку, упразднить за исключением случаев, когда сложное название географического объекта состоит из имени и фамилии: *Али-Байрамлы, Касум-Исмаилов*. Служебные слова *чай, даг, тепе, дара* и др. пишутся слитно с основным названием, если служебное слово в именительном падеже: *Каркарчай, Сулутепе*, и совершенно отдельно, а также с прописной буквы, если оно в форме «изафета», как бы показывая принадлежность: *Гыз галасы, Заргяр тепеси* (в примерах вторая часть написана со строчной буквы — А. С.). Притяжательные прилагательные, показывающие качество, пишутся слитно: *Караканд, Агбулак, Агсу*. Указание на месторасположение географического объекта пишется на местных языках... без перевода на русский

язык, отдельно от основного названия и с большой буквы: *Юхары Карвенд, Ашагы Филфили*».

Существуют две противостоящие друг другу точки зрения относительно следования написанию имени в языке-источнике: 1) абсолютного следования, 2) критического следования. Полагаю, что абсолютное следование не может осуществляться не только потому, что написание в языке-источнике часто колеблется, но и потому, что некоторые принципы написания в языках-источниках могут не согласовываться с принципами принимающего (русского) языка.

Собственное имя, из скольких бы частей оно ни состояло, представляет собой единство (оно занимает место лишь одного члена предложения, и взаимоотношения его компонентов не включаются в синтаксические отношения контекста). Лучший способ показать эту целостность отдельно пишущихся в языке-источнике частей имени при заимствовании в русский язык — соединение их дефисами: англ. New York—*Нью-Йорк*.

Неоценимую роль играет дефис для показа единства иноязычного имени с различными служебными словами, входящими в его состав в языке-источнике. Прежде всего, обратим внимание на артикли. Это — морфемы особого типа, указывающие, помимо грамматических отношений, также на определенность или неопределенность объекта. Поскольку имена собственные в речевой ситуации относятся к определенным объектам, определенные артикли, стоящие при них, оказываются «освобожденными» от своей основной функции. В связи с этим они либо превращаются в морфему, входящую в состав имени, либо начинают выполнять ряд стилистических функций. Изредка встречающиеся в речевых ситуациях неопределенные артикли при именах собственных служат уточнению денотата и не представляют интереса для данного изложения.

В русской практике сложились известные традиции, в соответствии с которыми артикли в одних случаях передаются, а в других — нет. Например, артикли, сопровождающие названия рек, гор, островов, географических областей, обычно не передаются: англ. The Thames—*Темза*, The Trent—*Трент*, The Canaries—*Канарские о-ва*, фр. Les Alpes—*Альпы*, La Loire—*Луара*, нем. der Elsas — *Эльзас* и т. д. Там, где артикль участвует в образовании грамматической конструкции, он обычно сохраняется

в передаче: фр. Rue de la Paix — *Рю-де-ла-Пе, Ла-Шо-де-Фон, Ла-Рош-сюр-Йон*; исп. Лас-Пальмас, Ла-Хунта; англ. Те-Пас, Те-Даллес.

В арабской идафе артикли также составляют конструктивно необходимый элемент: *Эль-Бахр-эль-Абьяд, Эль-Ард-эс-Савван, Эль-Баб-эль-Мандеб, Эль-Бахр-эль-Газаль* и т. д. В наших официальных источниках эти названия часто передаются без первого артикля, чем нарушается «статус конструктус».

Артикли в составе антропонимов обычно передаются, поскольку именуемая личность всегда определена, и артикли в составе фамилий — это всего лишь морфемы-наполнители, не дающие указания на определенность объекта: фр. Lafontaine — *Лафонтен*, La Marche — *Ла-Марш*. При этом может встретиться два случая: 1) артикли пишутся слитно с лексической основой: фр. Leclerc. Здесь мы сохраняем слитное написание оригинала: *Лежлерк*; 2) артикли пишутся отдельно от лексической основы имени: le Clerc или Le Clerc, в русской передаче они соединяются дефисом, сохраняя прописную или строчную букву оригинала при написании артикля: *ле-Клерк, Ле-Клерк*¹⁶. Правила 1956 г. предусматривают написание артиклей при иностранных фамилиях без дефиса и со строчной буквы. Это — некритический перенос практики западных языков, где отношения компонентов имени понятны без дополнительных средств. Для русского читателя при таком написании теряется структура иноязычного имени и его целостность.

Прозвищные имена в таких языках, как английский, французский, часто имеют в своем составе определенный артикль как неизменную часть: Le Soldat, The Nose. Однако, в отличие от фамилий, такие имена имеют «неприглашенное» значение лексической основы. Поскольку прозвищные имена обычно переводятся, артикли не могут быть переведены и не могут быть переданы в русской транскрипции при переведенном имени: *Солдат, Нос*.

---

¹⁶ Очевидно, что при расстановке в алфавитном порядке написания типа *ле-Клерк* пойдут на букву К, а *Ле-Клерк* — на букву Л. Однако отсылочные сноски нужны будут в обоих случаях. Принимая во внимание колеблющееся написание артиклей (с прописной или строчной буквы) в языках-источниках, рациональнее было бы писать артикли по-русски всегда с прописной буквы как начальные компоненты имени собственного: *Ле-Клерк*.

Постпозитивные артикли — это также особые морфемы, несущие главным образом грамматическое значение в составе известных конструкций, а также указывающие на определенность объекта. Но поскольку последнее в собственных именах теряет смысл, то, видимо, там, где для поддержания конструкции имени наличие артикля не обязательно, он может опускаться. Отсюда — варьирование форм некоторых скандинавских топонимов, которые в одних источниках даются с артиклями, а в других — без, например, Als и Alsen, Dalelv и Dalelven. Русская передача скандинавских имен колеблется: *Вест-Даль-Эльв*, *Вестдаль-Эльв*, *Вестдальэльвен*. Тенденция передачи суффиксированного артикля и отказа от дефисного написания всех компонентов слова возрастает: *Лахольмсбуктен*, *Порсифорсен*, *Стрёмен*, *Гальхепигген* и т. д. См. также Голубева 1964.

Та же тенденция отмечается в передаче румынских слов, имеющих постпозитивный артикль. В начале века они передавались без артикля: р. *Олт*. В настоящее время предпочитается передача с артиклем: р. *Олтул*. Если название не однословно и артикль входит в него как конструктивно необходимый элемент, он передается, ср. *Сомеш*, но *Сомешул-Маре*, *Кришул-Алб*, *Рымникул-Вылча*, *Рымникул-Сэрат*.

В состав собственных имен могут входить предлоги, особенно когда имена представляют собой часть застывшей синтаксической конструкции. В ряде случаев предлоги сочетаются с артиклями. В соответствии с традицией русского литературного языка все части таких имен соединяются дефисами: нем. Meyer zur Kapellen—*Мейер-цур-Капеллен*; ит. Di Giorgio—*Ди-Джорджо*; фр. De la Croix—*Де-ла-Круа*. Иногда части имени настолько тесно сливаются в языке-источнике, что пишутся слитно: нем. Zurmühl—*Цурмюль*, Andermatt—*Андерматт*, Vordemwald—*Фордемвальд* (из vor dem Wald 'перед лесом').

Немецкий предлог von и нидерландский van сделали настолько постоянными антропонимическими компонентами, что в справочниках фамилий их ставят через запятую после всех имен, потому что в противном случае все фамилии начинались бы на v. В нашей традиции немецкие и нидерландские фамилии передаются обычно без этих предлогов: von Buloff, von Brentano—*Бюлофф*, *Брентано*, van Beethoven—*Бетховен*. Лишь в некоторых

традиционных случаях мы этот предлог лексикализуем, вводя в состав фамилии в качестве одной из морфем: Van Gog—*Ван-Гог*, Van Dijk—*Ван-Дейк*.

Особая морфема, употребляющаяся в составе шотландских фамилий Мас, Мс, М', независимо от написания в языке-источнике, передается по-русски *Мак*: Mac Donald—*Мак-Дональд*, Маскау—*Маккей*, М'Gregor—*Мак-Грегор* и т. д. Если основная часть фамилии пишется с прописной буквы, то и по-русски ее пишут с прописной, отделяя первую часть фамилии дефисом: Mac Farlan—*Мак-Фарлан*, если она написана со строчной буквы, мы пишем всю фамилию в одно слово: Macfarren—*Макфаррен*.

На практике наблюдается множество отступлений от общих и, казалось бы, простых закономерностей. Объясняются они разными причинами: и слепым следованием за национальными орфографиями, и некритическим использованием так называемых обязательных источников, т. е. официальных союзнореспубликанских и зарубежных правительственных справочников (где могут быть отражены местные традиции), и недостаточно полным изложением ономастического материала в правилах орфографии, наконец, — отсутствием специальных ономастических правил, которые предусматривали бы разнообразные типы и структуры.

Слитное, раздельное или дефисное написание заимствованных слов ориентируется в какой-то мере на язык-источник, но основное, окончательное решение этого вопроса — внутреннее дело принимающего языка. В каждом языке слова организуются в соответствии с присутствующими ему нормами. Нормы и традиции отдельных языков не совпадают, диктуют же нормы принимающего языка. Нормы языка-источника имеют здесь, образно выражаясь, лишь «совещательный голос».

Апостроф

Апостроф — это орфографический знак, имеющий в русском языке очень ограниченное применение. В русских словах он указывает на раздельное произношение, на прерывность в плавном течении речи. В связи с этим его применяют для показа дефектов речи или какого-либо необычного произношения в неспециальных текстах, где не пользуются какой-либо иной системой транскрипции:

т'убка, к'углый (трубка, круглый). Основываясь на этом значении апострофа, им одно время вынужденно заменяли разделительный *ъ* (после реформы 1917 г., когда эту литеру изъяли из набора): *е'езд*.

В ряде западных языков апостроф ставится там, где в написании что-либо опускается. Например, во французском языке конечное *e* в артикле *le* и предлоге *de* не пишется, если следующее за ним существительное начинается с гласного: *Les Sables d'Olonne, D'Urville*. В русской передаче апостроф в этих случаях просто «транслитерируют», т. е. пишут там, где он имеется в оригинале: *Ле-Сабль-д'Олонн, Д'Юрвиль*. Аналогичную роль играет апостроф в немецком языке. Например, в фамилии *auf'm Камре* из *auf dem Камре*. В русской передаче апостроф сохраняется: *Ауф'м-Кампе*. Начало фамилии пишется с прописной буквы, так как иначе будет не ясно, что предлог входит в ее состав. В ирландских фамилиях, начинающихся на *O'*, апостроф указывает на пропуск буквы *f*: *O'Brien* из *Of Brien* «из Брайенов», «из семьи, рода Брайенов». В русское написание апостроф механически переносится: *O'Брайен*, ср. *O'Neill—O'Нилл, O'Connor—O'Коннор*.

В словах ряда восточных языков, пользующихся алфавитом на кириллической основе, апостроф указывает на прерывистость (перебой) в произношении гласного (ср. арабск. гамза): *Ра'ас, Са'ади*. В русской передаче этот апостроф опускается, поскольку в русском написании два гласных подряд дают тот же самый акустический эффект, что и гамза: *Саади, Раас*. В связи с этим следует осудить использование *ъ* для передачи арабск. «айна» в «Словаре географических названий арабских стран» (ч. I—II, М., 1973): *Сабъа, Эль-Абъадиа*. В латинской транслитерации для этой цели используется оборотный апостроф: *Sab'a, El Ab'adiya*. Но транслитерация в своем применении ограничена, а практическая транскрипция предназначена для массового читателя, для которого апостроф непонятен и избыточен.

Кавычки

Кавычки — это орфографический знак, свидетельствующий об употреблении слова не в своем основном, прямом значении. Это в равной мере относится и к именам

нарицательным, и к собственным, ср. *заботливый сын* и *«заботливый» сын*, город *Москва* и ресторан *«Москва»*, печенье *«Москва»*, музыкальный *квартет* и конфеты *«Квартет»*. В ономастической лексике кавычки служат добавочным средством выделения собственных имен отдельных категорий. При этом употребление их тесно связано с употреблением прописных букв и дефисов, которые также служат средством выделения собственных имен.

Поскольку употребление кавычек, прописных букв и дефисов в орфографиях отдельных языков не совпадает, при оформлении транскрибированного слова в русском языке необходимо прежде всего обращать внимание на то, к какой категории имен оно относится, а не на то, как оно написано в языке-источнике. Например, в английском языке кавычки — это преимущественно знак цитации, открывающий и закрывающий прямую речь, а также отрывок из чьей-либо работы. За этот счет в нем расширена функция прописных букв, которые служат безоговорочным выделителем собственного имени, из скольких бы компонентов оно ни состояло. Так, в названиях компаний *Pacific Air Navigation* или *Standard Oil Co* по-английски с прописной буквы пишется каждое слово, и это выделяет имя собственное из контекста и обеспечивает единство его компонентов. В русском языке названия этого типа пишутся в кавычках, которые чётко обозначают границы имен. Следовательно, написание с прописных букв вторых и третьих слов таких названий или соединение их компонентов с помощью дефисов оказывается избыточным. Достаточно лишь первой прописной: *«Пасифик эр навигейшн»*, *«Стандард ойл компани»* или компания *«Стандард ойл»*.

Отдельные компоненты сложных географических названий пишутся по-русски с прописной буквы и соединяются дефисами. Дефисы придают им цельнооформленность: ит. озеро *Lago Maggiore* — *Лаго-Маджоре*, англ. река *Red River* — *Ред-Ривер*. Если подобного рода названия становятся наименованиями фирм или товарными знаками, они пишутся по-русски в кавычках, и тогда дефисы при них становятся избыточными: *«Лаго Маджоре»*, *«Ред Ривер»*. Избыточными делаются и прописные буквы во вторых компонентах, особенно в тех случаях, где неизвестно, имеется ли соответствующий географический объект и не нарицательное ли значение данного слово-

сочетания положено в основу товарного знака. Тогда он может получить закономерное написание *«Ред ривер»*. С прописной внутри кавычек пишутся лишь фамилии, личные имена, географические, астрономические, мифологические названия, т. е. те основные категории собственных имен, от которых образованы прочие. Например, нем. газета Neues Deutschland — *«Нойес Дойчланд»*.

В кавычках пишутся: названия политических, экономических, коммерческих и т. п. планов, проектов, договоров, соглашений, мероприятий, движений, а также официальных документов, не отражающие прямо и непосредственно их содержания: англ. white paper — *«Белая книга»* (официальный правительственный документ по конкретным вопросам), Manchester School — *«Манчестерская школа»* (движение за свободную торговлю); названия спортивных мероприятий, соревнований, призов: англ. Britannia Cup — *«Кубок Британии»* (гонки), названия предприятий, учреждений, не отражающие прямо и непосредственно характера их деятельности, а также фирм, театров, обществ, клубов, стадионов, рынков и т. п.: англ. Elizabeth Shaw — *«Элизабет Шо»* (фирма), Goodison Park — *«Гудисон парк»* (стадион), Billingsgate — *«Биллингзгейт»* (рынок); в названиях орденов, медалей, премий, регалий: англ. Union Jack — *«Юнион Джек»* (государственный флаг Соединенного Королевства), 1914 Star — *«Звезда 1914»* (медаль); в названиях периодических изданий, произведений литературы, искусства, народного творчества: англ. Daily Herald — *«Дейли геральд»* (газета), In Britain — *«Ин Британ»* (журнал), «Rule, Britannia!» — *«Правь, Британия»* (песня); в названиях транспортных средств: Queen Elizabeth — *«Куин Элизабет»* (пароход); в названиях уникальных предметов: Wellington — *«Веллингтон»* (бриллиант), Elephant — *«Слон»* (пушка); в названиях искусственно выведенных сортов растений и пород животных: Bresse Buff — *«Бресон бафф»* (порода гусей); в названиях видов и разновидностей товаров и услуг: Adonis — *«Адонис»* (аперитив), Handy Andies — *«Ханди Андиз»* (носовые платки), Special K — *«Спешал кей»* (ключ).

Названия проектов, договоров, движений, мероприятий, а также предприятий, учреждений, обществ, отражающие их характер, пишутся без кавычек. С прописной буквы в них пишется лишь первое слово, а также входя-

щие в их состав другие собственные имена: рус. *Завод имени Кирова, Чимкентский цементный завод, Общество по распространению политических и научных знаний*; англ. Bristol Airplane Company — *Бристольская авиастроительная компания*.

В аббревиатурах кавычки не требуются, поскольку прописные буквы, которыми они пишутся, служат для них достаточным средством выделения: нем. BMW — *БМВ*, англ. DB-6 — *ДБ-6*. Если аббревиатура передается по чтению букв в языке-источнике, она нуждается в кавычках: англ. BRM — *«Би-ар-эм»*. В данном случае дефис внутри кавычек оказывается нужным, чтобы показать единство частей, которые не являются самостоятельными словами. Без дефиса было бы непонятно, почему они написаны со строчных букв и что обозначают. Дефисы придают стоящему в кавычках написанию вид цельнооформленного слова.

Колебания отмечаются в обозначениях зданий и интерьеров (мельчайшие микротопонимы), поскольку этот тип названий смыкается с наименованиями учреждений и предприятий, в них расположенных (названия комплексных объектов), ср. *Белый дом, Грановитая палата* — микротопонимы. По этому типу следовало бы оформлять и *Ройял-Фестивал-Холл*, а не *«Ройял фестивал холл»*, как часто в прессе пишут названия этого здания в Лондоне. Названия театров как артистических коллективов должны писаться в кавычках: *«Ла-Скала»* (Милан), *«Гранд опера»* (Париж). Названия эти часто переходят и на обозначения зданий (*Ла Скала*), ср. *«Бриллиантовый вечер»* в здании *Гранд-Опера*.

Если пишущиеся в кавычках названия переносятся в другую ономастическую область, где принято написание без кавычек, они также перестраиваются по принципам, характерным для данного ономастического поля. Например, название впадины в океане пишется *желоб Садко*, хотя оно дано в честь корабля *«Садко»*, а не человека по имени *Садко*. Также в честь корабля *«Жаннетта»* назван о-в *Жаннетты*, в честь газеты *«Комсомольская правда»* — о-ва *Комсомольской правды*. В последнем случае в написанном без кавычек названии второе слово получает прописную букву, как необходимую для объединения компонентов топонима и выделения всего названия в целом.

Заключение

Практическая транскрипция — это очень древний и широко применяемый способ введения заимствованных слов в тот или иной язык. Практическая транскрипция старше и многообразнее конкурирующей с ней в настоящее время транслитерации. Последняя выделилась из практической транскрипции как ее разновидность, обслуживающая ограниченную сферу документации и библиографии. Оба способа передачи иноязычного словарного материала (практическая транскрипция и транслитерация) принадлежат к транскрипциям, ориентированным на письменный показ состава слова с его орфографией и фонематикой, в отличие от фонетических транскрипций, ориентированных на показ звукового состава слова.

Практическая транскрипция и транслитерация имеют разные задачи, разные сферы применения и разные географические зоны распространения. Так, в России для передачи слов языков восточных, имеющих разнообразные и сложные системы письма, а также для передачи слов языков западных, чаще применяется практическая транскрипция, отражающая элементы заимствующего языка и позволяющая передавать слова в их целостности. В ряде западных стран чаще применяется транслитерация как чисто технический способ искусственного подведения нелатинских письменностей под «общий знаменатель» латинского шрифта. При передаче имен языков, пользующихся графикой на одной и той же основе (латинской), часто применяется трансплантация, т. е. «пересаживание» имен из текстов одного языка в тексты другого языка без всяких изменений их.

Практическая транскрипция пользуется средствами нормального алфавита принимающего языка, поэтому она примыкает к алфавитному письму в качестве его особого сектора, допускающего ряд отступлений от обще-

принятых правил орфографии. Следовательно, правила практической транскрипции должны входить как составная часть в свод орфографических правил (так оно и есть в орфографических сводах ряда языков, например, в кириллическом и латинском изданиях правил орфографии сербско-хорватского языка).

В отличие от обычной орфографии, служащей для записи слов своего языка, практическая транскрипция служит для записи средствами своей графики чужих, иноязычных слов. Это последнее позволяет делать отступления от общих орфографических правил там, где нужно сохранить и показать системность чужого материала. При этом очень важно выявить, в какой степени необходимо соблюдать правила принимающего языка и до каких пределов можно следовать за особенностями языка-источника. В частности, соблюдать ли чистоту орфографии русского литературного языка или, стремясь к единству русского написания и написания на других языках, пользующихся кириллическим алфавитом, пренебрегать нормами принимающего (русского) языка. Как представляется из анализа материала, основные функции графем и принципы их использования в принимающем языке должны остаться неизменными (иначе транскрибированное слово не будет должным образом прочтено и останется неясным, что хотел передать транскрибирующий), а сочетания букв принимающего языка в пределах основных принципов их использования и тех функций, которыми они наделены в принимающем языке, могут быть расширены. Так, для русского языка возможны сочетания *къ, гъ, хъ, йы, шы, жы, чы, цы* и т. п., не меняющие чтения и основных функций указанных единиц, а создающие лишь их необычные сочетания, и невозможно использование *ъ* в качестве твердого знака, поскольку эта функция его давно упразднена. Невозможно употребление *ъ* для показа особого качества *к* и *х* ряда тюркских языков (*Къара, Хъасипат*) или обозначения одного из тонов при передаче слов тоновых языков.

Исторически сложилось так, что для русского языка совершенно чужд метод трансплантации. Поэтому ведущий для ряда стран Центральной и Западной Европы принцип использования каждой возможности для сохранения единых орфограмм (которые при чтении могут подвергнуться значительным искажениям) оказался для

России неприемлемым. Здесь издавна было принято произносить иноязычные слова с максимальной точностью. Поэтому и сейчас, при широком введении материала языков народов СССР в литературный русский язык, предпочитают частичную транскрипцию, обеспечивающую точность произношения, жертвуя при этом иноязычным написанием, т. е. не бояться введения второй, дублирующей орфограммы¹.

Графический облик слова является в практической транскрипции дважды: как исходный ее этап — иноязычное слово в национальной орфографии и как заключительный — то же слово, записанное графическими средствами принимающего языка. Поэтому вопросам графики и орфографии в практической транскрипции принадлежит очень важная роль.

Любое слово обладает определенным комплексом информации. Если бы оно не было информативно, не было бы и необходимости в его передаче средствами другого языка. Разные категории слов информативны по-своему. Например, основной смысл информации бытового нарицательного имени — в его связи с понятием и именуемым предметом. Научное нарицательное (термин) информативно благодаря своей связи с понятием и системой понятий. Информативность номена (научного слова, нарицательного или собственного) — в его связи с предметом и системой именуемых предметов. Основной смысл бытового имени собственного — в его связи с индивидуальным конкретным предметом.

Информация имени заключена во всех его компонентах: в лексическом значении основы, в составе суффиксов и префиксов, в специфике инициалей, финалей, медиалей, в составе и последовательности фонем, в словообразовательной модели, во взаимоотношениях компонентов неоднословного именования и т. д. Поэтому в процессе транскрибирования и написания имени и его произношение, и фонемный состав представляют интерес для передающего.

---

¹ Важно и следующее: трансплантация принята в Центральной и Западной Европе, где представлены языки с длительной письменной традицией. Языки народов СССР, пользующиеся кириллицей, как правило, такой традиции не имеют. Орфографии многих из них продолжают совершенствоваться при более или менее константном произношении.

Значительная часть информации имени может быть сохранена и передана средствами другого языка при его транскрибировании. Однако имеется ряд объективных причин, препятствующих полному сохранению информации имени. Максимальные затруднения вызывает передача имен близкородственных языков, а также имен языков, строй которых очень резко отличается от строя принимающего языка. В обоих случаях потеря информации происходит из-за того, что транскрибирующий не может использовать дополнительные возможности принимающего языка вследствие слишком тесного наложения друг на друга контактирующих систем в первом случае и слишком приблизительного их совмещения во втором.

При практической транскрипции осуществляется конфронтация двух языковых систем, затрагивающая все ярусы языковых структур. В процессе транскрибирования мы как бы разлагаем заимствуемое слово на пучок характеристик, пропускаем их сквозь призму фонемного анализа и синтезируем то же слово из средств заимствующего языка, создавая новое слово с его фонетическими, графическими, грамматическими и лексическими характеристиками. Вот почему при всей важности фонетико-фонологических аспектов практическая транскрипция в первую очередь относится к лексикологической проблематике, и вопрос о том, что транскрибировать, а что переводить и применять ли для этих целей чистую транскрипцию или транскрипцию в сочетании с деривацией и лексемными заменами, решается в порядке постановки лексикологических задач.

Заимствованные с помощью практической транскрипции слова вводятся в систему другого языка с иными лексическими и стилистическими возможностями, однако вводятся они в те же лексические поля, с теми же денотативными соотношенностями. Это облегчает адаптацию заимствованного слова, без которой оно не может функционировать в принявшем его языке, хотя адаптация и способствует некоторому удалению звучания заимствованного слова от его оригинального звучания, потому что оно теперь стало членом другой лексической системы, накладывающей на него свои особенности.

Если вместо транскрипции в чистом виде применяются морфологические подмены, продиктованные спецификой системы принимающего языка, это свидетель-

ствуем об адаптации имени последним. В то же время национальный колорит такого имени стирается; наряду с чертами, роднящими его с системой языка-источника, появляются черты, накладываемые на него принимающим языком.

Историческое изменение характера заимствований, включаемых в русский язык, шло от устных, игнорирующих до известной степени написание слова в языке-источнике, через письменные, недостаточно учитывающие произношение заимствуемого слова, — к письменным, сочетающим близость к исходной графике с фонематической точностью.

Выработанные за последнее столетие правила транскрипции не всегда могут быть применены к словам, заимствованным ранее и ставшим традиционными, потому что замена их другими, более фонетически правильными формами, оторвет их от всего комплекса знаний, соединенного с их старой традиционной формой и приведет к значительной потере информации (ср. *Рим—Рома*, где «исправление» прежней транскрипции затруднено, и *Ливерпуль—Ливерпул*, где это возможно).

Как слова, не имеющие непосредственной связи с понятиями, имена собственные значительно варьируют в речи, и поэтому вопрос, какой вариант принять за основной для передачи в транскрипции, всегда был в центре внимания. Для разных категорий слов в текстах разных жанров и эпох он может решаться по-разному. Особенно большие преимущества предоставляются переводчикам художественной литературы, которые могут выбрать в качестве исходной ту форму имени, которая либо чаще встречается в тексте, либо ярче характеризует персонажи или отражает специфику страны и эпохи. В официальных документах за основную принимается паспортная форма антропонимов и официально публикуемая в государственных справочниках, издаваемых на языке-источнике, форма топонимов.

Для ряда категорий собственных имен (личные имена, прозвища, отчасти — географические названия) существуют официальная и неофициальная сфера употребления и соответственно официальные и неофициальные формы. Иногда те и другие могут совпадать, в иных случаях противопоставление их очень отчетливо. В литературный язык входят не все собственные имена, существующие

у данного народа, а лишь наиболее известные (как в официальных, так и в неофициальных формах), при этом традиции литературного языка не меняются вслед за изменениями имен в официальных сферах: Лермонтов не ездил в *Тбилиси*, Кузьма Минин жил в *Нижнем Новгороде*, Миклухо-Маклай учился в *С.-Петербурге*. Поэтому, несмотря на официальные переименования, такие названия, как *Симбирск*, *Самара*, *Царицын* и многие другие сохраняются в составе литературного языка.

Стандартизация географических названий, о которой много говорят и пишут на Западе, — это процесс в известном смысле противоположный многому из того, что на протяжении столетия делалось в России. Он основывается на практиковавшейся в странах Запада трансплантации и на транслитерации как искусственном приеме установления единого написания (но не произношения). Лица, занимавшиеся нормализацией написания и произношения географических названий в России, исходили из принципа максимально точной фонематической передачи иноязычных топонимов, максимального внимания и уважения к чужому слову (а не способам его письменного изображения). Именно поэтому за последние годы при переизданиях инструкций по русской передаче географических названий ряда стран Азии и Африки в них были внесены большие изменения. Ранее русские транскрипторы пользовались английскими или американскими, иногда французскими, источниками, допускавшими значительные искажения топонимов этих стран. При обращении к национальным источникам русскую транскрипцию пришлось приблизить к формам имен в национальных языках.

Подводя итог всему сказанному, еще раз подчеркнем, что практическая транскрипция — это средство введения в данный язык слов, заимствованных из другого языка при максимальном сохранении информации слова. Начальный этап транскрипции — слово в языке-источнике, а заключительный этап — слово в принимающем языке. Фонетико-фонологические преобразования играют в процессе транскрибирования вспомогательную, зависящую роль.

Практическая транскрипция — отрасль прикладного языкознания. Она возникает из практической потребности записи иноязычных слов. Она контролируется

практическим (фонетическим, фонематическим, орфографическим) соответствием полученного слова исходному. Она может меняться на основе практической проверки, обнаружившей несоответствие традиционного облика слова его реальному звучанию в языке-источнике. Она находит практическое применение в публикациях общего и специального характера. И все же без больших теоретических обобщений, без глубоких историко-филологических знаний выработка принципов практической транскрипции не представляется возможной.

Литература

- Абдрахманов А.** Некоторые вопросы топонимики Казахстана. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1954.
- Абызов Ю.** О культуре перевода. — В кн.: Мастерство перевода. 1969. М., 1969.
- Аванесов Р. И.** Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 3; перепеч. в кн.: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Аванесов Р. И.** Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов Р. И.** Выступление на дискуссии о теории субстрата. — Докл. и сообщ. ИЯз АН СССР, 1956, т. IX (1956а).
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.** Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. — Русский язык в советской школе, 1930, № 4; перепеч. в кн.: *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.** Очерк грамматики литературного русского языка. М., 1945.
- Авилова Н. С.** Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967.
- Акуленко В. В.** Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.
- Алексеев Д. И.** Графические сокращения и слова-аббревиатуры. — В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963.
- Алексеев М. П.** Английский язык в России и русский язык в Англии. — Уч. зап. ЛГУ, 1944. Сер. филол. наук, вып. 9.
- Алексеев М. П.** Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI—XVII вв. — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956.
- Алексеев М. П.** Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина. — Уч. зап. ЛГУ, 1961. Сер. филол. наук, № 299, вып. 59.
- Алексеев М. П.** Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII века. Исследование, тексты и комментарии. Л., 1968.
- Аллавердиев Н. Н.** Об унификации употребления географических названий и терминов в школьной географии. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
- Андреев В. Д.** Передача болгарских имен собственных в русском языке. — В кн.: Топонимастика и транскрипция. М., 1964.
- Андрейчин Л.** Грамматика болгарского языка. Пер. с болг. В. В. Бородич. Под ред. Н. С. Державина. М., 1949.
- Андрейчин Л.** По някои въпроси във връзка с латинската транскрипция на българското писмо. Български език. София, 1955, V, кн. 3.

- Андрейчин Л.* За латинската транскрипция на българското писмо. — Рационализация, София, 1956, VI, № 2.
- Андрейчин Л.* Латинската транскрипция на българското писмо. — Български език, София, 1961, XI, кн. 2.
- Андрейчин Л.* Означаването на български имена с латински букви в курортни и туристически обекти. — Български език, София, 1966, XVI, кн. 6.
- Андрейчин Л., Въгленов М.* (Сост.) Изговор и транскрипция на чужди имена в българския език. София, 1974.
- Аракин В. Д.* Очерки по истории английского языка. М., 1955.
- Арго А.* Факты и выводы. — В кн.: Мастерство перевода. М., 1959.
- Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, СПб., 1896, т. 6, вып. III—IV.
- Аристов Ю. В.* О транскрипции географических названий. — География в школе, 1954, № 1.
- Архангельский Н. П.* Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. Ташкент, 1935.
- Атлас для народных училищ. СПб., 1790.
- Атлас для юношества. СПб., 1737.
- Атлас мира. М., 1953.
- Атлас мира для учителей средней школы. М., 1954.
- Атлас мира. 2-е изд. М., 1967.
- Азманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бадарев Б.-Д.* Об основах транскрипции и транслитерации для тибетского языка. Улан-Удэ, 1967.
- Барановский С. И.* Краткий географический атлас современного мира. СПб., 1845.
- Барон Брамбеус* — см. Сенковский.
- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975. Изд. 5. М.: URSS, 2017.
- Бахтин Н. Н.* Проект новой системы азбуки и орфографии. Киев, 1886.
- Бахтин Н. Н.* О передаче по-русски иностранных имен. — ЖМНП, 1911, № 3, март.
- Белинский В. Г.* Грамматические разыскания В. А. Васильева. — Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955 (первая публикация в 1845 г.).
- Белинский В. Г.* Упрощение русской грамматики. — Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955 (первая публикация в 1845 г.—1845а).
- Белодед И. К.* Контакты украинского языка с другими славянскими и унификация его устной литературной формы. — Доклады Советской делегации на VI Международном съезде славистов (Прага, август 1968 г.). Киев, 1968 (отдельная брошюра).
- Белоногов Г. Г., Фролов Г. Д.* Экспериментальные данные о распределении букв в русской письменной речи. — В кн.: Проблемы кибернетики, 1963, вып. 9.
- Берг С. Л.* Хроника. — Изв. Всесоюзного географ. о-ва, т. 87, № 4, М., 1955.
- Берг С. Л.* Об основных принципах передачи имен собственных на исторических картах. — В кн.: Транскрипция географических названий. Тезисы докладов. М., 1958.
- Берг С. Л.* О чуждых русскому языку звуко сочетаниях и буквосочетаниях в географических названиях при их передаче по-русски. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.

- Бётлинг О. Н.* Грамматические исследования о русском языке. — Уч. зап. Имп. Академии наук по I и III отд., 1852, т. I, вып. 1.
- Богданов В. В.* О правописании географических названий в русском языке. — *Землеведение*, 1940, Новая сер., т. 1 (41).
- Боголюбов В.* К вопросу о начертании и произношении греческих и латинских слов в русском языке. — *РФВ*, 1880, № 4.
- Богородицкий В. А.* Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными. Казань, 1909.
- Богородицкий В. А.* Лекции по общему языковедению. Казань, 1915. Изд. 3. М.: URSS, 2010.
- Боднарский М. С.* Первый русский географический словарь. — *Землеведение*, 1927, т. 29, № 3—4.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Несколько слов по поводу общеславянской азбуки. — *ЖМНП*, 1871 (май).
- Бодуэн де Куртене И. А.* О транскрипции польских местных названий. — Протоколы Подкомиссии по транскрипции географ. наименований, сост. при Картографической комиссии Имп. русск. геогр. об-ва. СПб., 1905, прот. № 4.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912. Изд. 2. М.: URSS, 2012.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Лекции по введению в языковедение, 5-е изд. Пг., 1917; 4-е изд. СПб., 1913/1914.
- Божно Л. И.* Артикль при именах существительных собственных в современном немецком языке. — *Иностр. языки в школе*, 1956, № 1.
- Бондарук Г. П.* Инструкция по передаче на картах географических названий Белорусской ССР. М., 1964.
- Бондарук Г. П.* Инструкция по передаче на картах географических названий Украинской ССР. М., 1969.
- Бондарук Г. П., Тюрин С. А.* Правописание географических названий. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Бондарук Г. П., Кожов А. М.* Об упорядочении правописания географических названий. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Брандт Р. Ф.* Образцы моих орфографий. — *Филологические записки*, 1904, вып. 2.
- Брандт Р. Ф.* Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы. — *РФВ*, 1908, т. 60.
- Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. — *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 5/2. Под ред. И. В. Ягича. Пб., 1910.
- Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К.* Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1972.
- Букчина Б. З., Максимова Л. К.* Так работала Комиссия. — *Неделя*, 1964, № 39.
- Букчина Б. З., Протченко И. Ф.* К обсуждению некоторых предложений по орфографии (с заседаний Орфографической комиссии). — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964.
- Булаев В. Я.* — см. Обзор поступивших в редакцию корреспонденций по вопросам правописания (РЯШ, 1955, № 2).
- Буслев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка, 2-е изд. М., 1863. Современное издание неоднократно выходило в URSS в 2 книгах.
- Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

- Виноградов Н. В.* О регламентации транскрипции географических наименований. — *Геодезист*, 1938, № 4.
- Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — *Труды МИФЛИ*, 1939, т. 5.
- Винокур Г. О.* Орфография как проблема истории языка. — Избр. работы по русск. языку. М., 1959 (первая публикация в 1945 г.).
- Власова В. Ф.* Биомомы в дескрипторных ИПЯ документальных ИПС. — *Научно-Техническая информация*, 1972. Сер. 2. Информационные процессы и системы, № 8.
- Волостнова М. Б.* Словарь русской транскрипции географических названий, ч. 1. Географические названия на территории СССР. М., 1955.
- Востоков А. Х.* Задача любителям этимологии. — *Санктпетербургский вестник*, 1812, № 2.
- Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
- Гасанов А. Г.* О некоторых искажениях в написании ойконимов Азербайджанской ССР. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
- Гвоздев А. Н.* Основы русской орфографии. Изд. 5. М.: URSS, 2016.
- Георгиев В.* Правопис на географските имена. — *Географски преглед*, 1950, № 4—5.
- Гильфердинг А. Ф.* Общеславянская азбука. СПб., 1871.
- Гиляревский Р. С., Старостин В. А.* Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник. М., 1969; 2-е изд., 1978.
- Гловинская М. Я.* Написание двойных согласных в заимствованных словах. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964.
- Глушкина С. М., Жуковская Э. В.* Разделительные знаки в русском письме. — *РЯШ*, 1961, № 4.
- Горбов Д. А.* Некоторые соображения о переводе с болгарского (обсуждение в Доме литераторов). М., 1962.
- Граудина Л. К., Сталтмане В. Э.* Русско-латышские языковые связи. — *ВЯ*, 1976, № 1.
- Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. 2-е изд. СПб., 1834.
- Григорьев В. В.* О правописании в деле русской номенклатуре чужеземных местностей и народов. — *Географические известия*, СПб., 1850, № 2.
- Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 2. 2-е изд. СПб., 1876 (1-е изд. — 1873).
- Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 1 и 2. 3-е изд. СПб., 1885 (4-е изд. — 1899).
- Грот Я. К.* Русское правописание. 5-е изд. СПб., 1886 (всего 22 изд. последнее — 1916).
- Гумецька (Гумецкая) Л. Л.* Питання стандартизації слов'янських писемно-літературних мов стародавньої доби. — Доповіді радянської делегації на VI Міжнародному з'їзді славістів (Прага, серпень, 1968), Київ, 1968 (отдельная брошюра).
- Гутман М. М.* Ас или асс? — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955.
- Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изд. II отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1852.

- Данева М.* Тенденция международной стандартизации географической номенклатуры и проблема традиционных географических названий. — *Résumés des communications de XI Congrès des Sciences onomastiques*. Sofia, 1972.
- Данелия С. И.* К вопросу о русской транскрипции одной группы грузинских фамильных имен. — *Изв. АН СССР, ОЛЯ*, 1950, № 5.
- Даниленко В. П.* Романы Жюль Верна. — *Русская речь*, 1968, № 2.
- Декрет о введении нового правописания «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», № 12, 30 дек. 1917 г., отд. 1, с. 185—186.
- Джитриев П. А., Сафонов Г. И.* Передача славянских имен при переводах. — В кн.: *Теория и критика перевода*. Л., 1962.
- Добромыслов В. А., Розенталь Д. Э.* Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1955.
- Долгопольский А. Б.* Как писать и различать немецкие ai, ei, eu? — В кн.: *Вопросы культуры речи*, вып. 6. М., 1965.
- Донидае Г. И.* Важнейшие проблемы русской передачи нерусских топонимов Советского Союза в условиях общности алфавитов русского и других языков народов СССР. — В кн.: *Топонимика и историческая география*. М., 1976.
- Дурново Н. Н.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — *Byzantinoslavica*, 1929, 1.
- Дурново Н. Н.* К вопросу о реформе русского правописания. — *РЯСШ*, 1930, № 3.
- Дурново Н. Н., Ушаков Д. Н.* Проект системы знаков для фонетической транскрипции. М., 1910 (литогр. рукопись).
- Единые правила по описанию произведений печати для библиотечных каталогов, ч. 1, вып. 1. — ВГБ им. В. И. Ленина. М., 1949.
- Езерский Ф. В.* Транскрипция названий географических местностей и инородных языков. СПб., 1911.
- Еськова Н. А.* Фонема <j> в современном русском литературном языке. — *Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина*, 1957, т. XLII.
- Еськова Н. А.* Ван Клиберн или Вэн Клайберн. — В кн.: *Вопросы культуры речи*, вып. 4. М., 1963.
- Еськова Н. А.* Графическая передача фонемы <i> в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы. — В кн.: *О современной русской орфографии*. М., 1964.
- Еськова Н. А.* Можно ли совсем избежать употребления *э* после согласных в именах нарицательных? — Там же (1964а).
- Еськова Н. А.* О разделительных знаках. — Там же (1964б).
- Еськова Н. А.* Передача фонемы <o> после шипящих и <ц>. — В кн.: *Проблемы современного русского правописания*. М., 1964 (1964в).
- Еськова Н. А.* Почему огурцы, а не секцыя. — *Известия*, 1964, № 241 (1964 г).
- Еськова Н. А.* Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно). — В кн.: *Вопросы культуры речи*, вып. 6. М., 1965.
- Еськова Н. А.* К уточнению двух частных орфографических правил. — Там же (1965а).
- Еськова Н. А.* Жюль Верн. — *Лят. газ.* 1968, 17 июля.

- Еськова Н. А.* О некоторых «каверзах» дефиса. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Житомирский К. Г.* Молох XX века (Правописание). М., 1915.
- Закордонце А.* Лингвистические аспекты переводов с русского языка на румынский. — In: *Romanoslavica*, XVI. București, 1968.
- Зеленин Д. К.* Рецензия на справочник «СССР. Административно-территориальное деление на 1946 г.» — Вестник Географ. об-ва, 1947, т. 79, № 4.
- Зикмунд Х.* Много полезна книга за транскрипцията. — Български език, 1975, XXV, 3.
- Зильски М. М.* Je ли модифе узајемно уредити азбуку и абецеду? — В кн.: Слога, 1862.
- Зиндер Л. Р.* Вопросы фонетики. Л., 1948.
- Зиндер Л. Р.* Из заметок по фонетике современного шведского языка. — Доклады и сообщ. филол. ф-та, ЛГУ, 1949, № 1.
- Зинденр Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960.
- Иванов А. А.* Записки учителя латинского языка. Литогр. Киев, 1871—1878 (Отзыв о них см. ЖМНП, 1880, январь).
- Иванов А. А.* О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и в письме. Киев, 1881.
- Иванова В. Ф.* Русское правописание и его новые правила. Л., 1958.
- Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография М., 1966.
- Ийвайнен Л.* О некоторых проблемах русской передачи английских собственных имен и других слов. — In: *Scandoslavica*, t. XIX. Copenhagen, 1973.
- Институт за български език 1954. Латинска транскрипция на българското писмо. — В кн.: Български език, 1954 IV, кн. 2.
- Инструкции по русской передаче иноязычных географических названий. Изд. Главным управлением геодезии и картографии ГУГК МВД СССР. См.: Перечень изданий инструкций по русской передаче географических названий с языков СССР и зарубежных стран и нормативных словарей-справочников географических названий. М., 1976.
- Инструкция для авторов и редакторов БСЭ. М., 1949.
- Инструкция по русской транскрипции литовских имен собственных. Вильнюс, 1962.
- Информационный бюллетень изменений транскрипции географических названий зарубежных стран, помещенных в Атласе мира 2-го издания, вып. I—VII. М., 1969—1975.
- Истрин В. А.* Развитие письма. М., 1961.
- Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуки. Изд. 4. М.: URSS, 2017.
- Калайдович И. Ф.* Ответ на Критику Замечаний о родах Грамматических в языке Русском. — Сын отечества, 1825, ч. 101, № 9, отд. 2; № 10, отд. 4, № 11; отд. 2.
- Калакуцкая Л. П.* Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Калакуцкая Л. П.* Орфография фамилий. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Калакуцкая Л. П., Сталтмане В. Э.* Некоторые вопросы морфологического оформления польских и чешских фамилий в русском языке. — В кн.: Ономастика. М., 1969.

- Калесник С. В.* О транскрипции географических названий. — Изв. гос. геогр. об-ва, 1936, т. 68, № 5.
- Кара-Мурза.* Руководство по правописанию китайских слов. М., 1927.
- Каржавин Ф. В.* Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии. Пер. с английского языка. СПб., 1790.
- Каржавин Ф. В.* Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилля. М., 1791.
- Кармышева Дж.* К классификации и транскрипции на русский язык составных географических названий Средней Азии. — Изв. АН УзССР, 1950, № 5.
- Кармышева Дж.* О недостатках в транскрипции географических наименований Средней Азии и Казахстана. — Вестник АН КазССР, 1952, № 12.
- Кармышева Дж.* Об отражении различий в алфавитах республик Средней Азии и Казахстана на транскрипции географических названий. — Уч. зап. Казахского гос. ун-та, 1954, т. 18, Геология и география, № 2.
- Карпенко Ю. О.* Велика літера і власні назви. — Українська мова і література в школі, 1969, № 11.
- Карпенко Ю. А.* Топонимическая реконструкция географии и географическая реконструкция топонимии. — In: Actes de XI Congrès international des sciences onomastiques. Sofia 28 VI—4 VII 1972. Sofia, 1974.
- Карский Е. Ф.* К вопросу о реформе русской орфографии. — РФВ, 1904, т. 52.
- Каруж Л. С.* О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий. — ВЯ, 1953, № 6.
- Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845.
- Каушанский М. М.* Иностранный набор. М., 1936.
- Кёппен П. И.* Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1826—1827, № II и III.
- Киселев Н. М., Костенко Н. Н.* О географических наименованиях. — Вестник АН КазССР, 1957, № 6.
- Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. М.—Л., 1963.
- Коляда Г. И.* К вопросу о написании двойных согласных в иностранных словах. — РЯШ, 1964, № 3.
- Комиссия 1862 — см. Третье и четвертое, . . . Пятое, . . . Шестое совещание по вопросу об упрощении орфографии.
- Комков А. М.* Проблема стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах. — В кн.: Ономастика и норма. М., 1976.
- Конжашпаев Г. К.* Вопросы транскрипции казахских географических названий. — Вестник АН КазССР, 1949, № 10.
- Корш Ф. Е.* О русском правописании. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 1. Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Франции. М., 1948.
- Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Британских островов. М., 1948.
- Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Латинской Америки. М., 1950.

- Краткий словарь русской транскрипции географических наименований США. М., 1950.
- Краткий справочник по оформлению документов и написанию отдельных наименований, слов и словосочетаний. Вильнюс, 1970.
- Крачковский И. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.
- Кузнецов П. С. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. — Уч. зап. МГПИ, Кафедра русского языка. 1941, т. 5, вып. 1.
- Кузнецов П. С. Транскрипция. — БСЭ, Изд. 1, 1946, т. 54.
- Кузнецова В. И. Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. Канд. дис. Л., 1955.
- Кузнецова В. И. Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. Л., 1960.
- Кундач А. Переводческая мысль и переводческое недомыслие. — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955.
- Кундач А. Переводческий блокнот. — В кн.: Мастерство перевода 1966. М., 1968.
- Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769.
- Лабунько О. И. Склонение географических названий на -а в современном русском литературном языке (названия населенных пунктов). — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1963, т. СХХХVIII. Труды кафедры русского языка, вып. 8.
- Ларин Б. А. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937.
- Ларин Б. А. Парижский словарь москвитов 1586 года. Рига, 1948.
- Лексикон вокабулам новым — см. Смирнов Н. А.
- Леонтьев А. А. О написании иностранных имен. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 4. М., 1963.
- Литвин И. П. Топонимические основы стандартизации географических названий. — В кн.: Питання сучасної ономастики. Київ, 1976.
- Литвин М. Н. О правописании иностранных собственных имен. — Москвитянин, 1849, т. 4, № 13, кн. 1, июль.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика. — Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952 (публикуется по изд. 1755 г.).
- Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.
- Луначарский А. В. Латинизация русской письменности. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930.
- Львов В. Е. Без прописных. В порядке обсуждения. — Журналист, 1930, № 7—8.
- Любимов Н. М. Заметки о художественном переводе. — Тетради переводчика, 1960, № 3.
- Любимов Н. М. Перевод — искусство. — В кн.: Мастерство перевода. М., 1963.
- Макарова Р. В. Основные вопросы графики современного русского языка (алфавит и пунктуация). Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Максимова Л. К. Употребление букв *э*, *е* после гласных в заимствованных словах. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964.
- Мамаев Г. М. О правильной транскрипции названий географических объектов Азербайджанской ССР. — Докл. АН АзССР, 1949, т. 5, № 12.

- Маракуев А. В.* Краткий очерк топонимики как географической дисциплины. — Уч. зап. Казахского гос. ун-та, 1954, т. 18, Геология и география, № 2.
- Мартене Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1892.
- Матвеев А. К.* Опыт структурно-фонетического анализа топонимов субстратного происхождения. — В кн.: Материалы научной сессии вузов Уральского экономического района. Языковедение. Свердловск, 1963.
- Матвеев А. К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Автореф. докт. дис. Свердловск, 1970.
- Матвеева Е. В.* Из истории русской грамматики. «Российская грамматика» Ломоносова. Орфоэпия и орфография. — Труды Горьковского гос. пед. ин-та, 1939, т. 2.
- Материалы по вопросу о латинизации русской письменности. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930.
- Матусевич М. И.* Введение в общую фонетику. Л., 1948.
- Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М.* Бирманский язык. М., 1963.
- Матмудов А. Р.* Фонетические основы передачи географических названий Азербайджанской ССР на русском языке. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
- Мацаев С. А., Орлов В. Г.* Пособие по транскрипции и правописанию китайских слов. М., 1966.
- Медников П.* Географический атлас. СПб., 1836.
- Мельников Е. И.* Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче. — В кн.: Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Мирзоев Г. М.* О некоторых искажениях и заменах в топонимии Азербайджана. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
- Миронов С. А.* Краткий грамматический очерк голландского языка. — В кн.: Голландско-русский словарь. М., 1954.
- Михальчи Д. Е.* Славянско-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Автореф. докт. дис. Л., 1969.
- Молочковский Ю.* Легче или труднее? — В кн.: Мастерство перевода. 1962. М., 1963.
- Морской атлас. Л., т. 1, 1950; т. 2, 1953.
- Мурзавев Э. М.* Некоторые вопросы географической номенклатуры. — Изв. АН СССР, Сер. географ. 1953, № 4.
- Мушицкий Г.* Судбине Кирильски Писмена у Аустријској држави. — Гласник србске словес, 1847, 1.
- Нерознак В. П., Суперанская А. В.* Лингвистические проблемы терминологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1972, № 3.
- Новый атлас. . . СПб., 1793.
- Новый атлас всех частей света, издан Военно-топографическим отд. Главного штаба. СПб., 1870.
- Обзор поступивших в редакцию корреспонденций по вопросам правописания. — РЯШ, 1955, № 2.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

- Обзор статей и писем по вопросам правописания. — РЯШ, 1964, № 4.
- Обнорский С. П. Орфография и язык. — РЯШ, 1936, № 2.
- Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952.
- Обручев С. В. (ред.) Транскрипция географических названий. — В кн.: Справочник путешественника и краеведа, т. 2. М., 1950.
- Общая инструкция по передаче географических названий на картах. М., 1955.
- Общие положения по транскрипции географических наименований. ГУГК. М., 1939.
- Огиенко И. И. Русское литературное ударение. Киев, 1914.
- Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- Ожегов С. И. О культуре речи. — Лит. газ., 1953, 10 февр.
- Ожегов С. И. Об упорядочении русской орфографии. — РЯШ, 1954, № 5.
- С. О.[жегов] Бонбоньерка или бомбоньерка? — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955.
- Ожегов С. И. Упорядочение русской орфографии. — Вестник АН СССР, 1957, № 1.
- Оливериус З.-Ф. Транслитерация чешских слов русской азбукой. — В кн.: Русский язык, литература, методика. Прага, 1965.
- Ольши Л. История научной литературы на новых языках, т. I—II. М.—Л., 1934.
- Омельянович Н. В. Самоучитель бирманского языка. М., 1971.
- О мягком и твердом знаках. — Учит. газ., 1955, 2 февр.
- О правописании двойных согласных. Обзор писем читателей. — Учит. газ., 1955, 16 февр.
- Орестов О. Географические названия. — География в школе, 1938, № 1.
- Орлова В. Г. Историческое освещение некоторых вопросов русской орфографии. — Уч. зап. Марийского гос. пед. ин-та, Козьмодемьянск, 1943, т. 3.
- Орфографический словарь русского языка. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956; То же, 5-е изд. Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. М., 1963; То же, 13-е изд. Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М., 1974.
- Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. 2-е изд. СПб., 1850 (первая публикация в 1841 и 1842 гг.). Изд. 3. М.: URSS, 2012 (в 3 кн.).
- Паймен А. Как я переводила Тургенева на английский. — В кн.: Мастерство перевода. 1964. М., 1965.
- Паллас П. — Сравнительные словари. СПб., 1787.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т. 2, 1581—1604. — Сб. Имп. Российского Ист. об-ва, т. 38. СПб., 1883.
- Памятники дипломатических сношений Древней Руси. СПб., 1892.
- Панов М. В. Письмо (графика, орфография). — В кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии. — ВЯ, 1963, № 2.
- Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964.

- Панов М. В.* О дефисных написаниях. Замечания к предложениям проф. А. А. Реформатского. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964 (1964а).
- Патыко Г. А.* Правописание иностранных слов с удвоенными согласными в русском языке. — Научные зап. Днепропетровского гос. ун-та, 1940, т. 21. Сборник студенческих работ, вып. 1.
- Петерсон М. Н.* Система русского правописания. М., 1955.
- Плоткин В. Я.* О взаимоотношениях между фонетической и семантической структурой слова. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969.
- Поздников Ф.* Всеобщий атлас. . . СПб., 1843.
- Поливанов Е. Д.* К вопросу о заглавных буквах. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 1. М., 1928.
- Поливанов Е. Д.* О трех принципах построения орфографии. — В кн.: Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937.
- Поликин Ф., Миллер Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773.
- Померанцев П.* О единстве транскрибирования географических названий. — Туркменская искра, 1951, 4 дек.; см. то же: Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. Дил ве эдебият институты. Түркмен дилиң, орфография, пунктуация ве терминология маселери Ашгабат, 1953.
- Поспелов Е. М.* Транскрипция географических названий. М., 1957.
- Поспелов Е. М.* Вопросы транскрипции географических названий в связи с выходом «Правил русской орфографии и пунктуации». — Геодезия и картография, 1957, № 5 (1957а).
- Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1971.
- Правила единой орфографии и пунктуации. Проект М., 1939.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. М., 1951.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Учпедгиз. М., 1956.
- Правила Международной транслитерации русских имен собственными латинскими буквами. — ИЯз АН СССР, 1951—1956.
- Правила по технико-орфографическому оформлению статей БСЭ. М., 1953.
- Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964.
- Проект Главнауки о новом правописании. М., 1930.
- Проект Государственного стандарта Союза ССР. — Транслитерация русских слов латинскими буквами. ПГ 150/408 взамен ОСТ ВКС 8483. М., 1969.
- Проект реформы правописания. Наркомпрос. М.—Л., 1930.
- Протченко И. Ф., Суперанская А. В.* Прописные буквы (проект правил для орфографического свода). — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964.
- Пятое совещание по вопросу об упрощении орфографии. — Учитель, 1862, т. 2. № 9.
- Радлов В. В., Васильев В. П., Залеман К. Г.* (при участии И. А. Боудуана де Куртене). Русская лингвистическая азбука 1887. Реформа русского правописания. — ЖМПН, нов. серия, 1917, ч. 71, сентябрь, отд. 3.
- Реформатский А. А.* Упорядочение русского правописания. — РЯШ, 1937, № 1, № 6; 1938, № 1.
- Реформатский А. А.* Проблема фоэмы в американской лингви-

- стики. — Уч. зап. МГПИ. Кафедра рус. яз. 1941, т. V, вып. 1.
См. также Реформатский 1970.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1947.
- Реформатский А. А.* Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М., 1950.
- Реформатский А. А.* Лингвистические вопросы перевода. — Иностр. яз. в школе, 1952, № 6.
- Реформатский А. А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Реформатский А. А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1955, т. 8 (1955а).
- Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955 (1955б).
- Реформатский А. А.* Выступление на дискуссии о теории субстрата. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956, т. 9.
- Реформатский А. А.* Географические названия как слова русского языка. — В кн.: Транскрипция географических названий. Тезисы докладов. М., 1958.
- Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология? М., 1959
- Реформатский А. А.* Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1960, т. 19, вып. 6
- Реформатский А. А.* О подаче и передаче географических названий на русских картах. — В кн.: Транскрипция географических названий. М., 1960 (1960а).
- Реформатский А. А.* Транслитерация русских текстов латинскими буквами. — ВЯ, 1960, № 5 (1960б).
- Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1960 (1960в).
- Реформатский А. А.* Дефис и его употребление. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964.
- Реформатский А. А.* Буква ё. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964 (1964а).
- Реформатский А. А.* Орфография собственных имен. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Реформатский А. А.* К вопросу о написании двойных согласных в заимствованных словах и в собственных именах. Материалы Орфографической комиссии (машинопись 1966 г.).
- Реформатский А. А.* Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. — В кн.: Фонологические исследования. М., 1966 (1966а).
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
- Реформатский А. А.* Термин как член лексической системы языка. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.
- Реформатский А. А.* Перевод или транскрипция? — В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972.
- Реформатский А. А.* О транслитерации латинскими буквами русских текстов. Научно-техническая информация, Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1972, № 10 (1972а).
- Реформатский А. А.* О некоторых вопросах терминологии. — В кн.: Сб. докладов и сообщений Лингвистического об-ва. IV. Калинин, 1974.

- Реформатский И. А., Суперанская А. В.* Как назвать новый химический элемент? — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.
- Реформатский И. А., Суперанская А. В.* Названия химических элементов. — Химия и жизнь, 1968, № 12.
- Розенталь Д. Э.* Вопросы русского правописания. М., 1962.
- Романски С.* Латинска транскрипция на българското писмо. — Български преглед, 1930, 1, кн. 3.
- Россельс В.* Подспорья и преграды. — В кн.: Мастерство перевода. М., 1963.
- Россельс В.* Перевод и национальное своеобразие подлинника. — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955.
- Россельс В.* Серая ткань. — В кн.: Мастерство перевода, 1969. М., 1969.
- Руднев А. Д.* Предварительные замечания о транскрипции калмыцких географических наименований. «Протоколы Подкомиссии по транскрипции при Картографической комиссии Имп. рус. географ. об-ва», прот. № 3. СПб., 1905.
- Рудницкий Я.-Б.* Чужомовні транслітерації українських назв. Інтернаціональна, англійська, французька, німецька, еспанська й португальська [Heidelberg], 1948.
- Салищев К. А.* Основы картоведения. М., 1939.
- Сазаров И.* Сказания русского народа, т. II, кн. 5. СПб., 1849.
- Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — Уч. зап. МГУ. Труды кафедры русского языка, 1948, вып. 128, кн. 1.
- Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* О транскрипции и синонимии географических названий. — Изв. Всесоюзного географ. об-ва, 1940, т. 72, № 6.
- [*Сенковский О. И.*] Барон Брамбеус. Рец. на кн.: К. М. Кадинский. Преобразование и упрощение русского правописания. СПб., 1857. — Сын Отечества, 1857, № 32.
- Сергиевский М. В.* О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке. — В кн.: Публичная библиотека им. В. И. Ленина. Сборник 2. М., 1928.
- Сердюченко Г. П.* О русской транскрипции для языков зарубежного Востока. — Проблемы востоковедения, 1960, № 3.
- Сердюченко Г. П.* Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. М., 1967.
- Симеонов Б.* Към въпроса за ранните латински заемки в старобългарски. — Славянска филология, 1968, т. X.
- Синайский И.* Русско-древнегреческий словарь, 1860.
- Словарь графический СПб., 1771.
- Смирницкий А. И.* Фонетическая транскрипция и звуковые типы. — Вестник МГУ, 1947, № 8.
- Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — Сборник ОРЯС, 1910, т. 88, № 22.
- Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.
- Соболевский А. И.* Упрощение русской орфографии. — Вестник и библиотека самообразования, 1904, № 21.

- Собрание постановлений и распоряжений Правительства Латвийской ССР, 1945, 28 и 31 дек.
- Сопиков В. С. Опыт российской библиографии от начала заведения типографий до 1813 г., ч. 1. СПб., 1813.
- Срезневский И. И. О сродстве звуков в славянских наречиях. — ЖМНП, 1913, ч. XLVIII.
- Сталтмане В. Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Сталтмане В. Э. Образование женских форм латышских фамилий. — Изв. АН ЛатвССР, 1969, № 6.
- Сталтмане В. Э. Морфологическое оформление иноязычных имен собственных в балтийских и славянских языках. — In: Actes du XI Congrès international des sciences onomastiques, Sofia, 28 VI—4 VII 1972. Sofia, 1975.
- Старостин Б. А. Некоторые тенденции и перспективы в передаче и орфографии заимствованных собственных имен. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Старостов Л. Н. К вопросу о русской транслитерации турецких имен собственных. — Народы Азии и Африки, 1962, № 3.
- Стеблин-Каменский М. И. (ред.). Исландские саги. М., 1956.
- Стоюнин В. Я. О русской азбуке. — Ведомости С.-Петербургской городской полиции, 1852, № 242, 243.
- Сумароков А. П. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1782.
- Суперанская А. В. О некоторых вопросах практической транскрипции. — ВЯ, 1955, № 6.
- Суперанская А. В. Сводные алфавиты. — ВЯ, 1955 № 5 (1955а).
- Суперанская А. В. Грамматические наблюдения над именами собственными. — ВЯ, 1957, № 4.
- Суперанская А. В. Международный алфавит и международная транскрипция. — ВЯ, 1958, т. VII, № 4.
- Суперанская А. В. Процесс транскрибирования собственных имен и возможность его автоматизации. — Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода, 1958, № 6 (1958а).
- Суперанская А. В. Лингвистические основы практической транскрипции имен собственных. Автореф. канд. дис. М., 1958 (1958б).
- Суперанская А. В. Об одной ошибке в написании географических названий. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959.
- Суперанская А. В. Орфографические казусы. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959 (1959а).
- Суперанская А. В. Вопросы орфографии географических названий. — В кн.: Транскрипция географических названий. М., 1960.
- Суперанская А. В. Транскрипция для прибалтийских языков и некоторые общие принципы унифицированной фонетической транскрипции. М.—Л., 1960 (1960а).
- Суперанская А. В. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, чешских, словацких и сербохорватских имен собственных. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, 1960, вып. 28 (1960б).
- Суперанская А. В. Словари русской транскрипции иноязычных собственных имен. — В кн.: Лексикографический сб., вып. 4. М., 1960 (1960в).

- Суперанская А. В. Русская форма иноязычных личных женских имен. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 3. М., 1961.
- Суперанская А. В. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962.
- Суперанская А. В. Имена собственные в чужой языковой среде. — В кн.: Топонимастика и транскрипция. М., 1964.
- Суперанская А. В. К вопросу о практической транскрипции собственных имен стран английского языка. — В кн.: Топонимастика и транскрипция. М., 1964 (1964а).
- Суперанская А. В. Написание заимствованных слов в современном русском языке. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964 (1964б).
- Суперанская А. В. Склонение собственных имен в современном русском языке. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных типов. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965 (1965а).
- Суперанская А. В. Блуминг или Блюминг? — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965 (1965б).
- Суперанская А. В. Род заимствованных существительных в современном русском языке. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965 (1965в).
- Суперанская А. В. Фрейндшафт или Фройндшафт? — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965 (1965г).
- Суперанская А. В. Переводимые и непереводимые типы географических названий. — Acta Universitatis Carolinae. Philologica 1—3. Slavica Pragensia VIII. Venováno prof. V. Šmilauerovi k sedmdesátinám. Praha, 1966.
- Суперанская А. В. Правила русской передачи заимствованных слов и собственных имен. «Словарь-справочник названий образцов вооружения и боевой техники капиталистических стран и основных фирм, производящих вооружение». М., 1966 (1966а).
- Суперанская А. В. О передаче украинских и белорусских фамилий по-русски. — Русский яз. в нац. школе, 1967, № 2.
- Суперанская А. В. О написании некоторых химических терминов. — Химия и жизнь, 1967, № 9 (1967а).
- Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969.
- Суперанская А. В. Некоторые замечания к статье Ф. Хадаша «Эттёмёш или Эттэмэш?». — Русский язык за рубежом, 1970, № 4.
- Суперанская А. В. Морфологический аспект практической транскрипции. — В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. Изд. 4. М.: URSS, 2012.
- Суперанская А. В. Терминология и ономастика. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973 (1973а).
- Суперанская А. В. Идентификация и различение в практической транскрипции. — In: Actes du XI Congrès international des Sciences onomastiques, t. 2. Sofia, 1975.
- Сухотин А. М. О передаче иностранных географических названий. — В кн.: Вопросы географии и картографии, ч. 1. НИИ БСАМ. М., 1935.

- Сухотин Б. В.* Экспериментальное выделение классов букв с помощью электронной вычислительной машины. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
- Тимова А. С.* Словарь русской транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Казахской ССР. М., 1960.
- Толмачев А. И., Васильев В. Н., Федоров А. А., Ильин М. М.* Как писать русское название рода *Ľagix*. — Ботанич. журнал, 1958, т. 43, № 8.
- Толстой Н. И.* Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. — В кн.: Топономастика и транскрипция. М., 1964.
- Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. М., 1959.
- Томашевский Б. В.* Русская передача французских имен. — В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972.
- Топоров В. Н.* О дистрибутивных структурах конца слова в современном русском языке. — В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
- Торсуев Г. П.* Фонетика английского языка. М., 1950.
- Транскрипция географических названий. Тезисы докладов. М., 1958.
- Третье и четвертое совещания по вопросу об упрощении русской орфографии. — Учитель, 1862, т. 2, № 8.
- Тредиаковский В. К.* Разговор между Чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. См. также: Соч., т. 3. СПб., 1849.
- Тыныстанов К., Карасаев Х.* Правила об едином оформлении имен и фамилий на киргизском и русском языках. — В кн.: Вопросы орфографии киргизского языка. Фрунзе, 1936.
- Тюрин С. А.* Некоторые принципы передачи географических названий на картах. — Изв. АН СССР, 1953, Сер. географ., № 5.
- Тюрин С. А.* Некоторые вопросы написания географических названий в связи с упорядочением русского правописания. — Геодезия и картография, 1957, № 6.
- Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения. Из истории литургического произношения в России. М., 1968.
- Успенский Б. А.* Доломоновский период отечественной русистики: Аодуров и Тредиаковский. — ВЯ, 1974, № 2.
- Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на русском языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.
- Успенский В. А.* К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами. — НТИ, 1967, сер. 2, № 7.
- Устав Императорского русского Географического общества. СПб., 1850.
- Ушаков Д. Н.* Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. М., 1911 (2-е изд., М., 1917).
- Ушаков Д. Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1913.
- Ушаков Д. Н.* Грамматика и правописание. — РЯШ, 1931, № 2—3.
- Ушаков М. В.* Орфография и диалектология. — РЯШ, 1936, № 2.
- Ушаков М. В.* Правописание *е—е—о* после шипящих. М., 1957.

- Федоров А. В.** Основы общей теории перевода. Лингвистический очерк, 3-е изд., перераб. и доп. М., 1968.
- Федоров А. В.** Очерки общей и сопоставительной стилистики. Л., 1971.
- Фринта А.** Към транскрипцията на чешки и словашки имена. — Български език, 1955, т. 5, № 3.
- Хасанов Х. Х.** Вопросы транскрипции географических названий на узбекском языке. Автореф. канд. дис. М., 1953.
- Хованский А. А.** Взгляд на правописание вообще. — Филол. записки, 1860, вып. 1.
- Хованский А. А.** (Рец.) Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. Филологическое разыскание Я. К. Грота (СПб., 1873). — Филол. записки, 1873, вып. 2 и 5.
- Ходатайство об упрощении русского правописания.** — Прибалтийский край, 1902, № 14.
- Ходорович Т. С.** Сравнение количественных оценок двух предложений по упорядочению передачи <о> после шипящих на письме: — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964.
- Хомизури П. И.** Смысловое значение знака дефис в геологической терминологии. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964.
- Чернышев В. И.** Русское правописание и народные говоры. — Калужский вестник, 1898, № 8.
- Чернышев В. И.** Из истории русского правописания. — ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 4.
- Чернышев В. И.** Упрощение русского правописания. 3-е изд. СПб., 1913 (1-е изд., 1904).
- Чернышев В. И.** Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов. Под ред. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947.
- Чуковский К. И.** Искусство перевода. М.—Л., 1936.
- Чуковский К. И.** Высокое искусство. М., 1941 (см. Собр. соч., т. III, М., 1966).
- Шапиро А. Б.** Русское правописание. Изд. 3. М.: URSS, 2018.
- Шапиро А. Б.** Вопросы русской графики и орфографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 3 (1951а).
- Шарашова М. К.** К разграничению терминов и номенклатурных единиц (на материале названий растений). — Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та, 1969, т. 66, ч. 1. Очерки по русскому языку.
- Шварцкопф Б. С.** О факультативных случаях употребления кавычек. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.
- Шестое совещание по вопросу об упрощении орфографии.** — Учитель, 1962, т. 2, № 13—14.
- Шишков А. С.** Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. СПб., 1824.
- Шишов П.** О правилах, потерявших практическое значение, 2. — Учт. газ., 1954, 30 окт.
- Шнитке Г. В.** О транслитерации собственных имен. — ВЯ, 1954, № 5.

- Шокальский Ю. М.** Протоколы Подкомиссии по транскрипции географических наименований, сост. при Картографической комиссии Имп. рус. географ. об-ва. СПб., 1905—1907.
- Шор Р. О.** Орфография. — В кн.: Литературная энциклопедия, т. 8. М., 1934.
- Шпринцин А. Г.** О правописании геолого-географических названий. — В кн.: Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР, вып. 12. Магадан, 1958.
- Шубов Я. И.** Употребление букв *з*, *е* после согласных в заимствованных словах. — В кн.: О современной русской орфографии М., 1964.
- Шубов Я. И.** Некоторые особенности русской орфографии и транскрипции иностранных личных имен. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965.
- Щелкунов М.** Без прописных. Журналист, 1930, № 11—12.
- Щенников Е. П.** Значение трудов Я. К. Грота в истории русского правописания. Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1956.
- Щерба Л. В.** К вопросу о транскрипции. — Изв. ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 4.
- Щерба Л. В.** Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Щерба Л. В.** Предисловие к статье Е. Д. Поливанова «О русской транскрипции японских слов». — В кн.: Труды Японского отделения Имп. об-ва Востоковедения. Пг., 1917.
- Щерба Л. В.** Проект реформ орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества. — РЯСП, 1931, № 4 (первая публикация в 1929—1930 гг.).
- Щерба Л. В.** Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. — В кн.: Известия комиссии по русскому языку АН СССР, т. 1. Л., 1931.
- Щерба Л. В.** Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий. — Изв. АН СССР, 1940, ОЛЯ, № 3.
- Щерба Л. В.** Теория русского письма. — Избр. работы по русскому языку. М., 1957 (первая публикация в 1942—1943 гг.).
- Щерба Л. В.** Фонетика французского языка. М., 1948.
- Юшманов Н. В.** Опыт всемирного алфавита. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. IV. Баку, 1929.
- Юшманов Н. В.** Проблема оформления европейских собственных имен и научно-технических терминов в латинизованных языках СССР. — В кн.: Революция и письменность, 1932, № 1—2.
- Юшманов Н. В.** Фонетические параллели африканских и яфетических языков. — Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР, т. IX. Africana, 1. Труды группы африканских языков. М.—Л., 1937.
- Юшманов Н. В.** Ключ к латинской письменности земного шара. М., 1941.
- Юшманов Н. В.** Грамматика иностранных слов. — В кн.: Словарь иностранных слов. М., 1942.
- Ющенко А. П.** Морская картография. — Труды географ. ин-та, 1939, № 1.
- Якобсон Р. О.** Избыточные буквы в русском письме (*й* и *ъ*, после шипящих *ж* и конечный *ь*). — In: Selected writings, I. Ed. 2. s'Gravenhage, 1971.

- Яковсон Р. О.* О латинизации международных телеграмм на русском языке. — In: Selected writings. The Hague — Paris, 1971 (впервые опубликовано — ВЯ, 1965, № 1).
- Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 1. М., 1928. Перепечат. в кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930.
- Яковлев Н. Ф.* Основы орфографии. Предварительный набросок тезисов. — В кн.: Революция и письменность, 1933, № 1 (16).
- Янакиев М.* Основы теории орфографии. — ВЯ, 1963, № 5.
- Янакиев М.* Теория орфографии и речь. — ВЯ, 1964, № 1.
- Ястребцов И. И.* Об умственном воспитании детского возраста. — В кн.: Соч. доктора Ястребцова. М., 1831.
- Ястребцов И. И.* Отрывки из ненапечатанного сочинения: Введение в географию и историю. — Московский телеграф, 1831, май (1831а).
- Ястребцов И. И.* Два орфографических замечания. — В кн.: Исповедь, или Собрание рассуждений доктора Ястребцова. СПб., 1841.
- Adahl A.* Modern legal terminology in Russian. Translation and glossary problems. — In: Scando-Slavica, t. XIV, Munksgaard — Copenhagen, 1968.
- American men of science*, a biographical dictionary. Lancaster, Pa., 1949.
- Anon.* Spelling and pronunciation of Russian names. — Musician, 1915, v. 20, July.
- Arnim M.* International Personalbiographie, 1800—1943. Stuttgart, 1952.
- Atlante internationale del Touring Club Italiano.* Milano, 1968.
- Atlas Samochodowy Polski.* Warszawa, 1968.
- Aurousseau M.* Revision of the RGS II System. — The Geographical Journal, 1941, v. XCVII, N 5.
- Aurousseau M.* Suggested principles for the use and spelling of geographical names, The Geographical Journal, 1942, v. C, Part I, № 4; Part II, № 5—6.
- Aurousseau M.* The rendering of geographical names. Hutchison, 1957.
- Back O.* Die Transkription russischer Namen beim English-Deutsch- und Deutsch-Englisch-Übersetzen. — Lebende Sprachen, 1973, J. XVIII, H. 6.
- Barbeau A., Rodhe E.* Dictionnaire phonétique de la langue française. Stockholm, 1930.
- Bärsan A.* La standardisation des noms géographiques dans les publications générales et dans la cartographie. — В кн.: Actes du XI Congrès international des sciences onomastiques, t. I, Sofia 28 VI—4 VII 1972. Sofia, 1974.
- Basett E.* Librarian's guide to title-page Russian and principles of transliteration with an introduction to Russian law books. — In: Columbia University libraries, 1944 (Mimeographed).
- Beaulieux Ch.* Histoire de l'orthographe Française. Paris, 1927.

- Bidwell C.* Alphabets of the modern Slavic languages. — University of Pittsburgh, 1967 (Mimeographed).
- Bielfeldt H. H.* Die deutsche Umschrift russischer Namen. — Russischunterricht, 1949, Bd 2. Berlin—Leipzig, H. 2.
- Bithell J.* German pronunciation and phonology. London, 1952.
- Bolton H.* A uniform system of Russian transliteration. — The Library Journal, 1892, v. 17.
- Borkowski C.* An experimental System for automatic identification of personal names and personal titles in newspaper texts. — In: American Documentation, 1967, v. 18, № 3.
- British Standard Institution:
 British Standard for transliteration of Cyrillic and Greek characters — B. S. 2979, 1958;
 Draft British standard specification for transliteration of arabic characters. — Document № 66/9629. July, 1966.
- Buben V.* Influence de l'orthographe sur la prononciation du français moderne. — In: Spisy Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě, 1935, č. XIX.
- Bushell H. S.* Transliteration of the Russian, Serbian and Bulgarian for bibliographical purposes. London, 1953.
- Caetani L., Gabrieli G.* Onomasticon arabicum, v. I, Roma, 1915.
- The Canadian Oxford atlas, Ed. Lewis, Campbell, Bickmore, Cook. Toronto, 1951.
- Cantineau J.* Oppositions significatives. — In: Cahiers F. de Saussure, 1952, v. 10.
- Catford J. C.* A linguistic theory of translation. Oxford—London, 1969 (Ed. 1, London, 1965).
- Chevalier A., Coolidge A., Babine A.* Table of transliteration. — The Library Journal, 1900, v. 25, September.
- Cohen A.* The phonemes of English. The Hague, 1952.
- Coleman M.* Early Systems of transliteration. — Bulletin of the AATSEEL, 1948, v. 6, № 2, December 15.
- Coolidge A., Chevalier S., Noyes G.* New Russian orthography. Report by the Cataloguing committee's Subcommittee on Russian orthography. — In: American Library Association Bulletin, 1927, v. 21, April.
- Crane E.* Transliteration of Russian. — In: Industrial and Engineering Chemistry (New edition), 1937, v. 15, May, 20.
- Curtius G.* Grundzüge der Griechischen Etymologie. Leipzig, 1869.
- Decaux E.* Du rapprochement des écritures slaves. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. VI Congrès international des slavistes. Prague, 7—13 août 1968. Paris, 1968.
- Dick G., Kretschmer F.* Zur Transkription des russischen Alphabets. — In: Russischunterricht, 1954, H. 4.
- Dorion H., Poirier J.* Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. — Choronomia, 6, Québec, 1975.
- Duden. Rechtschreibung mit Berücksichtigung der häufigsten Fremdwörter, Leipzig, 1953.
- Duden. Der Große Duden. Wörterbuch und Leitfaden der deutschen Rechtschreibung. Aufl. 15. Leipzig, 1957).
- Duden Aussprachewörterbuch. Der Große Duden, Bd 6. Mannheim, 1962.
- Ebeling C. L.* Linguistic units. Amsterdam, 1960.

- Edman L.* Über den Gebrauch des Artikels im Neuhochdeutschen. Braunschweig, 1862.
- Ellis A. J.* Irish pronunciation of English in Early English, v. IV. London, 1874.
- Ellis A. J.* The existing phonology of English dialects. On early English pronunciation. London, 1889.
- Encyclopaedia Britannica* world atlas. Ed. Hudson, Odele, Yust. Chicago—London—Toronto, 1951.
- Exposé des principes de l'Association phonétique internationale.* [Leipzig], 1908.
- Firth J. R.* Alphabets and phonology in India and Burma. — In: Bulletin of the School of Oriental studies, 1936, VIII, 2—3.
- Fischbach H.* Suggestions for translating German, French and Italian chemical literature. — J. of Chemical Education, 1953, August.
- Fouché P.* Traité de prononciation française. Paris, 1956.
- Franklin D.* Reversible punctuation. Russian transliteration. — In: American documentation, 1965, v. 17, July.
- Frinta A.* K transliteraci slovenských abeced. — Slavia, 1925—26, J. IV.
- Funk and Wagnalls* New standard dictionary of the English language. New York—London, 1953.
- Gerych G.* Transliteration of Cyrillic Alphabets. Ottawa, 1965.
- Ginneken J., van.* La biologie de la base d'articulation. J. de psychologie, normal et pathologique, 1933, v. XXX, № 1.
- Grammont M.* Traité pratique de prononciation française. Paris, 1920.
- Grammont M.* Traité de phonétique. Paris, 1950.
- Grant W., Dixon J. M.* Manuel of modern scotch. Cambridge, 1921.
- Grant W.* The pronunciation of English in Scotland. Cambridge, 1963.
- Gunnarson G.* Om transkribering av ryska ortnamn. — Globen, Stockholm, 1945, 24.
- Gunnarson G., Stender-Petersen A., Gallis A.* Uttalerser om forslaget til en felles nordisk transkripsjon av Slaviske navn. Nordiske Språkspørsmål 1961 og 1962. Oslo, 1963.
- Haack* Großer Weltatlas. Gotha—Leipzig, 1968.
- Harris Z.* Morpheme alternants in linguistic analysis. — Language, 1942, v. 18.
- Haykin D.* Russian transliteration in Germany. — Library of Congress Information Bulletin, 1951, v. 10, may 28.
- Hedde W. G., Brigrance W. N.* American Speech. Ed. 4. Chicago—Philadelphia—New York, 1955.
- Heepe M.* Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedene Sprachgebiete. Berlin, 1928.
- Heilprin M.* Short notes. — The Nation, 1877, v. 25.
- Heilprin M.* Note. — Library journal, 1885, v. 10.
- Heller K.* Vorarbeiten für eine Reform der Fremdwortschreibung. — Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 24. Sprachwissenschaftliche Probleme einer Reform der deutschen Orthographie (II). Berlin, 1975.
- Hengst K.* Zur Typologie der Lehnnamen im Deutschen. — In: Der Name in Sprache und Gesellschaft. Berlin, 1973.
- Hermenau O.* «Scharko». Ein Beitrag zur Aussprache der russischen Namen. — In: Die neue Gesellschaft, H. 7. Berlin, 1948.

- Hermenau O.* Ein entscheidender Schritt zur Vereinheitlichung der deutschen Schreibung russischer Wörter. — Russischunterricht, 1949, H. 3
- Hogan J. J.* The English language in Ireland. Dublin, 1927.
- Hrdlička A.* Russian names. — Science, 1943, v. 97—101.
- Hübner P.* Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im Russischen seit den XI Jahrhundert. Bonn, 1966.
- Hvem er hvem?* Oslo, 1948.
- Iwainen L.* The rendering of English proper names in Russian. — The Slavonic and East European review, 1960, v. XXXIX. № 92, december.
- Iwainen L.* О русской передаче английских <h> и <gh> в XVI веке. — Scando-Slavica, 1970, t. XVI.
- Iwainen L.* О некоторых проблемах русской передачи английских собственных имен и других слов. — In: VII Międzynarodowy Kongres Slawistów. Warszawa, 21—27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973.
- Instruktionen für die alphabetischen Kataloge der Preussischen Bibliotheken vom 10 mai 1899.* Zweite Ausgabe in der Fassung von 10 august 1908. Unveränderter Nachdruck. Wiesbaden, 1964.
- International Standard Organization (ISO):*
 Draft ISO Recommendation, 1954, № 6, may;
 ISO Recommendation. R-9. International System for the transliteration of slavic cyrillic characters, 1955, October.
 ISO/TC 46 (secr. 500) 800E. International System for the transliteration of cyrillic characters, 1967, January.
 ISO/TC 46 (Secr. 501) 801. Introduction. General principles for the conversion of one written language into another.
 Comments and recommendations, 1967, January.
 ISO/TC 46. Draft ISO Recommendation № 1243. Revision of the ISO Recommendation R9-1955. International system for the transliteration of slavic cyrillic characters, proposed by Technical Committee, 1968, January.
- Jakobson R.* On linguistic aspect of translation. — In: On translation. Ed. R. A. Brower. Cambridge, Mass., 1959.
- James A. L.* Our spoken language. London, 1946.
- Jensen K. A.* Problems of an international chemical nomenclature A. C. S. Meeting, N. Y., 1951.
- Jespersen O.* The articulation of speech sounds represented by means of analhabetic symbols. Marburg, 1899.
- Jespersen O.* Lehrbuch der phonetik. Leipzig—Berlin, 1904.
- Jezbera F. J.* O pismenech všech slovanských národův. Praha, 1880.
- Jones D.* Das system der Association phonétique internationale. — In: Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebieten. Berlin, 1928.
- Jones D.* The pronunciation of English. Cambridge, 1937.
- Jones D.* The phoneme, its nature and use. Cambridge, 1950.
- Jones D.* An English pronouncing dictionary. London, 1954.
- Jones M.* Inclusive and uniform alphabet for Russian, Bulgarian, Serbocroatian, Czech and Polish. Claremont, Calif (mimeographed), 1941.
- Kenyon J. S.* American pronunciation. Ann Arbor, Mich, 1945.
- Kenyon J. S., Knott T. A.* A pronouncing dictionary of American English. Springfield. Mass., 1944.

- Kiparsky V* 1946 — Venajankielen luodennuksen merkitsemisestä. — Kansan sanomat, 1946, № 35.
- Kiviniemi E., Pitkänen R.-L., Zilliacus K.* Nimistöntutkimuksen terminologia. Terminologin inom namnforskningen. Helsinki, 1974.
- Kjellberg L.* De svenska vetenskapliga bibliotekens translitterering av cyrilliska skrift. — Nordisk tidskrift för bok- och biblioteksväsen, Uppsala, 1947, № 36.
- Kjellberg L.* Slavistik för bibliotekarier. Cyrillisk skrift. Lund, 1963.
- Kraks blaa bog.* København, 1950.
- Kral W.* Zu einer internationalen Transliteration der kyrillischen Buchstaben. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1955, № 69.
- Krapp G. Ph.* The English language in America. v. 2. New York, 1925.
- Krejčí K.* Pokusy o sbližení českého a polského pravopisu. In: Slovanská vzájemnost. Praha, 1938.
- Kürschner* Deutscher Gelehrten-Kalender, 1950. Red. F. Bertkan, G. Oestreich. Berlin, 1953.
- Landfield J.* The transliteration of Russian names. — American Historical Review, 1897, v. 2, July.
- Lebel P.* Les noms de personnes. Paris, 1946.
- Le Maître phonétique.* London, 1954, № 101.
- Lencek R. L.* The theme of the greek *koiné* in the concept of a slavie common language and Matija Majar's model. — In: American contributions to the Sixth international congress of slavists. Prague, 1968, august 7—13, v. I. Linguistic Contributions. Ed. H. Kučera. The Hague, 1968.
- Lepsius C. R.* Standard alphabet for reducing unwritten languages and foreign graphic systems to a uniform orthography in european letters. Ed. 2. London—Berlin, 1863.
- Lloyd R. J.* Northern English. Leipzig, 1899.
- MacCarthy P. A. D.* English pronunciation. Cambridge, 1944.
- Mańczak W.* Différence entre nom propre et nom commun. — In: 10 Internationaler Kongress für Namenforschung, 1. Wien, 1969.
- Martinet A.* Éléments de linguistique générale. Paris, 1960.
- Martinson Ph.* Comment on prononce le français. Paris, 1913.
- Matějka L.* The beginnings of slavie literacy. — Slavie and East European Studies, 1963, 8.
- Matějka L.* On translating from latin into church slavie. — In: American contributions to the VI International Congress of slavists. Prague, 1968, august 7—13, v. I. Linguistic Contributions. Ed. H. Kučera. The Hague, 1968.
- Matthews W.* The latinisation of cyrillic characters. — Slavie review, 1952, 75.
- Meyers Hand-Atlas.* Leipzig—Wien, 1900.
- Minn Latt.* The Prague method Romanization of Burmese. — Archiv Orientální, Praha, 1958, 26.
- Minn Latt.* First Report on Studies in Burmese grammar. — Archiv Orientální, Praha, 1962, 30.
- Mitchell A. G.* The pronunciation of English in America. Sidney, 1955.
- Mühlpfort G.* Transkriptionsprobleme. Die korrekte Wiedergabe russischer Namen im Deutschen. Berlin, 1957.
- Muka E.* Serbske městnostne mjena a jich woznam. — Slavia occidentalis, t. III—IV. Poznań, 1925.

- Neiswender R.* Guide to Russian reference and language aids. — Special libraries association Bibliographies, 1962, № 4.
- Neiswender R.* Russian transliteration — Sound and sense. — Special libraries, 1962, v. 53, January (1962a).
- Nerius D.* Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. Berlin, 1975.
- Nerius D.* Zur Reform der geltenden Regelung der Groß- und Kleinschreibung. — In: Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien Reihe A. Arbeitsberichte, 24. Sprachwissenschaftliche Probleme einer Reform der deutschen Orthographie (II). Berlin, 1975 (1975a).
- Nerius D., Scharnhorst J.* Sprachwissenschaftliche Grundlagen einer Reform der deutschen Orthographie. — In: Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte, 23. Sprachwissenschaftliche Probleme einer Reform der deutschen Orthographie (I). Berlin, 1975.
- Nida E. A.* Towards a science of translating. Leiden, 1964.
- Nouveau petit Larousse illustré.* Paris, 1953.
- Noyes G.* Slavic transliteration. — The Library Journal, 1901, v. 26, December.
- Official standard names, approved by The United States Board on Geographical Names. Gazetteers — продолжающееся издание.
- Orne J.* Transliteration of modern Russian: British and American Standards associations reach agreement on a Draft standard. — The Library Journal, 1963, v. 88, November.
- Orne J.* Transliteration of modern Russian. — In: Library resources and technical services, v. 8. Winter, 1964.
- Palmer F.* Value of Russian to the reference libraries. College and research libraries, 1945, v. 6, June.
- Petrů E.* K mezinárodním pravidlům přepisu cyrilice. — Československa rusistika, 1957, № 2.
- Phonetische Transkription und Transliteration. Nach den Verhandlungen der Kopenhagener Konferenz in April 1925. Heidelberg, 1926.
- Pike L. K.* Tone languages. Ann Arbor, 1948.
- Politis L.* Problèmes de la transcription des noms propres grecs modernes. — In: Résumés des communications de XI Congrès international des sciences onomastiques. Sofia 28 juin—4 juillet 1972. Sofia, 1972.
- Porite T.* Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrūnu latviešu literārajā valodā, IV. Lietuviešu valodas īpašvārdi. Rīgā, 1961.
- Porru G.* Anmerkungen über die Phonologie des Italienisches. — TCLP, 8. Prague, 1939.
- Quién es quien en la Argentina. Buenos Aires, 1953.
- Raģe S.* Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrūnu latviešu literārajā valodā, I. Igaņu valodas īpašvārdi, Rīgā, 1960.
- Rand McNally* Cosmopolitan world atlas. — San Francisco, 1949.
- Razran G.* Transliteration of Russian. — Science, 1959, v. 129—131.

- Richtlinien zur einheitlichen deutschen Wiedergabe russischer Eigennamen in der Deutschen Demokratischen Republik. Transkriptionsrichtlinien. Berlin, 1972.
- Ripman W.* Good Speech. N. Y., 1922.
- Robel L.* Problèmes théorétiques de la traduction de la poésie russe en français. — In: VI Congrès international des slavistes. Prague, 7—13 août 1968. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968.
- Rosenthal H.* English spelling of Russian words. Review of reviews. — American monthly, 1905, v. 31, January.
- Salys A.* Popular and academic transliteration. — Bulletin of the AATSEEL, 1948, v. 6, № 2, December.
- Sapota S.* Morph. Morpheme. Archimorpheme. — Word, 1956, № 1.
- Schema zur Transkription fremder Schriftarten (1 — Russisch; 2 — Kleinrussisch; 3 — Altbulgarisch; 4 — Neubulgarisch; 5 — Serbisch; 6 — Walachisch). Regeln für die alphabetische Katalogisierung in wissenschaftlichen Bibliotheken, 4. Перечень из «Инструкtionen für die alphabetischen Kataloge der Preussischen Bibliotheken». Leipzig, 1965.
- Schreibweise der slawischen Wörter und Namen. — Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, 1843, 1.
- Shaw J. T.* The transliteration of modern Russian for English-language publications. Madison—Milwaukee—London, 1967.
- Stievers E.* Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1901.
- Smith J.* Transliteration from Russian: What's in a name. — New Englander and Yale review, 1891, v. 54, May.
- Smolik W.* Zur Transliteration Kyrillischer Buchstaben. — ZIID-Zeitschrift, 1965, № 12.
- Sommer F.* Transliteration problems. The Library Journal, 1933, v. 58, June.
- Steinitz W.* Wie sollen wir russische Namen schreiben? — Neue Gesellschaft, 1948, H. 4.
- Steinitz W.* Abschliessend zur Schreibung russischer Namen. — Neue Gesellschaft, 1950, H. 3.
- Stewart J. A.* Manuel of colloquial Burmese. London, 1955.
- Svensk upplagsbok. Malmö, 1953.
- Sveriges offentliga bibliotek. Accessionskatalog 1889—1895. Stockholm, 1896; переизд.: Katalogregler för Kungl. bibliotek. Stockholm, 1916; переизд.: Katalogregler för svenska bibliotek. Stockholm, 1934; переизд.: Accessionskatalog 65—66 (1950—1951). Stockholm, 1953. См. также в кн.: Nordisk familjebok 23. Stockholm, 1916.
- Syromiatnikova E.* Syllabic. Moscow, 1936.
- Täubert H.* Die Lösung des Transkriptionsproblems. — Petermanns geographische Mitteilungen, 1957, № 4.
- Terminologie-Dienst. Russisch. Sektion Dolmetscher und Übersetzer beim Verband der Deutschen Journalisten DDR. Berlin: R. 4, November, 1967; R. 5, November, 1967; R. 6, März, 1968; R. 32, November, 1973.
- The Times Atlas of the world. Edinburgh—London, 1968.
- Thompson L. C.* A Vietnamese grammar. Seattle, 1965.
- Thulstrup A.* Konsten att översätta och redigera. Transkription. Ryska namn. Bulgariska och serbiska namn. Stockholm, 1942.

- Trager G. L.* The phonemes of Castilian Spanish. — TCLP, 8. Prague, 1939.
- Trager G. L.* The transliteration of Russian and other Slavic alphabets. — Studies in Linguistics, 1943, v. 1, № 20, June.
- Transkripsjon av russiske navn. Forslag til retningslinjer. Nordiske språkspørsmål 1957 og 1958. Åbo, 1959.
- Transliterace cyrilského písma do latinky. — Slavia, 1950, XX, № 1.
- Transliterația caracterelor slave chirilice. STAS 5309-70. București, 1970.
- Transliteration der Kyrillischen Schrift. Regeln der Bayerische Staatsbibliothek. München (6/r).
- Transliteration of Russian names. — Terminology Bulletin, 1960, № 118. (United Nations Secretariat, ST/CS/SEK, F. 118).
- Transliteration slawischer Kyrillischer Buchstaben. DDR-Standard. Entwurf. — ZIID-Mitteilungen, 10/4, Berlin, 1965, 9 März.
- Transliterationssystem zur einheitlichen Wiedergabe der Buchstabelemente bei Typenbezeichnungen, Nomenklatur- und Zeichnungsnummern in Vorschriften, Waren- und Materialplänen, Ersatzteilkatalogen u. a. technischer Dokumetation. — В кн.: Руссisch-deutsches Militärwörterbuch. Berlin, 1962.
- Translitération table (of the American Slavic and East European Review). — American Slavic Review, 1948, v. VII, № 1.
- Translitteration af det moderne russiske alfabet. Dansk standardiseringsråd. DS 378, I, 1. København, Marts, 1945.
- Translittération des caractères cyrilliques. FD Z № 46-001. Fascicule de documentation. Paris, 1956, Janvier.
- Translittering av Kyrilliska bokstäver. Svensk standard, SIS 01. 10. 21. Stockholm, 1963.
- Trnka B.* Jak psát azbukou na našich psacích strojích. — Slovo a slovesnost, 1955, 16, № 4.
- Trubetzkoy N. S.* Grundzuge der phonologie. — TCLP, 7. Prague, 1939.
- Tucker G.* American Eglish. N. Y., 1921.
- Ullmann S.* The principles of semantics. Glasgo, 1951.
- Unbegaun B.-O.* La langue Russe au XVI-e siècle. I. Paris, 1935.
- Unbegaun B.-O.* Colloquial and literary Russian. — Oxford slavonic papers, 1950, v. 1.
- Unbegaun B.-O.* Heidnisches und Christliches in der ostslawischen Namengebung. — In: Acta II Congressus internationallis historiae Slavicae Salisburgo-Ratisbonensis anno 1967 celebrati. Wiesbaden, 1970.
- United States Board on geographical names. The geographer Bureau of intelligence and research. US. Department of State — and — Office of Geography (Dpt. of the Interior):
 Romanization Guide. US Government printing office, 1964;
 Romanization Guide. Based on the Systems as Used by the U. S. BGN, 1967;
 Transliteration System for Russian BGN/PCGN, 1947;
 Transliteration System for Bulgarian BGN/PCGN, 1952;
 Transliteration System for Ukrainian BGN/PCGN, 1965.
- Uustalu E.* Double transliteration of geographical names. — American Slavonic and East-European review, 1956, v. 15, № 2.

- Vahros I., Kahla M.* Venäläisten sanojen translitteroinnista. — In: Eripainos Neuvostoliittoinstituutin Vuosikirjasta, 1959—1962, 11—14.
- Vakar N.* Transliteration. — Bulletin of the AATSEEL, 1948, v. 6, № 1, September, 15.
- Vem är det.* Svensk biografisk handbok 1951. Stockholm, 1950.
- Vem och vad?* Biografisk handbok 1948. Helsingfors, 1948.
- Vroonen E.* Les noms des personnes dans le monde. Bruxelles, 1967.
- Walter H.* Zur Problematik der Chronologie Slawischer Ortsnamenty-pen. — Zeitschrift für Archäologie, 1968, J. 2.
- Webster's* Biographical dictionary. Springfield. Mass., 1953.
- Webster's* Geographical dictionary. Springfield, Mass., 1949.
- Webster's* New International dictionary of the English language. Ed. 2. Springfield. Mass, 1946.
- Wer ist wer?* Das deutsche Who's who. Hrg. W. Habel. Berlin, 1951.
- Whitfield F., Maslenikov O., Tolpin J.* AATSEEL Committee on transliteration. — Bulletin of the AATSEEL, 1948, v. 5, № 4, June 15.
- Who's who in America*, v. 22, Chicago, 1942; v. 27, 1952.
- Who's who in Switzerland.* Zürich, 1952.
- Wie is dat.* Den Haag, 1952.
- Wise C. M.* Applied phonetics. Englewood Cliffs. N. J., 1957.
- Wolfenden S. N.* Outlines of Tibeto-Burman morphology. London, 1929.
- Wyld C. H.* A History of modern colloquial English. Oxford, 1936.
- Zikmund H.* Die deutschen i-Diphtonge in russischer Schreibung und Lautung. — Forschungen und Fortschritte, J. 40. H. 5. Berlin, 1966.
- Zikmund H.* Die deutschen i-Diphtonge in russischer Schreibung und Lautung. — Zeitschrift für Slawistik, 1967, Bd. XII, H. 2.
- Zikmund H.* Die deutsche Umschrift der russischen Zischlautbuchstaben. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1967, J. XVI, H. 5 (1967a).
- Zikmund H.* Die Rechtschreibung des Russischen. — In: Slawistische Beiträge aus der Deutschen Demokratischen Republik zum 50. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1967 (1967b).
- Zikmund H.* Die russische Schrift in neuer Sicht. — In: Zum VI Internationalen Slawistenkongress. Prag, 1968 (Sonderdruck aus «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XIII, H. 2). Berlin, 1968.
- Zima M.* Otvori na vāprosite za naučnata anketa po ezikoznanie. — Slavjanska filologija, Sofija, 1963, t. I.

Оглавление

Предисловие к первому изданию	3
Алфавитное письмо, практическая транскрипция, транслитерация. (Введение)	5
I. Слово в языке-источнике	41
Проблема переводимости	46
Информация имени	54
Языковая принадлежность имени	56
Модель имени	60
Лексическое значение основы имени	61
Структурное значение форманта имени	65
Специфика инициалей, медиалей и финалей имен	66
Повторяющиеся последовательности фонем	68
Особенности ударения и тона	68
Членение имени на значащие элементы	69
Грамматические отношения компонентов имени	70
Отношение говорящего к объекту	71
К вопросу о переводимости лексических основ собственных имен	72
Основы топонимов (77); Основы антропонимов (81); Основы имен других типов (85)	
Выбор объекта транскрибирования	89
Выбор языка-источника (90); Выбор варианта названия в известном языке (96); Выбор исходной грамматической формы (99)	
II. Процесс транскрибирования	103
Анализ написания иноязычного слова в языке-источнике	103
Чтение иноязычного написания	105
Разночтения одних и тех же написаний внутри одного языка (106); Разночтения одинаково пишущихся имен в разных языках (109); Имена собственные в чужой языковой среде (111); «Гибридные» имена (113)	

Определение фонемного состава иноязычного слова и перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка	115
Определение фонемного состава иноязычного слова (116); Перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка (117)	
Запись иноязычного слова в принимающем языке	121
Идентификация и различение в практической транскрипции	123
Потери информации имени при его транскрибировании . .	129
Отсутствие необходимого фонетико-орфографического материала (130); Излишний фонетизм или сленное следование букве (131); Отсутствие в заимствующем языке необходимых морфологических средств или их недостаточно точное соответствие (134); Перекодирование материала тоновых языков (135); Специфика близкородственных языков (140); Роль традиций (149); Транскрипционные ошибки (156)	
III. Заимствованное слово в принимающем языке	158
Написание заимствованных слов на русском языке	160
К вопросу о стандартизации	174
Использование знаков русского алфавита для записи иноязычных слов	181
Использование гласных букв	185
Буква <i>э</i> после гласных и согласных (185); Буква <i>е</i> (189); Буква <i>ы</i> (191); Буквы <i>ы, е, ю, я</i> после шипящих и <i>ц</i> (194); Удвоенные гласные (196); Дифтонги и диегласные сочетания (197); Варьирование гласного с нулем (204); Носовые гласные (207)	
Использование согласных букв	200
Европейское среднее <i>l</i> (210); Западноевропейское <i>h</i> (212); Удвоенные согласные (213)	
Использование вспомогательных букв	219
Оформление заимствованных слов в русском языке	223
Род. Число. Склонение	223
Прописные и строчные буквы	229
Стилистические прописные буквы (230); Десемантизирующие прописные буквы (231)	
Дефис	236
Апостроф	243
Кавычки	244
Заключение	248
Литература	255

Представляем Вам следующие книги:

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

- ✓ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.
- ✓ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании.
- ✓ Балли Ш. Упражнения по французской стилистике.
- ✓ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику.
- ✓ Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка.
- ✓ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания.
- ✓ Сиротинина О. Б. (ред.) Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Лексика. В 2 кн.
- ✓ Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств.
- ✓ Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике.
- ✓ Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк.
- ✓ Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности.
- ✓ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность.
- ✓ Ломтев Т. П. Из истории синтаксиса русского языка.
- ✓ Чейф У. Л. Значение и структура языка. Пер. с англ.
- ✓ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства.
- ✓ Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык.
- ✓ Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.
- ✓ Погодин А. Л. Язык как творчество.
- ✓ Поржезинский В. К. Введение в языковедение.
- ✓ Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку.
- ✓ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.
- ✓ Будде Е. Ф. Русский язык.
- ✓ Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.
- ✓ Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка: Морфология.
- ✓ Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис.
- ✓ Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение: С приложением «Сборник задач по „Введению в языковедение“».
- ✓ Поржезинский В. К. Сравнительная грамматика славянских языков.
- ✓ Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка.
- ✓ Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы.
- ✓ Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.
- ✓ Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики.
- ✓ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.
- ✓ Шахматов А. А. Учение о частях речи.
- ✓ Поливанов Е. Д. Введение в языкознание.
- ✓ Матезиус В. Избранные труды по языкознанию.
- ✓ Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка.
- ✓ Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв.
- ✓ Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка.
- ✓ Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики.
- ✓ Винокур Г. О. О языке художественной литературы.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Серия «Школа классической филологии»

- ✓ Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов.
- ✓ Тронский И. М. История античной литературы.
- ✓ Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка.
- ✓ Добрянский Ф. Н. Словарь особенностей греческих диалектов.
- ✓ Коссович И. А. Древнегреческо-русский словарь.
- ✓ Бласс Ф. В. Герменевтика и критика: Искусство понимания произведений классической древности и их литературная оценка.
- ✓ Козан П. С. Очерки по истории древнегреческой литературы.
- ✓ Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе.
- ✓ Магаффи Дж. П. История классического периода греческой литературы: Проза: история, ораторское искусство, философия.
- ✓ Козаржевский А. Ч. Учебное пособие по латинскому языку для юридических факультетов университетов.
- ✓ Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков.
- ✓ Курциус Г. Греческая учебная грамматика. Пер. с нем.
- ✓ Шестаков С. П. О происхождении поэм Гомера: О происхождении «Илиады».
- ✓ Тронский И. М. Очерки по истории латинского языка.
- ✓ Шестаков С. П. О происхождении поэм Гомера: О происхождении «Одиссеи».
- ✓ Анненский И. Ф. Эврипид — поэт и мыслитель. Дионис в легенде и культе.
- ✓ Покровский М. М. Этюды по «Афинской политике» Аристотеля.
- ✓ Вестберг Ф. Ф. Записка готского топарха.
- ✓ Краузе В. М. Гомеровский словарь: К «Илиаде» и «Одиссее».
- ✓ Нидерле И. Грамматика греческого языка, обработанная для русских гимназий.
- ✓ Бодуэн де Куртенэ И. А. Из лекций по латинской фонетике.
- ✓ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний.
- ✓ Бёк А. Энциклопедия и методология филологических наук: (в изложении П. И. Аландского).
- ✓ Соколов Ф. Ф. Гомеровский вопрос.
- ✓ Аристотель. Об искусстве поэзии: Билингва (древнегреческий—русский).
- ✓ Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла.
- ✓ Шантрен П. Историческая морфология греческого языка.
- ✓ Линдсей У. М. Краткая историческая грамматика латинского языка.
- ✓ Нетушил И. В. Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка.
- ✓ Покровский М. М. Лекции по Цицерону: Введение в теорию и историю римского уоловно-политического красноречия. Prolegomena.
- ✓ Мор Я. Г. Книга упражнений по греческой этимологии.
- ✓ Благовещенский Н. М. Горащий и его время.
- ✓ Магаффи Дж. П. История классического периода греческой литературы: Поэзия.
- ✓ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы: От начала римской литературы до эпохи Августа.
- ✓ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы: Римская литература после эпохи Августа.
- ✓ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы: Римская литература при Августе.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

- ✓ *Капчиц Г. Л. // KAPCHITS G. L. (ред.)* Четыре гиены: Сомалийские народные сказки. Тринингва (русский–английский–сомали)
- ✓ *Харченко В. К., Плужникова Д. М.* Лингвосоматика: Обозначение частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной.
- ✓ *Полтавец Е. Ю.* Мифопоэтика «Войны и мира» Л. Н. Толстого.
- ✓ *Шапинская Е. Н.* Образ Другого в текстах культуры.
- ✓ *Тураева З. Я.* От мастерства писателя к открытиям читателя: В поисках сущности текста.
- ✓ *Разумов А. С.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Сенсационное исследование великого романа.
- ✓ *Мазо В. Д. (ред.)* Бирманские народные изречения: Более 4000 бирманских пословиц и поговорок с их русскими эквивалентами.
- ✓ *Ковалевская С. В.* Воспоминания детства. Нигилистка.
- ✓ *Стойкова Т. А.* Слово персонажа в мире автора: Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».
- ✓ *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр?
- ✓ *Парсегова Г. З.* «Влюбленные из Теруэля»: Легенды Испании.
- ✓ *Шепелевич Л. Ю.* «Дон Кихот» Сервантеса: Опыт литературной монографии.
- ✓ *Линков В. Я.* Бытие к бессмертию: Книга о Льве Толстом.
- ✓ *Глубоковский М. Н.* Гигиена голоса.
- ✓ *Сальников А. Н. (ред.)* Мысли ШЕКСПИРА: Изречения и афоризмы. Пер. с англ.
- ✓ *Блок А. А.* О назначении поэта. Стихи и культура.
- ✓ *Парсегова Г. З.* Письма об Испании. 160 лет спустя.
- ✓ *Благово Д. // Орнатская Т. И.* РАССКАЗЫ БАБУШКИ. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово // Литературоведческое исследование «Рассказы Е. П. Яньковой, записанные Д. Д. Благово». Обширный справочный аппарат и детальные комментарии к произведению.
- ✓ *Завалько Г. А.* СОКРОВИЩЕ ШИРА: Сказочная повесть на темы Дж. Р. Р. ТОЛКИЕНА.
- ✓ *Парсегова Г. З.* Страна Камино-де-Сантьяго: Самое необычное путешествие по Испании.
- ✓ *Дьяконова Н. Я., Амелина Т. А.* Хрестоматия по английской литературе XIX века.
- ✓ *Матушевский И.* ДЬЯВОЛ В ПОЭЗИИ: История и психология фигур, олицетворяющих зло в изящной словесности всех народов и веков. Пер. с польск.
- ✓ *Колянич Т. М., Капица Ф. С.* Медиастратегии современной российской прозы: Механизмы формирования читательского спроса.
- ✓ *Шеглов В. Г.* Граф Лев Николаевич Толстой и Фридрих Ницше: Очерк философско-нравственного их мировоззрения.
- ✓ *Вегеле Ф.* Данте Алигьери: Его жизнь, сочинения и политическая теория.
- ✓ *Баевский В. С.* История русской поэзии. 1730–1980. Компендиум.
- ✓ *Зыкова И. В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения.
- ✓ *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры.
- ✓ *Есенин С. А.* Литературоведческие статьи и заметки.
- ✓ *Даркевич В. П.* Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв.
- ✓ *Сперанский М. М.* Правила высшего красноречия.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

- ✓ *Балли Ш. Жизнь и язык.*
- ✓ *Харченко В. К. Азбука изящного поведения: Настроение. Осанка. Костюм.*
- ✓ *Ягелло М. Алиса в стране языка: Тем, кто хочет понять лингвистику.*
- ✓ *Гончарова Н. Н. Англо-русский и русско-английский литературоведческий словарь: Более 1500 словарных статей, упорядоченных по английским эквивалентам.*
- ✓ *Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс.*
- ✓ *Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени.*
- ✓ *Кузнецов В. Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму.*
- ✓ *Дрезен Э. За всеобщим языком: Три века исканий. (Обзор всех проектов создания искусственного всеобщего языка.)*
- ✓ *Донских О. А. К истокам языка: В шутку и всерьез.*
- ✓ *Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность.*
- ✓ *Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода.*
- ✓ *Гарагуля С. И. Лингвокультурологический словарь английских личных имен: Раскрытие содержания свыше 100 культурно значимых имен.*
- ✓ *Сеше А. Очерк логической структуры предложения.*
- ✓ *Чусь Г. Н. Пословица недаром молвится: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц.*
- ✓ *Николаев И. С., Митренина О. В., Ландо Т. М. (ред.) Прикладная и КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА.*
- ✓ *Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики.*
- ✓ *Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы: Анекдоты о глупцах.*
- ✓ *Эйдельман Н. Я. Свободное слово Герцена.*
- ✓ *Суриков К. А., Пугачева Л. Г. Ум, в котором мы живем. Технологии навигации реального мира: эпистемология объективной реальности.*
- ✓ *Барышников П. Н. Философия для лингвистов: Язык, сознание, реальность: горизонты смысла.*
- ✓ *Сёрл Дж. Р. (ред.) Философия языка.*
- ✓ *Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация.*

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
<http://URSS.ru>

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-6242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, (495) 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладужной» (м. Бауманская, ул. Ладужская, 8, стр. 1. Тел. (495) 267-0302)
 «Санкт-Петербургский Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «Книжный бум» (г. Киев, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «Академнига»). Тел. +38 (067) 273-5010)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валека, 12. Тел. (343) 253-5010)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- ✓ *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.
- ✓ *Глазунова О. И.* Синергетика творчества: Опыт анализа художественного текста.
- ✓ *Бейкер М.* Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания.
- ✓ *Тён ван Дейк.* Дискурс и власть.
- ✓ *Филд Дж.* Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами).
- ✓ *Деннет Д.* Сладкие грёзы: Чем философия мешает науке о сознании.
- ✓ *Квятковский А. П.* Словарь поэтических терминов.
- ✓ *Глазунова О. И.* Философия языка и проблемы современной лингвистики.
- ✓ *Мартин Б., Рингхэм Ф.* Словарь семиотики.
- ✓ *Горобец Б. С., Федин С. Н.* (ред.) А роза упала не на лапу Азора: Искусство палиндрома.
- ✓ *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу.
- ✓ *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности.
- ✓ *Озаровский Ю. Э.* Музыка живого слова: Основы русского художественного чтения.
- ✓ *Журавлев И. В.* Как доказать, что мы не в матрице? Сознание, коммуникация и психические расстройства.
- ✓ *Даль Э.* Возникновение и сохранение языковой сложности.
- ✓ *Суперанская А. В.* Как назвать тебя, Малыш? Каждому, кто хоть раз задумался о своём имени.
- ✓ *Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности.
- ✓ *Хомский Н.* О природе и языке: С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия».
- ✓ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика.
- ✓ *Шаховский В. И.* Отечественная лингвистика в лицах: Азбука человечности.
- ✓ *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов.
- ✓ *Гофман В. А.* Слово оратора: Риторика и политика.
- ✓ *Свириденко С.* (ред.) Старшая Эдда. Песнь о богах.
- ✓ *Ухтомский А. В.* Фразеологизмы в современной английской прессе.
- ✓ *Барский Л. А.* Анатомия английского юмора: Английские шутки с переводом на русский язык.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

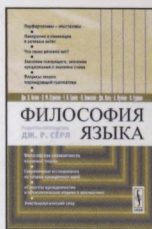
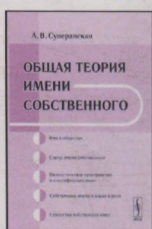
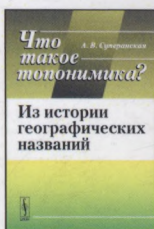
Научная и учебная
литература

Александра Васильевна СУПЕРАНСКАЯ 1929–2013

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук. Автор многих научных работ по языкознанию, по специальной лексике (термины, номены, собственные имена) и по культуре русской речи, а также научно-популярных книг. При ее участии был создан «Справочник личных имен народов РСФСР». Несколько изданий выдержал ее «Словарь русских личных имен».

Наше издательство предлагает следующие книги:

21716 ID 231169

9 785971 048503

Издательская группа
URSS

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru.
Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

